

МВД России
Санкт-Петербургский университет

Т.А. Грищенко, Т.Т. Ляшенко

**ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ
В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Монография

Санкт-Петербург
2024

УДК 342
ББК 67.400
П68

П68 Грищенко, Тарас Алексеевич. Право на мирные собрания в странах англо-саксонской системы: историко-правовой анализ развития и современные проблемы реализации : монография / Т. А. Грищенко, Т. Т. Ляшенко ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – 196 с. ; 21 см. – 100 экз. – ISBN 978-5-91837-911-0.

Дополнительные точки доступа:

I. Грищенко Тарас Алексеевич, введение, главы 1, 2.

II. Ляшенко Тарас Тарасович, главы 3, 4, заключение.

ISBN 978-5-91837-911-0

EDN: PMIJJB

Право на мирные собрания исторически было ключевым требованием популярных политических движений во всех странах, объединенных принадлежностью к англо-саксонской правовой семье. Хотя в исторической перспективе англо-американские страны добились относительно раннего законодательного закрепления прав граждан на мирные собрания, сегодняшней культурный, социально-экономический, правовой и политический климат в этих странах ставит самые серьезные препятствия реализации прав граждан в данной сфере, без должной законотворческой инициативы (посредством исключительно подзаконных актов) маргинализирует (цензурирует) целый пласт общественных движений, что противоречит декларируемым в девятнадцатом веке либерально-демократическим ценностям. В этих условиях, важно не только воспринять передовые достижения в области защиты прав и свобод человека, но и проанализировать отрицательный зарубежный опыт с целью недопущения его воплощения в Российской Федерации.

С этой целью в монографии авторами проведено исследование генезиса и развития права на мирные собрания, а также проблем, возникших при его реализации в ряде стран англо-саксонской правовой системе с момента отмежевания от континентального права до настоящего времени. Отдельно в работе рассмотрен правоприменительный опыт полиции по обеспечению, правовой оценке и механизмам пресечения тех или иных массовых публично-политических акций.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки, курсантов и студентов образовательных организаций МВД России.

УДК 342

ББК 67.400

Рецензенты:

Репьев А. Г., доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России);

Буняева К. В., кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина)

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2024

© Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т., 2024

ISBN 978-5-91837-911-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Этические истоки англосаксонского толкования свободы слова и собрания: историко-философский анализ	9
1.1. Раскол христианско-этической доктрины, формирование английской философской школы, противопоставление Аквинату	9
1.2. Формирование института петиции, как средства реализации свободы слова в английской философской школе	19
1.3. Анализ преемственности философии Локка относительно естественных прав в человека.....	33
Глава 2. Право на мирные собрания в Англии	49
2.1. Оспариваемое право на публичные собрания в Англии от Билля о правах до законов об общественном порядке	49
2.2. Парадокс общих прав в Англии.....	65
2.3. Акты об общественном порядке	72
Глава 3. Право на мирные собрания в США	78
3.1. Конституционное право на мирные собрания	83
3.1.1. Общее благо	83
3.1.2. Право на собрания и петиции	85
3.2. Первое испытание права на мирные собрания: демократическо-республиканские общества	88
3.3. Право на мирные собрания в довоенную эпоху	92
3.4. Неправильное толкование права на мирные собрания	99
3.5. Право на мирные собрания в прогрессивную эпоху	100
3.5.1. Суфражистки	101
3.5.2. Активисты за защиту гражданских прав	102
3.6. Межвоенные годы и рост свободы слова и собраний	104
3.6.1. Новая концепция первой поправки к Конституции США.....	104
3.6.2. Новые вызовы правам рабочих.....	106
3.6.3. Имплементация права на мирные собрания в законодательство отдельных штатов	107
3.6.4. Дело <i>Hague v. Committee for Industrial Organization</i>	108
3.6.5. Четыре свободы	109
3.7. Риторика в поддержку права на мирные собрания.....	111
3.8. Приоритет права на свободу объединения перед правом на свободу собраний	114
Глава 4. Право на мирные собрания в Канаде.....	120
4.1. Образование канадского государства и проблемы свободы мирных собраний	120
4.2. Общая характеристика проблем гражданских свобод в Канаде и их влияние на свободу мирных собраний	136
4.3. Зарождение современной концепции свободы мирных собраний	148

4.4. Канадская революция прав и свобод человека	153
4.5. Проблемы «независимости» права на мирные собрания на современном этапе	156
Заключение.....	173
Список использованных источников	184

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве демократических стран, принимавших конституции после 1948 года предусмотрены схожие гарантии для развития эгоцентрической модели, ставящей права и свободы личности в приоритет над общественными и государственными интересами. В этом плане Российская Федерация классический пример континентального подхода к гражданским правам. В Конституции Российской Федерации 1993 года данные гарантии получили следующую интерпретацию: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2); приоритет норм международного права (п. 4 ст. 15); сбор и хранение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (п.1 ст. 24); при введении чрезвычайного положения не подлежат ограничению важнейшие права и свободы (перечень предусмотрен п.3 ст. 56); при введении чрезвычайного положения Президент обязан незамедлительно проинформировать Федеральное Собрание (ст.88).

Подобный либеральный подход за 70 лет «оброс» комплексом международных конвенций и решений международных судов, став, фактически фундаментальной концепцией.

Однако, ряд международно-политических факторов: миграционный кризис, разгоревшийся еще в 2014 году на фоне войны с террористической организацией ИГИЛ¹; пандемия, вызванная COVID-19; американо-китайская торговая война; международные санкции против Российской Федерации с 2022 года - заставили многие государства пересмотреть эгоцентрическую концепцию в пользу общественных интересов (цензура СМИ, ограничение свободы слова с сети Интернет, ограничение прав граждан на собрания и митинги и т. д.).

И если в странах романо-германской правовой семьи данные ограничения, носят временный, подзаконный характер - не посягают на конституционные гарантии граждан, с разным успехом, но обеспечены институтом конституционного контроля, то в странах англо-саксонской правовой семьи практика ограничений постоянно актуализируется новыми судебными прецедентами. При отсутствии должной кодификации и института конституционного контроля, в данный момент сложно прогнозировать как будет развиваться право на мирные собрания в странах англо-саксонской системы в ближайшие десятилетия.

Учитывая, что в настоящее время существует множество стран, которые так или иначе, восприняли правовую модель, сложившуюся в Англии, рассмотреть их всех в рамках одной работы не представляется

---

¹ Признана террористической организацией в России (с 29 декабря 2014 г.). Ее деятельность на территории страны запрещена.

возможным. Поэтому авторы сосредоточили свои усилия на трех крупнейших государствах англо-саксонской правовой системы: Великобритании, США, Канаде.

В Великобритании, родоначальнице англо-саксонской правовой системы право на мирные собрания исторически было одним из ключевых требований внепарламентских политических движений.

В нашей работе будет проанализирован путь трансформации мирных собраний из средства подготовки петиции к самостоятельному институту конституционного права. Какие дебаты велись вокруг данного права, и как национальные и местные власти пытались контролировать народные собрания, выступающие с политическими требованиями. Будут подробно исследованы и так называемые «парадоксы прав» в англо-саксонской правовой системе, когда право на «свободный проход» и на «воздух и отдых» вступает в конфликт с гарантиями права на мирные собрания при спорах вокруг свободы использования общественных площадок. Местные власти в Британии пытались ограничить право на мирные собрания и путем апелляции к «священному» праву частной собственности, запрещая митинги и демонстрации под предлогом того, что они создают препятствия и неудобства в пользовании имуществом.

В первой половине двадцатого века новые угрозы в Англии, связанные с агрессивной тактикой профашистских боевиков и расовым преследованием со стороны радикальных политических групп, потребовали принятия специального законодательства об охране общественного порядка. Данный подход, сложившийся на протяжении XX в. всего лишь защищал определенные виды собраний и протестных маршей, а сама реализация и охрана общественного порядка во время таких публичных мероприятий носила пространственный дискриминационный характер. В XXI в. право на мирные собрания, по-прежнему, остается в Великобритании предметом рассмотрения не конституционного, а административного права, а многие вопросы связанные с проведением публичных собраний остаются неурегулированными.

В США, свобода собраний лежала в основе важнейших общественных движений: аболиционизма в середине XIX в., женского движения за избирательное право в XIX и XX веках, рабочего движения в прогрессивную эпоху и после "Нового курса" Рузвельта, а также движения за гражданские права во второй половине XX в. Требования права на мирные собрания противостояли идеологической тирании, которая разразилась во время первой «красной угрозы» в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и второй «красной угрозы» 1950-х годов, получившей собственное имя «маккартизм». Авраам Линкольн однажды назвал «право на мирные собрания» частью «конституционной замены революции». В 1939 году популярная

американская пресса провозгласила его одной из «четырех свобод», лежащих в основе Билля о правах. И даже в 1973 году известнейший американский политический философ Джон Ролз назвал ее одной из «основных свобод». Но за последние тридцать лет право на мирные собрания превратилось в историческую сноску в американском праве и политической теории. Соответственно в нашей монографии мы попытаемся найти ответ, на вопрос почему право на мирные собрания практически полностью исчезло из нашей «демократической» ткани американского государства.

Изучая вопрос о развитии права на мирные собрания в Канаде, авторы столкнулись с парадоксальным вопросом – а, существует ли вообще такое понятие, как канадская культура прав? За последнее время в Канаде произошла значительная эволюция понятия "права". В отличие от Великобритании и США, где существуют относительно устойчивая практика и законодательство защищающие права и свободы вообще и право на мирные собрания в частности, то в Канаде до середины XX века культура прав включала в себя только самые основные свободы: слова, ассоциации, собраний, религии, прессы, голосования и надлежащей правовой процедуры. Причем в прошлом канадцы долгое время ассоциировали термин «гражданские свободы» с узкой концепцией прав, ограничивающейся гражданскими и политическими правами, а гарантии представляли собой простой запрет на неправомерные действия со стороны государства и открытые формы дискриминации.

Однако как будет показано в нашей работе эти запреты ничего не значили для исполнительной власти в Канаде, если она считало, что данное собрание угрожает правительству. Уже сам процесс формирования государства в Канаде сопровождался жестокими нападками даже на самые священные британские свободы, включая права на собрание, петицию и ассоциацию. Было очевидно, что хотя права и существуют, они подвергаются жестким и порой произвольным ограничениям. Такое положение дел было общепринятым, и оно сохранялось на протяжении большей части начала двадцатого века. Революция в области прав человека начинается в Канаде только в 60-70-х гг. XX в, соответственно господствующий нарратив о глубоких исторических корнях канадской правовой культуры не выдерживает никакой критики.

Таким образом процесс формирования гарантий множества прав и свобод, в том числе и права на мирные собрания еще далек от своего завершения. В нашей работе мы попытаемся исследовать нормативно-правовое обеспечение и правоприменительную практику связанные с правом на мирные собрания и выявить те недостатки, которые мешают его полной реализации.

Настоящая работа стала итогом многолетних исследований. Авторы потратили значительные усилия на поиск, перевод и верификацию оригинальных английских научных источников, прецедентов из судебной практики, статистических данных. Актуальных научных работ в отечественном конституционном праве на заявленную тему авторам выявить не удалось.

Отдельные положения данной монографии были апробированы авторами в научно-исследовательских работах и публикациях:

1. Грищенко Т. А., Тарасов А. В. Проблемы реализации гражданами права на проведение митингов : монография. – Санкт-Петербург : Издательство СПб университета МВД России, 2023. – 387 с.

2. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Реализация права на одиночный пикет в условиях ужесточения законодательства (проблемы практики) // Современное общество и право. – 2022. – № 4 (59). – С. 41–48.

3. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. О допущении введения бессрочных ограничений прав и свобод в международной и отечественной практике (сравнительно-правовой анализ) // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : сборник научных трудов V Национальной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 415–426.

4. Грищенко Т. А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий : монография. – Санкт-Петербург : Издательство СПб университета МВД России, 2022. – 160 с.

5. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Общественная безопасность и личные права — смена приоритетов в конституционном и международном праве в контексте пандемии // Современное общество и право. – 2021. – № 5. – С. 40–47.

6. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции ст. 79 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – № 4. – С. 21–27.

ГЛАВА 1. ЭТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ АНГЛОСАКСОНСКОГО ТОЛКОВАНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА И СОБРАНИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

К данной главе авторы приступили уже после написания разделов, посвященных конкретным правовым механизмам, регулирующим право на мирные собрания в странах англо-саксонской системы. Причиной тому стал долгий поиск первопричины концептуального размежевания английской и континентальной правовых доктрин.

Схожие экономические факторы (колониальная политика, отгораживание земель, индустриализация, буржуазия) и схожие политологические факторы (синхронный переход от сословного общества к классовому) должны были быстро сгладить все противоречия между двумя правовыми семьями и привести к формированию общеевропейской правовой доктрины. Однако этого не произошло.

Данная проблема заставила авторов исследовать свободу слова и собрания не с позиций права, а с позиций этики.

Такой подход позволил авторам предложить первопричину расхождения между романо-германской и англо-саксонской правовыми семьями в философско-этической сфере, а именно построение всей школы английской философии от Оккама до Гоббса на противопоставлении Аквинату.

1.1 Раскол христианско-этической доктрины, формирование английской философской школы, противопоставление Аквинату

После выхода из папской курии Генрихом VIII, британское просвещение было вынуждено развиваться на противопоставлении католической схоластики.

С XVI по XVIII века в Британии было издано значительное количество работ в области этики и права и не имея самостоятельной базы авторы начали с критики основоположника христианской этики – Фомы Аквинского и популяризации идей его противников.

Многие из этих английских мыслителей того времени либо жестко критикуют схоластику Аквината и труды по этике, основанные на его доктринах, либо развивают философскую школу Оккама без каких-то сопоставлений с догматом Фомы.

Интересно, что критика Аквината в среде английских философов-теологов началась еще до церковного раскола, в частности сильное противодействие некоторым частям учения Фомы оказал доминиканец Роберт

Килвардби (будучи епископом Кентерберийским, в 1277 году публично осудил этику Аквинского). Килвардби препятствовал изучению Аквината в Англии².

Преемник Килвардби на епископате францисканец Джоном Пекхэм продолжил критику учения Аквинского, и прямо запретил изучение доктрин Аквината на территории Англии.

Пекхэм и Фома вступили в ожесточенный спор лично, в Париже, когда оба были там в качестве профессоров в 1270 году³.

В случае с Пекхэмом критика Аквинского не сводилась к философским разногласиям, она распространялась на основные положения теологии и общественного уклада.

В течение пятидесяти лет после смерти Фомы, в Англии было написано 20 крупных трактатов, призванных исправить «ошибки» в его сочинениях. На собрании францисканского капитула в Страсбурге в 1282 году было приказано сопроводить копии “*Summa theologiae*” Фомы набором исправлений, составленных братом Уильямом де ла Маре из Англии.

Мы не можем говорить о прямом запрете на преподавание, в ту эпоху, Аквината в Оксфорде или Кембридже, однако факт того, что за последовавшие после смерти Фомы Аквинского три века его учение исследовалась, как пример ложной схоластики подтверждают большинство историков теологии.

К XV веку томистская кафедра философии и теологии превалирует в большинстве университетов Франции и Италии. Аквинат становится основой зарождающейся в итальянских городах буржуазной этики, появляются первые работы юристов по природе естественных прав человека с обязательной опорой на учения Аквинского.

В Англии этот же период - эпоха Джона Димса Скотуса и Уильяма Оккама - оба яростные критики Фомы Аквинского. В большинстве великих университетов Европы в конце Средневековья существовали три кафедры философии и теологии: Скотистская, Оккамовская и Томистская. Однако Оксфорд и Кембридж томизм не изучали.

Следовательно, схоластическая философия, на которую реагировал Фрэнсис Бэкон, не была томизмом. Ряд современных профессоров специализирующихся на изучении философии Локка и Гоббса утверждают, что в своих трудах они апеллировали не столько в этике Аквината, сколько к исправленной редакции 1282“*Summa theologiae*” (подробнее о их трудах в следующих параграфах).

Следует кратко обозначить основные доктрины учения Фомы Аквинского оказавшие влияние на формирование этики и права в континентальной

---

² Sharp D. The 1277 Condemnation of Kilwardby, "The New Scholasticism", VIII, 1934. Pp. 306-318 ; Callus D. The Condemnation of St. Thomas at Oxford, Oxford 1946. Pp. 12-18.

³ Подробнее см.: Bourke V. Aquinas' Search for Wisdom. Milwaukee, 1965. Pp. 168-171.

Европе, после чего исследовать, как к аналогичным проблемам подходили английские философы и правоведы.

Некоторые отличительные черты этического учения Фомы выделяют его среди других схоластов и придают определенный характер его последующему влиянию. Пять пунктов, кратко рассмотренных здесь, могут служить критериями, по которым можно судить о том, что тот или иной поздний тип этики чем-то обязан томистской позиции.

I. Право представлено императивом, который в первую очередь является интеллектуальным, а не волевым⁴. Когда Фома Аквинский в начале своего трактата о законах настаивает на том, что каждый *lex* — это *ordinatio rationis*⁵, он заботится о том, чтобы объяснить, что он подразумевает под *ratio*: центральные функции разума - познавательные, понимание и дискурсивное мышление⁶. Там, где английские мыслители его эпохи убеждены, что именно воля законодателя устанавливает каждый закон, Аквинский настаивает на том, что его источником является разум.

Конечно, и интеллект, и воля законодателя участвуют в принятии закона, но для Фомы интеллект управляет волей⁷. Такой интеллектуалистический подход к определению закона является, таким образом, типично томистской позицией.

Применительно к юриспруденции эту позицию можно интерпретировать следующим образом: принятию любого правового акта предшествует цель (проблема) достижению которой и служит правовой акт, воля — полномочия конкретного органа по реализации акта вторичны к цели.

II. Правый разум (*recta ratio*) является одновременно когнитивным и онтологическим по своим измерениям. Это не противоречит первой характеристике, полное понятие правого разума имеет метафизическую основу, которая имеет огромное значение. В *ordo rationis*, занимающем центральное место в понимании права у Фомы, используется поливалентное значение *ordo*. Так, если универсальное правило, управляющее человеческим поведением, является порядком правого разума, а благоразумное суждение о том или ином моральном действии - порядком *recta ratio*⁸, то существует также «порядок» в природных вещах, который представляет собой метафизическое основание для таких этических суждений.

Одно из наиболее поучительных заявлений о том, как этот рациональный порядок навязывается вселенной (включая людей) творческим

---

⁴ Davitt T. *The Nature of Law*. St. Louis, 1951. P. 41.

⁵ Aquinas T. *The Summa Theologiae*. P. 90 URL: https://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/1225-1274,Thomas_Aquinas,_Summa_Theologiae_%5B1%5D,_EN.pdf (дата обращения: 16.01.2024).

⁶ *Ipsum actum rationis, qui est intelligere et ratiocinari, et aliquid per huiusmodi actum constitutum* (Ibid, I, ad 2m).

⁷ *Dicendum quod omnis lex profiscitur a ratione et voluntate legislatoris; lex quidem divina et naturalis a rationabili Dei voluntate; lex autem humana a voluntate hominis ratione regulata* (ibid., P. 91).

⁸ *Prudentia vero est recta ratio agibilium*. Ibid. P. 57.

разумом Бога, можно найти в трактовке Провидения в третьей книге "Summa contra Gentiles"⁹.

Люди участвуют в божественно установленном "порядке", в рациональном характере их существующей природы, а также в рациональности их практического мышления.

Из данной позиции, в поздних работах, Аквинский будет постулировать идею по правам первого (божественного) и второго (светского, октроированного) порядка. Любое ограничительное толкование, кодификация или повседневная (судебная) интерпретация возможно только для прав второго порядка, права первого порядка – это предмет этики, они неподвластны светской власти и всесущи.

III. Моральная совесть — это конкретное интеллектуальное суждение о правильности или неправильности индивидуального действия, а не источник универсальных моральных убеждений.

Совесть — это действие, которое не следует путать с привычкой синдерезиса. Этот взгляд на моральную совесть отличается от взглядов протестантских теологий Реформации, в которых совесть становится способностью к интуиции общих истин религиозной и моральной жизни.

В современном толковании данное положение можно интерпретировать, как отношение субъекта к совершенному им действию (бездействию), а также последствиям деяния. Следовательно, Аквинат говорил о разделении таких понятий как вина и степень общественной опасности.

IV. Понимание конца человеческой жизни как конечной причины, к которой должна быть направлена вся добровольная деятельность. Для Фомы Аквинского конец человеческой жизни — это совершенная реальность, высшее благо, Бог. Субъективно каждый человек способен в большей или меньшей степени достичь этой конечной цели, но отличительный акцент Аквинского в его телеологии падает на неизбежность и необходимость естественного стремления человека к совершенному благу.

В этом естественном стремлении святой Фома не видит никакой свободы. Как только человек появляется на свет в качестве представителя человеческого рода, он естественным образом склоняется к Богу как к конечной цели человеческой жизни. Человек не выбирает эту цель; он ничего не может сделать, чтобы вывести себя из экзистенциальной ординации к этому *summum bonum*¹⁰.

Многие поздние схоласты (и многие современные феноменологи) не смогли оценить эту конечность человека. В средневековой британской

---

⁹ Aquinas T. Summa contra Gentes. Pp. 64-110 URL: <https://basilica.ca/documents/2016/10/St.%20Thomas%20Aquinas-The%20Summa%20Contra%20Gentiles.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁰ Таким образом, Аквинский прямо заявляет: "Dicendum quod necesse est quod omnia quae homo appetat propter ultimum finem" (Summa theologia., I^o 11^a, 1, 6). Эта естественная необходимость человеческой воли (*voluntas ut natura*) забыта в дискуссиях о "свободе воли" в поздней схоластике и, конечно, в ранней британской этике (См. Bourke V. Will in Western Thought. Pp. 55-76).

этике подобная доктрина отсутствует, а просветители эпохи просвещения подвергают ее поверхностной критике, ошибочно отождествляя ее с фатализмом.

В английской философии до сих пор имеет место доктрина «Вечной воли» то есть личных прав, которые не исчезают со смертью личности, а продолжают учувствовать в общественных отношениях.

V. Моральные добродетели (благоразумие, воздержание, стойкость и справедливость) используются Аквинским в качестве предметных категорий для этической классификации практических проблем. Аквинский рассматривал четыре кардинальные добродетели как "области" человеческой деятельности, в которых добро и зло могут быть классифицированы.

Таким образом, его трактовка различных видов моральных поступков выстроена не по этическим правилам (как это было в некоторых неомистских системах моральной теологии), а по:

а) правильным рассуждениям о любых моральных проблемах (prudential);

б) умеренности чувств в отношении удовольствия или боли (temperantia);

в) твердой аффективной реакции на опасности окружающей среды (fortitudo);

г) разумному желанию и совершению того, что хорошо для других людей, как для себя (justitia).

Эта теория нравственной добродетели представляла собой альтернативу легализму большинства других видов схоластической этики.

Англичане, напротив, сосредоточились на его объяснении права и пренебрегали теорией добродетели и исследованиям природы естественных прав человека.

В качестве некоторого исключения ряд исследователей обращают внимание на влияние, которое святой Фома оказал на "De laudibus legum Angliae" Джона Фортескую.

Этот латинский трактат XV века подчеркивает, что естественное право находится между высшим божественным законом и низшими человеческими законами.

Фортескую отводит центральную роль человеческому пониманию в установлении и критике государственных законов. В более теоретических частях своих юридических трудов Фортескую неоднократно ссылается на Фому Аквинского.

Аргументирует необходимость постулировать (закрепить в тексте) кодекс естественных прав, чтобы избежать ограничительного толкования естественного закона светскими властями.

Однако такой подход был позитивно воспринят на континенте, трактат вошел в курс обучения Сорбонны, в Англии современниками работа не была отмечена.

Другие британские философы и правоведы опирались в своих работах лишь на отдельные постулаты Аквината, не исследуя природу естественных прав в комплексе.

Так, интеллектуальный подход к праву занимает видное место в творчестве Кристофера Сен-Жермена. Его "Доктор и студент, или Диалог между доктором богословия и студентом по законам Англии" (1523) был популярен среди студентов британской юриспруденции на протяжении более чем столетия¹¹.

Сен-Жермен отводит первое место "закону разума" среди шести оснований для законов Англии¹². Трактровка Сен-Жерменом "синдерезиса", как силы высшей части души (аквинского *ratio superior*), которая позволяет ей знать универсальные правила добра и зла, и его объяснение совести, как применения общего знания к конкретным случаям — оба эти понятия кажутся томистскими¹³.

Однако в Сен-Жермене уже заметен акцент на инструментальном и калькулятивном характере правового рассуждения, что существенно отдаляет его от обоснованной теории права Фомы Аквинского.

Иными словами, Сен-Жермен станет первым заметным ученым британской школы, начавшим движение к эмпирическому подходу в праве, Джон Локк столетие спустя, блестяще разовьет эту доктрину и окончательно отдалит британскую правовую семью от Аквината¹⁴. В правовой философии Сен-Жермена нет реального онтологического основания для естественного права — «права очевидны и как следствия не нуждаются в закреплении».

В комментариях Джона Селдена (XVII век) к книге Фортескью "De Laudibus legum Angliae" предполагалось, что естественное право восходит к древним традициям евреев¹⁵.

Сам Селден критически относился к устоявшейся религии и склонялся к натурализму, исключая откровение¹⁶. Он обосновывал естественное право правильным использованием разума (*recto rationis usu*) и предполагал, что, даже если де-факто происхождение морального закона лежит в вечном законе, мораль может и должна быть установлена обычным

---

¹¹ Впервые напечатана на латыни в 1523 году под названием *Dialogus de Fundamentis Legum et de Conscientia*; английская версия была добавлена позже к латинской (Лондон, 1721).

¹² J. Gough. *Fundamental Law in English Constitutional History*. Oxford, 1955. Pp. 17-18.

¹³ См.: Главы с XIII по XVI *Doctor and Student, on synderesis, conscience and equity* (Цит. по: Vinogradoff P. *Reason and Conscience in Sixteenth-Century Jurisprudence*. *Law Quarterly Review*, XXIV, 1908. Pp. 373-384).

¹⁴ Как замечает Г. Фасо: "La ragione ha, anche per lui [Locke], come per St. German o per Coke, una funzione strumentale, non costitutiva..." (Fassó G. *La legge della ragione*. Bologna, 1964. P. 224).

¹⁵ *De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum* (1640) напечатана вместе с другими трудами в J. Selden. *Opera Omnia, recognovit D. Wilkins*, 3 vol., London, 1726.

¹⁶ Таково суждение М. Б. Кроу в труде «An Eccentric Seventeenth-Century Witness to the Natural Law: John Selden» (*Natural Law Forum*, XII, 1967. Pp. 184-195).

человеческим рассуждением, без обращения к откровению, а в случае спорных позиций мораль допустимо трактовать арбитром применительно к конкретной ситуации (иску).

Интересно, что в работах Джона Селдена ни одного упоминания о святом Фоме в его работах¹⁷.

Некоторые другие авторы-юристы Англии XVII века знали кое-что о томистской мысли. Взгляды Аквинского на справедливость, как на высший тип правосудия¹⁸, нашли отклик, например, в работах Джона Гудвина. Его "Право и право" (1648) апеллирует к учению Фомы о том, что решения по справедливости заменяют обычные законы в случаях необходимости¹⁹.

Тем не менее, в более поздней британской юриспруденции естественное или высшее право все чаще приписывается воле законодателя, или общему согласию подданных, или, в конце концов, своего рода рациональному исчислению, не нуждающемуся ни в метафизике²⁰ ни в конституционном закреплении.

С семнадцатого века происходит активный обмен идеями между философскими школами Англии и Франции, следствием тому стало формирование нового направления – «кембриджские платоники».

В XVII веке группа британских философов, заняла реалистическую позицию, совершенно не характерную для номинализма и эмпиризма философской традиции в Англии²¹. Этих мыслителей называли "платонистами", но их кругозор был гораздо шире, чем можно было бы предположить по этому ярлыку.

Можно было бы ожидать, что их эпистемологический реализм приведет их к трудам Фомы Аквинского, но большинство кембриджских платоников были пуританами и не считали римско-католическую философию привлекательной.

В области этики Ральф Кадворт - выдающаяся личность в кембриджском платонизме. Его "Трактат о вечной и неизменной морали" (написан около 1680 года) открывается критикой волюнтаризма от Уильяма Оккама и Пьера Д'Айли до Рене Декарта, Пьера Гассенди и Томаса Гоббса²².

---

¹⁷ Книга Селдена "Table Talk" была широко распространена в Англии; в ней обсуждается божественное происхождение естественного права, но без упоминания взглядов Аквинского.

¹⁸ Ср. например, *Summa theologiae* II^{ae}, 120, 2: "de ea justitia dicitur per prius quam de legali, nam legalis justitia dirigitur secundum epietikeiam". В своем понимании *epietikeia* (справедливости) Аквинский радикально отличается от многих других схоластов и канонических юристов, которые рассматривают справедливость как второстепенный вид правосудия, напоминающий милосердие (См., например: Bourke V. *Foundations of Justice, in Ethics in Crisis*. New York, 1966. Pp. 120–129).

¹⁹ Gough J. *Fundamental Law in English Constitutional History*. P. 103.

²⁰ Finnis J. *Theoretical Intentions of Blackstone*. *Natural Law Forum*, XII, 1967. Pp. 163–183, где утверждается, что Блэкстон считал, что большинство человеческих законов не имеют никакого основания в природе.

²¹ Двумя лучшими книгами по этой школе за последнее время являются: Cragg G. (ed.). *The Cambridge Platonists*, New York, 1968; Patrides C. (ed.). *The Cambridge Platonists*. Cambridge, 1970.

²² Cudworth R. *A Treatise concerning Eternal and Immutable Morality*. London, 1731. Pp. 4–10.

Эти мыслители, по мнению Кадворта, делают "произвольную волю и благоволение Бога" первым правилом и мерилom морального добра и зла. Он прямо выступает против утверждения, что воля законодателя устанавливает закон, будь то божественный или человеческий.

Кадворт пишет: "Это настолько далеко от истины, что все моральное добро и зло, справедливое и несправедливое, являются просто произвольными и фактическими вещами, которые создаются исключительно волей; что (если мы хотим говорить правильно) мы должны сказать, что ничто не является морально добрым или злым, справедливым или несправедливым, по простой воле без природы, потому что каждая вещь является тем, чем она является по природе, а не по воле"²³.

Очевидно, что эта интеллектуальная и реалистическая позиция Кадворта схожа с Аквинатом, но он не упоминает Фому Аквинского²⁴.

Современник Кадворта, Джон Смит, в начале своего трактата "Превосходство и благородство истинной религии" приводит такой отрывок: "Разум в человеке, будучи *lumen de lumine* - светом, исходящим от Источника и Отца светов - и будучи, как выражается Цицерон, *participata similitudo rationis aeternae* (как закон *naturae* - закон, написанный в сердце человека - *participatio legis in rationali creatura*) должен был позволить человеку выработать из себя все те представления о Боге, которые являются истинным основанием любви и послушания Богу...". Более непосредственным источником представляется "Сумма теологии" Фомы Аквинского.

В статье о том, знает ли интеллектуальная душа человека нематериальные вещи по вечным причинам (*in rationibus aeternis*), Фома высказывает мнение, что божественные идеи (т. е. вечные причины) могут рассматриваться как источник (*principium*) некоторых знаний человека. Он добавляет: "*Ipsium enim lumen intellectuale, quod est in nobis, nihil est aliud quam quaedam participata similitudo luminis increati, in quo continentur rationes aeternae*"²⁵.

Позже, Аквинский говорит о естественном праве, как об участии в вечном законе: "*et talis participatio legis aeternae in rationali creatura lex naturalis dicitur*"²⁶.

Во многом такая же зависимость от трактовки Аквином права прослеживается и в "Свете природы" (1646), написанном другим кембриджским ученым, Натанаэлом Калвервелом. Он с одобрением использует текст этого же раздела *Summa theologiae*.

Таким образом, можно сделать вывод, что Фома Аквинский действительно повлиял на мышление некоторых кембриджских платоников в области права, божественного и естественного²⁷.

---

²³ Ibid. P. 13. Орфография и пунктуация осовременены.

²⁴ Ryan J. The Reputation of St. Thomas Aquinas Among English Protestant Thinkers of the Seventeenth Century. Catholic University of America Press, 1948. P. 101.

²⁵ Ibid. P. 84.

²⁶ Aquinas T. The Summa Theologia. P. 90.

²⁷ Patrides C. (ed.). The Cambridge Platonists. Cambridge, 1970. P. 5.

Объективности ради, выделим группу английских философов – последователей Аквината, они не сформировали самостоятельной философской школы и не смогли оказать существенного влияния на общественные процессы, однако именно они, критикуя британский пуританизм первыми сделали попытку популяризации Аквината в Англии.

"Каролинские казуисты" — это название большой группы англиканских теологов-моралистов, активно работавших в конце XVII века²⁸. Их работы не оказали существенного влияния на формирование этики и права, поскольку они были в первую очередь не просветителями (профессорами) философами, а священнослужителями, занимавшимися пастырской работой.

Среди историков англиканского морального богословия каролинские казуисты отмечены как наиболее близкие к философии Фомы Аквинского.

Томас Вуд говорит о них: "Они были готовы воспользоваться трудами своих средневековых предшественников и римских современников, но быстро критиковали и отвергали все, что считали не соответствующим здравому смыслу, Писанию и раннехристианскому учению... в своих рассуждениях о законе и совести они по большей части стояли в томистской традиции".

Кратко рассмотрим их на примере Сандерсона и Тейлора.

Книга "De obligatione conscientiae: Praelectiones decent" была опубликована в 1661 году, но ее источником послужили лекции о значении обязательств, прочитанные Робертом Сандерсоном в Оксфорде пятнадцатью годами ранее. Став епископом Линкольна (1660), он опубликовал эту и несколько других книг о "делах совести". Философская основа его моральных взглядов состоит из четырех частей: Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский и Ричард Хукер.

В своей лекции «О праве» Сандерсон описывает право как интеллектуальный порядок, возникший как Вечный Закон в Божьем Разуме и переданный человеку как Естественный Закон посредством работы правого разума.

Он явно обязан трактату о законах в "Сумме теологии" Аквинского. Хотя многое в материалах Сандерсона могло быть взято из тщательного пересказа Гукера, несомненно, Сандерсон использовал оригинальную латынь "Суммы теологии"²⁹. Упор на правый разум в трактовке Сандерсоном морального закона является главным фактором, утверждающим его позицию как томиста³⁰.

---

²⁸ McAdoo H. The Structure of Caroline Moral Theology. London, 1949 ; Wood T. English Casuistical Divinity during the Seventeenth Century, with Special Reference to Jeremy Taylor. London, 1952.

²⁹ X. P. МакАду замечает: "Любимым чтением Роберта Сандерсона было *Secunda Secundae*, что действительно видно из его работ, но он никогда не терял интерес к его чтениям *Prima Secundae* (McAdoo H. The Structure of Caroline Moral Theology. P. 1).

³⁰ Т. Вуд отмечает, что естественный закон Сандерсона предписывает человеку просто жить в соответствии со своим разумом (Wood T. English Casuistical Divinity during the Seventeenth Century, with Special Reference to Jeremy Taylor. P. 82).

Аналогичным образом, моральное сознание для Сандерсона — это интеллектуальное суждение, применяющее общие предписания естественного права к собственным конкретным проблемам³¹.

Примерно такие же акценты можно найти в самой влиятельной книге Джереми Тейлора "Ductor Dubitantium" (написана около 1659 года). Он говорит: "Ибо закон природы есть не что иное, как закон Божий, данный человечеству... Закон, в котором человек видит причину и чувствует необходимость: Бог - законодатель".

Рационализм его трактовки закона тем более поразителен, если учесть открытую антипатию Тейлора к римскому католицизму. Его интерпретация Декалога, например, не допускает исключений из большинства его предписаний.

Так, в качестве «вопиющего примера непослушания» Тейлор приводит вступление Фомы Аквинского в орден проповедников вопреки желанию родителей. Непослушание родителям всегда неоправданно, утверждает Тейлор³². Тем не менее Райан перечисляет десять работ Фомы Аквинского, которые цитирует Тейлор. Например, его рассуждения о коммутативной справедливости — это пересказ двух статей из "Суммы теологии" Фомы.

Не менее важной ролью каролинских казуистов в истории томизма является их возможное влияние на Джона Локка.

Некоторые историки выражают сомнение в том, что Локк когда-либо знал о философии Аквинского, подробнее об этом мы поговорим в следующем параграфе, здесь лишь кратко отметим, что в своей библиотеке Локк имел целый каталог работ Джереми Тейлора, Роберта Сандерсона, Джозефа Холла, Уильяма Перкинса и некоторых других каролинских казуистов³³. По крайней мере, косвенно, через этих каролинских моралистов Фома Аквинский мог повлиять на британскую этику.

Естественно, с точки зрения законов историзма, что формирование Англиканской церкви стало закономерным итогом политической и культурной автономизации Англии от континентальной Европы, а не прихотью Генриха VIII.

Тот факт, что Аквинат ставший основой для формирования всех европейских школ философии, заложивший основу учения о естественном праве и норме должного поведения, в Англии был подвергнут резкой критике в течение нескольких веков, а за тем показательно игнорировался.

Фактически Локк был вынужден изобретать учение об этике и праве заново, лишь частично следуя логике Аквината в трактовке каролинских казуистов.

---

³¹ Sanderson R. Casus Conscientiae (sive Quaestiones Practicae) Novem. Cambridge, 1688. P. 21.

³² De obligatione conscientiae praelectiones decem Oxonii in schola theologica habitae Anno Domini M.DC.XLV by Sanderson, Robert. Cambridge, 1851. Гл. V, правило VIII.

³³ Leyden W (ed.). John Locke: Essays on the Law of Nature: The Latin Text with a Translation, Introduction and Notes, Together with Transcripts of Locke's Shorthand in His Journal for 1676. Clarendon Press, 2002. P. 27.

При этом Локк не мог позволить себе критически пересмотреть господствовавшие в то время в Англии догмы пуританства, этот факт также приведет нас к разному пониманию природы гражданских прав, как следствие прав на свободу слова и собрания в Англии и Франции.

Трактуя свободу слова и собрания как производное право на петицию, английская правовая система лишила конституционных гарантий данные гражданские свободы и этим закрепила главное отличие англосаксонской и романо-германской правовой систем. Авторы надеются изложенный в данном параграфе краткий материал по британской философии позволит читателю искать причины не только в правовых и политологических факторах.

1.2. Формирование института петиции, как средства реализации свободы слова в английской философской школе.

Идеи от допустимости ограничения личных прав в интересах сохранения в безопасности общественного блага одним из первых в английской философии постулирует Томас Гоббс.

Его труды подробно исследуют многие теоретики права занятые проблемами соблюдения (ограничения) прав личности и в целом теорией общественного договора.

И это не случайно, в главе 15 "Левиафана" Гоббс утверждает, что "законы природы обязывают *in foro interno*; то есть они обязывают к желанию, чтобы они имели место; но *in foro externo*; то есть к приведению их в действие, не всегда". Из этого Гоббс делает вывод, что всякий раз, когда возникают условия безопасности, в частности, посредством принудительного верховенства закона, мы обязаны следовать этому закону в соответствии с законами природы³⁴.

При этом большинство авторов не видят существенных противоречий между французскими просветителями XIX века и идеями Гоббса, более того их ставят в общий ряд основоположников общественного договора, не вдаваясь в сопоставление сущностных характеристик в различных философских школах таких понятий как: естественное право, гражданские свободы, общественный договор.

Как мы помним из первого параграфа, английская философия прошла собственный путь развития и от гоббсовского толкования базовых понятий, определяющих, механизмы регулирования гражданских прав зависит общее понимание особенностей правового регулирования права на мирные собрания в странах англосаксонской системы. В рамках заявленной

---

³⁴ Branstetter J. The Leviathan's Conscience: Hobbesian Human Nature and Moral Judgment. Political Research Quarterly, 70(4), 2017. P. 781.

нами темы монографии, важно определить ценностные характеристики «общественного договора», а также расставить приоритеты между личным правом гражданина на свободу слова/свободу собраний и общественным спокойствием.

«Если мы не следуем закону в условиях безопасности, то способствуем насильственному разрушению, а не миру» - данный тезис по Гоббсу предполагает, что мы сохраняем свободу действий, но теряем разумное оправдание (убедительный мотив) для несоблюдения закона.

При этом Гоббс утверждал, что даже тот, кто следует гражданскому закону, может нарушить законы природы, если его цель направлена против них, «ибо несправедливость, неблагодарность, высокомерие, гордыня, беззаконие, принятие лиц и прочее никогда не могут быть законными».

Фактически, гарантией обеспечения права на свободу слова и свободу собраний, по Гоббсу, выступает историческая возможность граждан нарушить закон.

Законы природы обязывают нас к "неустанным и постоянным усилиям", и законы природы исполняются нами до тех пор, пока мы стараемся действовать в соответствии с ними.

Гоббс утверждает, что законы природы описывают структуру мышления о поведении, общую для всего человечества, и что эти законы относятся к нам в любых обстоятельствах, будь то мир или насилие - мы можем действовать только в рамках с максимы рационального поведения; нет других максим, к которым можно было бы апеллировать, независимо от того, какое конкретное поведение мы демонстрируем.

Это наводит Гоббса на мысль, что не следует называть законы природы "законами", поскольку «закон» — это "слова того, кто по праву имеет власть над другими"³⁵.

То, что мы называем законами природы, лучше понимать, как "догмы о том, что способствует сохранению и защите самих себя"³⁶.

Гоббс хочет показать, что светские законы являются собственно законами в той мере, в какой они воплощают требования догм сохранения. То есть не противоречат сумме этических правил (сумме общественных интересов).

Например, светские законы способствуют "установлению мира", если они основаны на признании того, что "справедливость, благодарность, равенство, милосердие и остальные законы природы — это добро, то есть моральные добродетели, а пороки, им противоположные — это зло"³⁷.

Это свидетельствует о том, что Гоббс придерживался собственной версии традиционного взгляда, согласно которому светские законы, адекватно сформулированные, представляют собой естественный закон,

---

³⁵ Ibid. P. 783.

³⁶ Cromartie A. The God of Thomas Hobbes. The Historical Journal, vol. 51, no. 4, 2008. P. 867.

³⁷ Ibid. P. 870.

действующий в определенных условиях (служат сохранности природным догмам).

Гоббс начинает обсуждение светских законов в главе 26 Левиафана, говоря, что жить в содружестве — значит получить доступ к пониманию того, что должно требоваться от сообщества; знание светского о права в целом может быть приобретено любым человеком"³⁸.

Цель - обсудить право в том виде, в каком оно может быть понято людьми вообще "не принимая на себя профессию юриста". Гоббса интересует не юриспруденция, а естественное понимание закона, которое доступно всем или может быть доступно разъяснено.

Общее понимание сводится к признанию того, что "законы природы" или догмы сохранения должны быть реализованы посредством постоянного обновления светского права.

Право по Гоббсу - догмы о сохранении, воплощенные в жизнь для определенного круга людей: "светский закон и естественное право — это не разные виды, а разные части права... одна часть писаная... другая неписаная..."³⁹.

Это неизбежное следствие теоремы о сохранении: «Таким образом, закон природы является частью светского права во всех государствах мира. В свою очередь, светское право также является частью велений природы».

Итак, если гражданское право⁴⁰ должно быть волевым для каждого, кто правильно понимает теоремы сохранения, то необходимые условия для создания гражданского права также должны быть волевыми. В противном случае общество впадет в абсурд.

Люди могут впасть в такой абсурд - более того, чем больше личных интересов необходимо учитывать в общественном договоре, тем выше стремление нарушить догму сохранности, то есть стремление к абсурду по Гоббсу. Возжелавший постулировать свой личный интерес (свобода слова, свобода собраний) выше общей безопасности абсурден. Но средства, позволяющие избежать этого абсурда, также естественно заложены в нас. Гоббс фактически движется к примирению суверена и подданного. Нетрудно понять, как суверен и подданный могут противоречить друг другу. Большая часть стандартной критики Гоббса подчеркивает потенциальный (или неизбежный) антагонизм между абсолютным сувереном с абсолютной властью и абсолютным подданным с неоспоримым правом.

Однако подданный примиряется с сувереном, признавая, что обязанность стремиться к гражданскому праву возникает изнутри самого подданного, а не просто навязывается извне (независимо от того, получает ли

---

³⁸ Parkin J. Hobbes and the Reception of 'Leviathan. Journal of the History of Ideas, vol. 76, no. 2, 2015. P. 294.

³⁹ Undersrud D. On natural law and civil law in the political philosophy of Hobbes. History of political thought, vol. 35, no. 4, 2014. P. 692.

⁴⁰ Гоббс в своих трудах отождествляет понятия гражданское право и светское право, во избежание вольных интерпретаций авторы монографии, исследуя идеи философа, также будут использовать в этом параграфе данные понятия как синонимы.

потенциальный суверен свою власть в результате учреждения или приобретения, логика отношений одинакова); и суверен примиряется с субъектом, признавая, что у гражданского права есть цель, которую суверен, каким бы могущественным он ни был, не может изменить, поскольку она естественна".

Для того чтобы теоремы сохранения соблюдались без абсурда, гражданское законодательство как таковое необходимо обоим, но мы также знаем, что нам не обязательно нужны те гражданские законы, которые мы имеем на самом деле.

То, что не написано, не может быть стерто, но то, что написано, может быть стерто, и часто так и происходит. Сказать, что естественное и гражданское право содержат друг друга, значит сказать, что существует общее естественное стремление для всех человеческих существ, независимо от того, что они могут быть разделены на различные должности, такие как "государь" и "подданный", или иметь различные интересы. Это также означает, что нет такого понимания или знания о природе права, которое было бы недоступно людям вообще. Суверен не может знать о праве как о законе ничего такого, чего не могли бы знать подданные. Человеческая ситуация и теоремы, ее регулирующие, общедоступны - здесь нет никаких тайн. Каждый, в принципе, знает или может узнать цель политической власти.

Более того, способ, которым создается содружество, никак не влияет на его цель и смысл. Какие бы мотивы ни побудили участников признать суверенную власть - страх перед завоевателем или страх друг перед другом, - Гоббс настаивает на том, что в стенах содружества отныне исключены любые дополнительные соглашения (навязанные под угрозой насилия), если эти соглашения противоречат закону. Иными словами, содружество может возникнуть посредством насилия, но это содружество, как и любое другое, легитимно постольку и поскольку оно предотвращает любое дальнейшее внутреннее навязывание силы одним членом содружества другому. Монополия на принудительную власть возникает с созданием суверена, и сделки между людьми, которые не исходят от правительства, должны быть добровольными. Короче говоря, подданный не имеет права участвовать в установлении правил, которые, по сути, являются альтернативой закону страны.

С другой стороны, исполнение является обязательным, если только суверен не освободит его от обязательства, которое он всегда может оправдать. То, что отличает суверенитет как таковой, определяется независимо от средств, с помощью которых суверен установил свою власть (нет власти, кроме как власти от Бога), здесь усматривается следование идеалам Августина Блаженного, антагониста Аквината. Для Гоббса существует интеллектуально определяемое определение цели и, следовательно,

пределов осуществления суверенной власти. Означает ли это, что реальный суверен не может отменить установленные таким образом пределы? Вовсе нет. Потенциал для этого в системе англо-саксонского права всегда существует.

Не победа и не завоевание дают право на господство, а то, что побежденный подчиняется победителю".⁴¹ Это "подчинение усмотрению" — форма признания новых отношений и их принятия. Власть победителя предполагает неизбежность, но не легитимность этих отношений. Но если победитель принимает признание своей победы от побежденного, а затем предоставляет ему свою телесную свободу, то возникают обязательства правителя и управляемого, ограниченные и сформированные законом. То есть подразумеваемая цель всегда заключается в установлении верховенства права, а не просто господства.

Гоббс не делает власть самоцелью. Поскольку власть должна использоваться для обеспечения мира и безопасности, осуществление суверенной власти происходит ради тех, кем она управляет. Независимо от того, какой путь прошел обладатель суверенитета, чтобы его обрести, цели установления гражданского права нельзя обойти - то есть их можно нарушить на практике, но нельзя искоренить *in foro interno*. Имплицитная цель иметь право не может быть уничтожена неспособностью воплотить ее в жизнь.

Разрушение мира и безопасности содружества может исходить как от государей, так и от подданных возжелавших постулировать свои личные свободы выше догм сохранности посредством слова или дела (свобода слова). Лишь немногие готовы признать истинную логику суверенной власти, и, конечно, правители часто забывают о различии между целью закона и преимуществами, которые они могут извлечь из действующих законов. Решение этой проблемы для Гоббса, конечно, не в том, чтобы проповедовать право на революцию, как это позже сделает Локк, провозглашая свою "новую доктрину". Обеспечение содружества зависит от получения правил с уверенностью, как в арифметике или геометрии, а не как в теннисе, где, по словам Гоббса, достаточно практики.

То есть историческая практика, не опирающаяся на теорию, будет просто склонна повторять одни и те же ошибки. Восстание и поиск нового порядка сами по себе не могут обеспечить недостающее понимание.

В главе 19 Гоббс утверждает, что извращенный тип правления — это всегда вопрос мнения. Когда правительства обвиняют в извращениях, это, прежде всего, говорит о том, что обвинителям просто не нравится это правительство. Наши взгляды будут меняться по мере того, как будет меняться наше понимание наших интересов по отношению к политике правительства.

---

⁴¹ Hallenbrook C. *Leviathan No More: The Right of Nature and the Limits of Sovereignty in Hobbes*. *The Review of Politics*, vol. 78, no. 2, 2016. P. 190.

Такие слова, как "тирания", являются провокационными и неопределенными по смыслу. Обвинение в тирании может быть брошено в любой момент, и оно не имеет под собой никакой объективной основы. Для большинства форма правления будет вторична по отношению к интерпретации политики и ее последствий для интересов; не существует формы правления, которая была бы защищена от обвинений, и изменения формы не могут изменить этот факт.

Какой бы ни была форма правления, вопрос будет заключаться в том, воспринимают ли ее субъекты как произвольную или нет. Произвол неизбежно является вопросом восприятия, когда отсутствует общепринятый политический дискурс. Но если бы удалось создать содружество, в котором понимание суверена и подданных было бы полностью осознанным, требования, исходящие от народа, могли бы восприниматься сувереном как совет, ценность которого суверен затем решал бы самостоятельно. В противном случае, настаивает Гоббс, местоположение власти суверена становится неопределенным. Однако, как можно предположить, за пределами идеального содружества местоположение суверенитета всегда будет неопределенным, а совет будет казаться мудростью для тех, кто его дает, и угрозой для тех, кто должен на него реагировать. Отсюда парадокс представительного правления, заключающийся в том, что осуществление представительства часто может казаться непредставительным. Этот парадокс может быть разрешен только путем совершенствования взаимного самопонимания всех членов содружества.

С другой стороны, Гоббс, хотя и отказывается проповедовать право на митинги, все же подчеркивает, что законы связывают нас, потому что мы хотим их соблюдать, а не потому, что мы не можем их не соблюдать.

В главе 21, посвященной свободе подданных, где он дает свое определение свободы как отсутствия внешних препятствий для совершения действий, которые в противном случае гражданин имеет право совершить⁴².

Гоббс постулирует идею, что законы не являются внешними препятствиями. То, что мы можем отказаться или не соблюдать законы, говорит о том, что они не являются внешними препятствиями. Препятствием к нарушению законов является страх, внутренний побудительный мотив, или, по крайней мере, в большинстве случаев доминирующим мотивом, скорее всего, будет страх. Гоббс не говорит, что подчинение законам может быть следствием только страха; там, где страх является мотивом, мы сохраняем свободу послушаться, хотя и испытываем сильное побуждение не делать этого. Таким образом, страх — это внутренний мотив, который

---

⁴² Parkin J. Hobbes and the Reception of 'Leviathan'. P. 295.

сдерживает власть нарушать законы. Существуют и другие мотивы, такие как гордость, стремление к славе, которые могут подтолкнуть некоторых к публичному несогласию с властью.

Таким образом, у подданных есть свобода нарушать закон; но нет власти нарушать закон. Дилема зависит от того, как они воспринимают закон. «видят ли они в законе руку суверена для наказания? Видят ли они в законе стену защиты от войны всех против всех? Именно эти вещи чаще всего видят подданные, и, видя их, у них появляется желание повиниться»⁴³. Нет внешних препятствий, мешающих им не подчиняться закону, — они сохраняют способность не подчиняться. Мотив страха проверяет их способность послушаться — это внутренняя проверка. То есть послушание зависит от того, как мы понимаем самих себя в свете нашей интерпретации обстоятельств, в которых мы оказались.

Логично, что это не исключает других мотивов подчинения закону, таких как честь, чувство собственного достоинства, стремление к общности и т. д. Но страх, если он не восхитителен и не благороден, в целом является надежным мотивом. Таким образом, люди чувствуют побуждение к созданию содружеств, даже если нет необходимости поддерживать те содружества, которые фактически созданы. Люди всегда должны хотеть иметь содружества, но, тем не менее, они могут довольно легко их потерять. "Бог, видящий и распорядившийся всем, видит также, что свобода человека делать то, что он хочет, сопровождается необходимостью делать то, что хочет Бог, и не больше, и не меньше".

Бог желает, чтобы у людей были содружества, но не желает, чтобы они сохраняли те содружества, которые у них есть в настоящее время. Таким образом, желание иметь содружества не гарантирует, что мы их сохраним, потому что мы также можем и хотим их распустить. Таким образом, сохранение любого содружества - дело условное, а стремление к нему - нет; человек не может отказаться от стремления к содружеству, хотя и может разрушить все существующие. Однако в других вопросах, где речь не идет о содружестве, закону часто нечего сказать (правительство абсолютно, но оно не обязательно должно быть обширным), и в таких вопросах мы должны поступать так, как нам кажется наиболее выгодным для себя. Кроме того, человек не может желать вопреки воле Бога", и поэтому там, где воля Бога, у нас нет свободы.

Таким образом, создавая содружество, люди делают то, что должны делать, хотя, поскольку только они его создают, и нет никакой дополнительной поддержки, помимо их воли, чтобы его создать (нет никакого навязанного нам от природы или божественного порядка — навязана только необходимость содружества), оно в принципе непрочно и может быть не создано.

---

⁴³ Spieker J. Foucault and Hobbes on Politics, Security, and War. Alternatives: Global, Local, Political, vol. 36, no. 3, 2011. P. 193.

Разорвать гражданские узы несложно, даже если мотивы против этого сильны. Следует различать силу мотивов и легкость самого поступка. Разорвать узы закона — значит перейти в состояние, когда "все остальные люди могут быть хозяевами своей жизни". Таким образом, закон увеличивает свободу, устраняя одно важнейшее внешнее препятствие, мешающее каждому из нас делать то, что мы хотим, а именно: закон предотвращает физическое навязывание нам других людей, которые в естественном состоянии не сдерживаются законом. Суверен способен навязать порядок со своей позиции единого, согласованного источника порядка, предотвращая непредсказуемые навязывания, исходящие из множества мест с противоречивыми требованиями.

Важно не только знать, что такое суверенитет - мы должны знать, кто им обладает. Свобода подданных заключается не в отношении к закону суверена (поскольку это было бы похоже на свободу от условий свободы), а в вопросах, которые не регулируются сувереном (поскольку они не могут или не должны регулироваться, являясь плодами, а не условиями свободы): купля-продажа, заключение договоров, выбор места жительства, выбор рациона, выбор профессии, воспитание детей. "Ибо в акте нашего подчинения заключаются как наши обязательства, так и наша свобода ... нет ни одного обязательства, которое не вытекало бы из какого-то его собственного акта"⁴⁴.

Гражданская свобода подданных возникает в результате акта санкционирования суверена - признания известного лица или лиц, обладающих властью издавать законы, - и, делая это, подданный ограничивает свою естественную свободу. Свобода субъекта теперь ограничена, но не внешним препятствием; даже угроза наказания со стороны суверена не является таким внешним препятствием, а подкрепляет внутреннюю решимость субъекта обязать себя *in foro externo*. Естественная свобода все еще таится и всегда будет таиться, ожидая случая, чтобы быть реализованной.

В цепи причинно-следственных связей от воли Бога к воле субъекта есть настойчивое стремление признать необходимость мира и порядка и найти его в воплощении максим рационального поведения в гражданских законах с помощью признанного авторитета. Кроме того, существует мотив страха перед последствиями невыполнения задачи по установлению мира.

С другой стороны, есть мотивы избежать последствий, вытекающих из признания суверенной власти. Очевидно, что совершенство гражданской власти и полное признание обязательств, налагаемых подданными на самих себя, никогда не происходило. Гоббс говорит об идеальном суверене и идеальном подданном в отношениях, где необходимость самозащиты не возникает. Вне идеального случая всегда существует зарождающийся

---

⁴⁴ Spieker J. Foucault and Hobbes on Politics, Security, and War. P. 193.

конфликт между естественным мотивом самозащиты, включающим самоутверждение, и гражданским мотивом подчинения закону. Таким образом, ни один человек не может быть обязан убить себя или выдать себя. С другой стороны, когда суверен приказывает нам взять на себя опасные обязательства во имя содружества - цели, ради которой суверен был нами уполномочен, - мы не имеем права отказаться.

Здесь Гоббс имеет в виду, что у нас как у подданных нет свободы отказаться. Здесь нет никакого "решения", потому что это не "проблема", а скорее неизбежное условие человеческого существования: "Когда армии сражаются, то бывает бегство; но когда они делают это не из вероломства, а из страха, то считается, что они поступают несправедливо и бесчестно. По той же причине уклонение от боя - не несправедливость, а трусость"⁴⁵. Гоббс не одобряет такое трусливое поведение, но и не осуждает его, его цель - понять мотивы. Он прекрасно знал и открыто восхищался людьми благородных и аристократических достоинств, для которых страх смерти был презренным. Посвящение "Левиафана" воспеваает такого человека. Можно возразить, что Гоббсу следовало бы проповедовать это благородство, а не отстраненно оценивать мотивы. Однако стоит задуматься, сможет ли проповедь героических добродетелей с какой-либо уверенностью преодолеть естественные мотивы, если они обладают той универсальностью, о которой думает Гоббс.

Во всяком случае, Гоббс проводит различие между тем, кто записывается на войну, и тем, кому приказывают сражаться вопреки его желанию. Предполагается, что первый знает, что делает, и пришел к выводу о необходимости сражаться. Когда содружеству угрожает опасность, каждый обязан защищать его как логическое следствие необходимости содружества, необходимости, которую осознает каждый. Разумеется, это не устраняет возможности споров о том, действительно ли содружеству угрожает опасность, насколько серьезная и так далее.

Означает ли это, что конфликт естественных мотивов с гражданскими во время войн прекращается? Вовсе нет. Этот конфликт не может прекратиться. Как виновные, так и невинные имеют право защищаться, несмотря ни на что, — это универсальное, естественное условие. Говоря это, Гоббс не утверждает, что осуществление этого права обязательно достойно. Человек в любой момент может отменить или подчиниться побуждениям к самозащите и самоутверждению. Должны ли мы помогать суверену наказывать нарушителей закона, кроме нас самих? Да, потому что это логическое следствие сохранения содружества и власти, без которой содружество не может существовать. Но всегда ли? Не обязательно⁴⁶.

---

⁴⁵ Ibid. P. 194.

⁴⁶ Christopher S. War, Madness, and Death: The Paradox of Honor in Hobbes's Leviathan. *The Journal of Politics*, vol. 76, no. 1, 2013. P. 117.

Бог поставил нас перед ограниченной необходимостью стремиться упорядочить себя в соответствии с его волей, известной через теоремы сохранения; но Бог также оставил нас наедине с собой, чтобы мы исполнили замысел его воли через нашу собственную интерпретацию обстоятельств. Здесь раскрывается задача жизни в остром конфликте с условиями жизни.

Там, где суверен не принимает законов, мы следуем собственному усмотрению. Не существует правила о том, какие правила должны или не должны быть приняты. Общий принцип заключается в предписании, что суверен должен издавать такие законы, которые необходимы для сохранения содружества. Это не равнозначно утверждению, что суверен должен принимать все возможные законы, и не равнозначно утверждению, что суверен должен свести количество законов к минимуму. Это также не означает, что какая-либо сфера деятельности должна регулироваться или не регулироваться. Что бы ни делалось, законы должны быть направлены на сохранение содружества, должны исходить от законотворческого органа, который, будучи уполномоченным, знает, в чем состоит основная цель законотворчества: это сохранение содружества, а это не означает ни принятия законов для собственного обогащения за счет подданных, ни законов за счет одних подданных в пользу других.

Это признак того, что Гоббс понимает содружество в основном как процедурные отношения, которые могут быть совместимы с широким спектром материальных установок и целей. О том, что в идеале и суверен, и подданные хотят одного и того же, можно судить по праву подданного судиться с сувереном, как если бы суверен был другим подданным: "Ибо если суверен требует в силу прежнего закона, а не в силу своей власти, то он тем самым желает, чтобы он требовал не больше, чем причитается по этому закону".

Гоббс проводит различие между неограниченной властью государя и его самоограничением посредством принятия законов. Суверен должен придерживаться ограничений закона, который он создал, хотя у него есть власть отменить их. (Рассмотрим аналогию со всемогуществом Бога, который может отменить рациональный порядок сотворенной вселенной, но, тем не менее, воздерживается от его применения). Точно так же подданные имеют право не подчиняться законам, но их свобода в осуществлении этого права ограничена. Судиться — значит признавать ограничения, налагаемые законом; разрешать судиться — значит признавать ограничения, налагаемые законом. Судиться и быть судимым — это тест на признание закона и не противоречит воле суверена - т. е. воле суверена как суверена, а не как физического лица.

Позднее Локк будет институционализировать это понимание, отделив "обычную" законодательную власть от "экстраординарной" исполнительной

власти прерогативы в административных, иностранных делах и чрезвычайных обстоятельствах. Локк, однако, признавал, что прерогативная власть не может быть заранее ограничена правилами, если она должна выполнять ту работу, которую должна выполнять.

Гоббс опасался, что доктрина разделения властей приведет к хроническим кризисам политической власти, когда постоянные правила законодательной власти вступят в неизбежный конфликт с дискреционной прерогативой исполнительной. Так же опасение логично будет распространить и на свободу слов/собрания – их институализация, согласно логике Гоббса, порождает законную форму сопротивления власти суверена.

Опасаясь этого, Гоббс показал, что хорошо понимает зарождающиеся трудности современного государства в примирении необходимости эффективности с сохранением индивидуальной свободы и либерального правления.

И суверен, и подданный желают, чтобы закон был разъяснен и соблюдался. Будучи физическими лицами, они испытывают искушение поступить иначе. Суверен как суверен не может предоставлять свободы, пагубные для содружества, а подданные как подданные не должны желать таких свобод. Намерение создать содружество состоит в том, чтобы оно было бессмертным, но внешние угрозы и внутренние беспорядки помешают его бессмертию.

Если цель личности в их общении и обществе друг с другом - увековечить содружество, и если это необходимый вывод человеческого разума, продиктованный волей Бога, то можно также сказать, что цель человека - совместно рассуждать об эффективном использовании свободы, которую оставил нам Бог, чтобы понять, как можно довести этот поиск до максимы. Это позволяет на практике создавать самые разные содружества, но предпосылкой всех их в конечном счете является установление саморегулирования посредством светского права; цель светского права понимается через размышление о необходимых выводах разума в отношении силы, с которой он отвечает божественному замыслу. А история — это запись и, для философа-моралиста, потенциальный источник для извлечения уроков из наших успехов и неудач в таком реагировании.

Фактически, одним из важнейших различий между континентальной (романо-германской) школой Аквината и основанных на догмах Оккама (англо-саксонских) идеях Гоббса лежат в толковании природы и сущности «общественного договора».

Для Гоббса, и в целом всей английской школы просвещения, «общественный договор» — это отношение между сувереном и подданным, при котором актором права (хоть и выступающим в интересах всего сообщества) является суверен, а подданный, стремящийся к сохранению всеобщего

благополучия, фактически может реализовать свою свободу слова только посредством петиции к суверену. Все иные свободы будут вне закона.

Континентальная (романо-германская) школа просвещения исходит из постулата Фомы Аквинского, который утверждает, что естественное право следует понимать, как принципы права, которые заложены в каждой дееспособной личности. Каждый способен быть актором права, а право суверена должно быть преобразовано в суверенитет (государства или народа) посредством особых гарантий гражданских прав и свобод.

Каждый человеческий закон - попытка достичь этой цели по существу (как бы сильно или слабо законодатели ни преследовали эту цель).

Для анализа Аквината обязательны следующие догмы:

- 1) законы направлены на общее благо общества;
- 2) они принимаются теми, кто признан компетентным принимать их (теми, кто уполномочен принимать законы);
- 3) они обнародуются.

Естественный закон промульгируется Богом, но человеческий закон требует человеческого промульгирования. Очевидно, что человеческий закон должен быть результатом человеческих усилий. В то же время он является определением естественного закона, общих и неоспоримых принципов, заложенных в нас Богом. Человеческое право — это активная форма участия человека в естественном праве, и гражданское право должно быть таким участием.

В некоторых отношениях теория права Аквинского представляет его как предтечу либеральных политических порядков. Мы видим существенное различие между томистской идеей содружества и идеей либеральной политики, основанной на постоянных правилах. Здесь следует отличать "гражданскую ассоциацию" от "политического сообщества". Последнее подразумевает общую конечную цель, какими бы разнообразными ни были пути, по которым мы к ней движемся; первое подразумевает понятные и взаимно подписываемые процедурные отношения, сводящие к минимуму разговоры об общей конечной цели не потому, что мы можем точно знать, что общей конечной цели нет, а потому, что мы считаем, что ей нельзя придать неарбитражное обозначение посредством гражданского права.

С точки зрения гражданской ассоциации, даже если мы признаем, что в человеческой природе заложены некоторые склонности к общей духовной реализации, самое большее, что могут дать принципы естественного права, — это общие соображения, которые должны входить в процесс рассуждений, сопровождающий разработку законов для государства. Вспомним признание Аквинского, что Бог оставил человека на его собственное усмотрение не потому, что для него правильно делать все, что он хочет, но потому,

что людей не принуждает естественная необходимость делать то, что они должны делать; они оставлены свободными, чтобы самим определять, что делать то, что они должны делать, означает для них, как они реагируют на обстоятельства:

Бог оставил человека в руках его собственного совета, но не потому, что ему позволено делать все, что он захочет, а потому, что в отличие от неразумных существ, он не вынужден по естественной необходимости делать то, что должен, а имеет право свободного выбора, исходящего из его собственного совета. И точно так же, как он должен руководствоваться собственным советом, делая другие вещи, так же он должен повиноваться своим начальникам. Ибо Григорий говорит: "Когда мы смиренно уступаем чужому голосу, мы побеждаем себя в своем собственном сердце".

Мы можем преодолеть разрыв между вопросом о том, что мы должны делать, и любым ответом, который мы даем, только с помощью практического суждения, которое мы должны вынести. Если мы должны определить для себя наш долг на практике, мы не можем сделать это путем дедукции из принципов естественного права. Если бы мы могли выводить человеческое право из принципов права, необходимость в практическом суждении о том, что эти принципы будут означать на практике, исчезла бы. Если совещательное законотворчество подразумевает обращение к принципам права, то можно сказать, что каждый принимаемый закон изначально претендует на реализацию принципов права. Очевидно, однако, что мы не можем исключить споры о достоинствах любых принятых законов. Мы можем спорить о том, является ли закон действительно законом; мы можем спорить о том, является ли закон справедливым или несправедливым. Апелляция к естественному праву не может преодолеть, а зачастую и разжигает это спорное состояние человеческого существования.

На принципы права может ссылаться любой человек, чтобы оспорить существующие позитивные законы на том основании, что они неадекватно определяют на практике значение принципов и могут положительно повлиять на реализацию справедливого общества. Фома Аквинский понимал это, так как настаивал на консервативном отношении к праву. Для Аквинского усилия по улучшению государства путем изменения законов должны были уравниваться предположительным превосходством давно сложившейся практики. Изменение законов, считал он, всегда сопряжено с потенциальным вредом, поскольку в стремлении к совершенству законов подрывается приверженность к законопослушному поведению.

Также никто не может издавать законы для политики, но только публичное лицо или весь народ, в зависимости от того, кому поручена эта обязанность. Направление чего-либо к цели касается того, кому эта цель принадлежит". Частным лицам не принадлежит право издавать законы для

государства, хотя они могут свободно принимать решения по широкому кругу вопросов своего личного поведения там, где государство не имеет власти или решило ее не осуществлять. Определенные цели в моей жизни оставлены на мое усмотрение. В таких вопросах я сам для себя авторитет. Однако, вынося суждения по тем вопросам, которые оставлены на мое усмотрение, Аквинский не имеет в виду приравнивать "частное" к "нерегулируемому". Ведь даже в таких вопросах принципы естественного права должны применяться в моих решениях относительно моего поведения.

Ряд исследователей Гоббса считают, что он согласен с данным рассуждением Аквинского и в подтверждение приводят следующую цитату: «Свобода там, где молчит закон. Где молчит закон, я волен следовать своей воле»⁴⁷.

Мы не разделяем позицию о сходстве рассуждений поскольку Гоббс и Аквинский вкладывают принципиально разное ценностное значение в свои суждения.

Для Гоббса это пространство «абсолютной свободы», войны всех против всех, всегда социальное зло, всегда угроза общественному договору. Следовательно, необходимо стремиться сократить такое пространство если не законами, то системой прецедентного судебного права.

Для Аквината это невмешательство публичной власти в сферы личных интересов, регулируемых исключительно естественным правом. Это главное условие общественного договора, так как в нем заложена максима высшую юридическую силу, и для власти, и для народа.

Если мы желали мира во времена войны всех против всех, то мы с трудом перестаем желать его в условиях, когда мир, скорее всего, действительно был, и его плодами можно наслаждаться. Это не значит, что мы не можем потерять ясное видение нашего затруднительного положения, когда считаем себя в безопасности. Это должно научить нас тому, что содружество требует интеллектуальной стойкости и бдительности.

По мнению Гоббса, содружество не обязательно должно предписывать поведение во всех областях, чтобы сохранить себя. Субъекты содружества могут наслаждаться мирной ассоциацией при самых разных степенях предписанного поведения. Важнейшим компонентом стабильности является пронизательное самопонимание подданных. Ключ к порядку — не широкое предписание поведения, а правильная оценка баланса между тем, что должно быть предписано, и тем, что не должно. Таким образом, человек, даже реализуя свободу там, где закон молчит, не является иррациональным существом, не способным к самоограничению. Человек по-прежнему способен на не предписанное поведение, которое совместимо с законопослушностью.

---

⁴⁷ См. например: Peacock M. Obligation and Advantage in Hobbes Leviathan. Canadian Journal of Philosophy, vol. 40, no. 3, 2010. P. 445.

В "Левиафане" Гоббса разворачивается движение от "абсолютной свободы" в простом состоянии природы, где каждый имеет право на все без ограничений, к признанию необходимости мира и, следовательно, содружества, к пользованию свободой, когда закон молчит, в рамках защитной структуры содружества. Сохранение этой свободы в рамках общего богатства зависит от способности индивида сопоставить идею естественного состояния и его свободы с идеей гражданской ассоциации и ее свободой. Это движение - постепенное разворачивание в рамках понимания сложных отношений, которые существуют между естественной и гражданской личностью. Эти два способа самопонимания всегда одновременно присутствуют в мыслях людей. Человек не может отказаться от одного из них в пользу другого, не может найти простого разрешения своего состояния. Каждая личность является условием другой. Если бы естественная личность не была для нас очевидна, то не было бы очевидно и то, что гражданское объединение — это моральное достижение, которое в своем самоограничении особенно украшает человеческие усилия, достижение, которое порождает чувство самоуважения, сопутствующее продемонстрированной способности к цивилизованному поведению.

С другой стороны, естественное состояние не может исчезнуть, если мы хотим, чтобы моральные достижения продолжали цениться и занимали центральное место в нашей человеческой жизни. Основа наших моральных достижений - в нашем постоянном желании их сохранить. Другого фундамента, на котором оно могло бы покоиться, по Гоббсу, не существует⁴⁸.

1.3. Анализ преемственности философии Локка относительно естественных прав в человека

Учение Локка о природе естественных прав и теории власти – стало закономерным итогом развития английской школы просвещения.

Сформированная на фоне либеральных ожиданий буржуазного общества – философия Локка заслужено входит в курс конституционного права большинства учебных программ по юриспруденции.

При этом важно понимать, что воспринимать без гоббсовской «войны всех против всех» и оккамовской критики Аквината с точки зрения историзма недопустимо, при этом мы отдаем себе отчет на сколько революционными (непохожими) были идеи Локка для того периода развития Англии.

Спор о правильном месте теории естественных прав Джона Локка в академической среде Англии до сих пор не прекращен. Как отмечает Брайан Тирни в своем недавнем исследовании, "широко признано, что работы

---

⁴⁸ Hoekstra K. Leviathan and Its Intellectual Context. Journal of the History of Ideas, vol. 76, no. 2, 2015. P. 255.

Локка оказали важное влияние на формирование современных либеральных идей, включая идеи о правах"⁴⁹. Таким образом, Локка воспринимают как отца "современных либералов" (той или иной ориентации).

Вследствие редкой перспективности изучения теории естественных прав Локка не было недостатка в попытках ученых определить ее место на основе трудов Локка и его отношения к предшествующим, традициям и формам мышления. Хотя Джон Данн в своем влиятельном исследовании утверждал, что политическая мысль Локка была слишком глубоко погружена в теологию, чтобы оставаться актуальной в современном контексте, этот тезис был убедительно оспорен Симмонсом, Цукертом и Уолдроном⁵⁰. «Нить теории естественных прав Локка действительно может быть в той или иной форме протянута до современных политических и моральных дебатов»⁵¹. Научная дискуссия может быть в целом описана в виде спектра, определяемого двумя противоположными акцентами в понимании отношения теории естественных прав Локка к ее средневековым предшественникам: акцент на непрерывности и акцент на дискретности.

Для сохранения научной объективности, в данном параграфе мы не намерены высказать собственную позицию, обреченную на субъективность. В параграфе будет предложено реферативное изложение современных взглядов ведущих британских правоведов, политологов, историков философии Локка на природу (преемственность) его идей.

На стороне дискретности стоят такие ученые, как Мишель Вилли, Лео Штраус, К. Б. Макферсон, Майкл Цукерт. Они утверждают, что существует "момент Коперника", отделяющий средневековые теории естественных прав от их современных аналогов. Независимо от того, отождествляется ли этот момент с Уильямом Оккамом в XIV веке или с Гоббсом в XVII веке, эти ученые склонны подчеркивать ярко выраженный "современный" характер локковской теории естественных прав и ее значительные отступления от средневекового образа мышления. По мнению многих сторонников дискретности, локковские естественные права являются "современными" не только в их политическом применении, но и в значении морали.

Непрерывный конец спектра, пожалуй, более пестрый, в него входят такие ученые, как Тук, Тирни, Талли, Окли, Недерман, Коулман, Суонсон и другие. Несмотря на множество важных различий, все эти ученые сосредоточены на сходстве (преемственности) между различными элементами или направлениями средневековой мысли и современными теориями

---

⁴⁹ Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. *Ave Maria Law Review*, 3, 2005. P. 25.

⁵⁰ См., например: Oakley F. *Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity in the History of Ideas*. New York: Continuum, 2005 ; Leo Strauss. *Natural Right and History*. Chicago: University of Chicago Press, 1953 ; Macpherson C. *The Political Theory of Possessive Individualism*. Oxford: Clarendon Press, 1962 ; Zuckert M. *Natural Rights and the New Republicanism*. Princeton University Press, 1994.

⁵¹ Zuckert M. P. *Natural Rights and the New Republicanism*. Princeton University Press, 1994. P. 108.

естественных прав, а не на различиях между ними. В зависимости от авторской интерпретации теории естественных прав Локка, они склонны подчеркивать «интеллектуальный долг» Локка перед различными предшествующими традициями. Опираясь на работы Така, Тирни и Талли, Джанет Коулман находит "некоторые необычайно локковские моменты" у средневековых мыслителей Иоанна Парижского и Годфруа Фонтенского и утверждает, что Локка следует понимать как вклад в эту средневековую традицию мысли, а не как отход от нее⁵². Скотт Свонсон, в свою очередь, опирается на исследования Коулмана, тщательно связывая средневековое понимание права на существование и принципа крайней необходимости с теорией естественных прав Локка. Поначалу Свонсон идет еще дальше Коулмана, утверждая, что "вся знаменитая доктрина Локка представлена здесь [в трудах Иоанна Парижского] в двух словах"⁵³.

Брайан Тирни (сторонник преемственности) в отношении идеи естественных прав, обосновывает аргументацию в пользу сильной преемственности двумя способами:

во-первых, сформулировав концептуальные рамки, определяемые взаимодействием идей самодоминирования и разрешительного естественного права, которые остаются неизменными от раннесредневековых канонистов;

во-вторых, используя тщательную интерпретацию теории естественных прав Джона Локка в качестве основного средства переноса этих рамок из средневековых корней в современность⁵⁴. Недавняя работа Тирни в этом направлении представляет собой инновационный и интригующий вклад в литературу, посвященную акценту на непрерывности, и требует вдумчивого ответа как со стороны сторонников прерывистости, так и со стороны более умеренных сторонников непрерывности. Хотя важность первой составляющей недавнего тезиса Тирни (система самодоминирования/разрешительного естественного права) действительно привлекла внимание ученых, вторая составляющая его тезиса (связь этой системы с теорией естественных прав Локка) еще не вызвала целенаправленного и тщательного ответа, которого она заслуживает⁵⁵.

Учитывая авторитет и влияние Тирни на академическое британское сообщество, полагаем важным рассмотреть его доводы и контраргументы

---

⁵² Coleman J. *Dominium in Thirteenth and Fourteenth-Century Political Thought and its Seventeenth-Century Heirs: John of Paris and Locke*. *Political Studies*, 33(1), 1985. Pp. 82, 99-100.

⁵³ Swanson S. *The Medieval Foundations of John Locke's Theory of Natural Rights: Rights of Subsistence and the Principle of Extreme Necessity*. *History of Political Thought*, vol. 18, Iss. 3, 2007. Pp. 418, 443.

⁵⁴ См., например: Tierney B. *Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches*. *The Review of Politics*, vol. 64, no. 3, 2002. Pp. 389-406 ; Tierney B. *Dominion of self and natural rights before locke and after*. In: MÄkinen, V., Korkman, P. (eds) *Transformations in Medieval and Early-Modern Rights Discourse*. *The New Synthese Historical Library*, vol 59. Springer, Dordrecht, 2006. Pp. 173-203.

⁵⁵ См.: Finnis J. *Aquinas on ius and Hart on Rights: A Response to Tierney*. *The Review of Politics*, 64, 2002. Pp. 407-410 ; Kries D. *In Defense of Fortin*. *The Review of Politics*, 64, 2002. Pp. 411-13 ; Zuckert M. *Response to Brian Tierney*. *The Review of Politics*, 64, 2002. Pp. 414-15.

оппонентов для формирования общей картины на природу локковской философии.

1. Аргумент о преемственности.

Рассуждения Тирни о дозволителем естественном праве и его способности служить "основанием естественных прав"⁵⁶ - направление мысли, которое имеет существенную поддержку в историческом материале, представленном Тирни. Понятие дозволительного естественного права, как его понимает Тирни, представляет собой синтез кажущихся несовместимыми естественным правом и ориентацией на гуманизм. Эта несовместимость, Тирни связывает с "последователями Лео Штрауса"⁵⁷, устанавливается парой наблюдений: естественное право определяет моральность человеческих действий на основе обязанностей и обязательств, которые налагаются на человека извне, в то время как гуманизм (этика) определяет моральность человеческих действий на основе свобод или вольностей, которые возникают изнутри самого человека. Традиционная точка зрения естественного права рассматривает индивидуальную мораль как производную от упорядоченного целого, управляемого провиденциальным Богом; точка зрения естественных прав выводит мораль из индивида, рассматриваемого в относительной изоляции. Таким образом, эти две перспективы отражают очевидное противоречие между гетерономией и автономией; первое понятие описывает моральные рамки, общие для целого, в то время как второе утверждает "моральную собственность индивидов ... как индивидов"⁵⁸.

Большим преимуществом и перспективой дозволительного естественного права является то, что оно, кажется, способно вместить обе перспективы в единую последовательную структуру. Раннесредневековые юристы и философы, по словам Тирни, "использовали идею дозволительного права, чтобы выделить... сферу человеческой свободы и автономии в рамках самого естественного права"⁵⁹. Исходя из того, что некоторые сферы человеческой деятельности, такие как приобретение частной собственности⁶⁰, выходят за рамки каких-либо очевидных повелений или запретов естественного права, эти юристы и философы предположили, что естественное право генерирует разрешения в дополнение к повелениям и запретам. С добавлением этой функции естественное право включает в себя механизм самоограничения. Там, где заканчиваются повеления и запреты естественного права, начинается сфера человеческой автономии, законного самообладания и свободного выбора⁶¹.

⁵⁶ Tierney B. *Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches*. P. 400.

⁵⁷ Tierney B. *Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After*. P. 23.

⁵⁸ Hart H. L. A. *Are There Any Natural Rights?* *The Philosophical Review*, 64, 1955. P. 182.

⁵⁹ Tierney B. *Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After*. P. 38.

⁶⁰ См.: Tierney B. *Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches*. P. 400 ; Tierney B. *Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After*. P. 38.

⁶¹ Тирни использует термины "самодоминирование", "самообладание", "самообладание", "самообладание", "свободный выбор", "свобода" и "автономия" почти взаимозаменяемо.

Наиболее важными историческими авторитетами для этой доктрины Тирни считает Виторию и Суареса. Пытаясь извлечь из Аквинского учения об индивидуальных субъективных правах, Витория объяснил утверждение Аквинского о том, что "закон есть основание права", следующим образом: "И поэтому мы используем это слово, когда говорим, ибо мы говорим... "У меня есть право", то есть это разрешено"⁶². Далее Суарес определил концепцию разрешительного естественного права, включив в нее обязательство других воздерживаться от вторжения в разрешенную сферу. Он также установил важнейшую связь между разрешительным правом и субъективными правами, заявив, что само разрешение закона наделяет индивида "позитивной способностью, лицензией или правом"⁶³.

Проследив параллельное историческое развитие идей дозволительного естественного права и законного самодоминирования, Тирни утверждает, что эти идеи остаются близнецами-столпами субъективных прав в современном дискурсе. Если в случае с самодоминированием это относительно легко установить, то современную актуальность дозволительного естественного права определить сложнее, поскольку "язык естественного права сейчас не в моде"⁶⁴. Тем не менее Тирни утверждает, что идея дозволительного естественного права проявляется в современном мнении о том, что "все права ограничены законом, либо гражданским правом, либо моральными соображениями, заложенными в самом понятии права"⁶⁵. Из этих размышлений Тирни делает вывод, что "само существование нашей современной культуры прав невозможно понять, если мы не обратим внимание на раннюю историю этой идеи"⁶⁶ и что "в современном многообразии прав и теорий прав все еще сохраняется нечто от более древней традиции"⁶⁷.

Однако при внимательном рассмотрении этих выводов в сопоставлении с целью, заявленной Тирни в самом начале его аргументации, можно обнаружить в первом случае осторожность, которая явно отсутствует во втором. Изначально Тирни характеризует свою цель в работе "Господство над собой и естественные права до Локка и после" как попытку "рассматривать современные доктрины прав не как инновации... но как конечный продукт развивающейся традиции мысли"⁶⁸.

Аналогичным образом, в "Исторических корнях современных прав" Тирни вводит свои аргументы, признавая, что "работа Гоббса представляет собой отклонение от более ранних идей о естественных правах и естественном

---

⁶² Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. P. 39.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid. P. 42.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Tierney B. Dominion of self and natural rights before Locke and after. P. 198.

⁶⁷ Tierney B. 'Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. P. 42.

⁶⁸ Tierney B. Dominion of self and natural rights before Locke and after. Pp. 173-174.

праве", но "его идеи имеют мало общего с современными способами мышления о правах человека"⁶⁹. Из этих вступительных слов ясна цель Тирни: он будет утверждать, что современный дискурс о правах не является результатом "инновации" или "абerrации" по отношению к средневековому дискурсу о правах, то есть что современные права не являются ни новыми, ни отличными от своих средневековых предшественников. Скорее, современные права чем-то похожи на зрелые или взрослые средневековые права; они являются "конечным продуктом" процесса, включающего основную идею и "ряд непредвиденных случайных обстоятельств"⁷⁰.

Вновь обращаясь к заключительным замечаниям Тирни, можно утверждать, что целостность его аргументации в обоих случаях рассеивается по ходу изложения аргументов. Если аргументы Тирни убедительны, а современные права - не более чем "конечный продукт" описанного им исторического процесса, то, несомненно, стоит уделить большое внимание ранней истории идеи прав. Действительно, можно утверждать, что оппоненты Тирни приходят к разрыву между средневековьем и современностью в результате того, что просто уделяют "некоторое" внимание ранней истории, которую Тирни тщательно раскапывает. Точно так же и в случае со вторым выводом утверждение о том, что "кое-что все еще сохранилось" от средневековой традиции, опровергает силу заявленной Тирни цели. Если бы Тирни был полностью убежден своим собственным аргументом о том, что самодоминирование/разрешительное естественно-правовое ядро правового мышления представляет собой непрерывную историческую нить, протянувшуюся от двенадцатого века до наших дней, то, конечно, было бы более точным заключить, что существенные аспекты средневековых прав "живы и здоровы" в современных теориях прав. Тирни не утверждает, что современные права содержат хорошо скрытые следы своего происхождения, но скорее утверждает, что (по крайней мере) их сходство со средневековыми правами перевешивает различия между ними. Действительно, новизна исторического проекта Тирни заключается именно в силе его утверждения о том, что идея естественных прав оставалась, по сути, одной и той же (сочетание идей самодоминирования и дозволительного естественного права) с момента ее первоначального развития в раннем средневековье и до наших дней.

Почему в каждой из этих версий своего тезиса Тирни не решается завершить его на той же противоречивой ноте, с которой он начал? Ответ на этот вопрос можно найти, рассмотрев то, что непосредственно предшествует выводам Тирни в каждом из двух эссе. В "Господстве над собой и естественных правах" речь идет о появлении "чисто светских доктрин

---

⁶⁹ Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. P. 25.

⁷⁰ Tierney B. Dominion of self and natural rights before Locke and after. P. 199.

естественных прав" в эпоху Просвещения⁷¹. Краткая трактовка Тирни этого исторического факта озадачивает и неадекватна: "...если бы мы писали историю моральной философии, это показалось бы очень значительным изменением; но если нас интересует прежде всего происхождение и развитие идеи естественных прав, то не менее важно, что старые права сохранились в новом светском одеянии... старая идея естественных прав, казалась слишком ценной, чтобы от нее отказаться"⁷². Основная неадекватность объяснения Тирни заключается в том, что он недооценивает религиозную доктрину как поверхностную "одежду" для идеи естественных прав (и, как следствие, согласно анализу Тирни, также для естественного права). Хотя Тирни явно нуждается в такой характеристике, чтобы утверждать идентичность "старых" и "новых" прав, ее точность остается сомнительной даже на основе его собственного анализа. Если "старые" права изначально вытекали из разрешений естественного права (и, следовательно, зависели от них), а средневековое понимание естественного права, в свою очередь, зависело от существования Божественного Законодателя, то очевидно, что религиозный элемент составлял неотъемлемый компонент "старой идеи естественных прав". Поэтому вера в Бога (или знание о нем) была не просто совместима со старой идеей прав, а скорее необходима для нее. Отбросив в определенной степени идею Бога-законодателя (поскольку она, как казалось, выходила за пределы возможностей человеческого разума), философы Просвещения не могли не изменить (или отбросить) идею естественного права⁷³. Изменив идею естественного права, они не смогли избежать изменения идеи естественных прав. Таким образом, хотя слово "права" действительно сохранилось в новом светском одеянии, идея, отвечающая ему, неизбежно претерпела значительную трансформацию.

В "Исторических корнях современных прав" вывод Тирни непосредственно предваряется его попыткой обнаружить идею разрешительного естественного права в современном дискурсе о правах. В этой связи Тирни утверждает, что "все еще существует общее мнение, что все права ограничены законом, либо гражданским правом, либо моральными соображениями, присущими самой концепции права"⁷⁴. Тирни приводит Нозика в качестве примера сохранения разрешительного естественного права, поскольку "он рассматривал права как ограничения поведения, поскольку они ограничивают способы, которыми мы можем действовать по отношению к другим носителям прав"⁷⁵. Эти соображения, отнюдь не доказывающие

---

⁷¹ Ibid. Pp. 195-96.

⁷² Ibid.

⁷³ См.: Гоббс Т. Левиафан: с комментариями и иллюстрациями : хрестоматия / Томас Гоббс ; перев. с латинского А. Гутермана ; сост., предисл. и коммент. Н. Н. Плужниковой. Москва : АСТ, 2022. С. 73 ; Локк Д. Опыты о законе природы. Сочинения в 3 томах Т. 3. М.: Мысль, 1988.

⁷⁴ Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. P. 42.

⁷⁵ Ibid.

дальнейшее существование идеи разрешительного естественного права, ясно указывают на ее неуместность для современных представлений о правах.

Из двух кандидатов, предлагаемых Тирни в качестве доказательства дозволительного естественного права, "гражданское право" явно не является естественным (поскольку оно создано людьми), а "моральные соображения, присущие самой концепции права", не имеют характера закона. Для того чтобы "закон" существовал в каком-либо смысле, выходящем за рамки метафорического, он должен иметь своим источником легитимного начальника.⁷⁶ Между носителями прав человека, просто как носителями прав, существует состояние равенства, которое исключает возможность возникновения между ними подлинного права. Ограничения поведения, включенные в саму идею прав человека, являются результатом сосуществования ряда правообладателей, каждый из которых должен логически признавать существование аналогичных прав у других. Моральные соображения, которыми руководствуются такие индивиды, таким образом, проистекают просто из требований логической последовательности и сами по себе не предполагают подчинения вышестоящему лицу, входящему в понятие права. Таким образом, "концепция права сама по себе", хотя и может накладывать моральные ограничения на поведение, не способна породить подлинный закон. Здесь Тирни, видимо, невольно, обнаруживает характерную для современного дискурса ориентацию на закон и право. Эта ориентация заключается в четком разрыве между ними, соответствующем различию между "гражданским" и "естественным"; современные права, похоже, пошли по пути гоббсианской "абerrации", а не по прото-рентной дороге правового мышления, которую проследил Тирни⁷⁷.

Трудности, с которыми сталкивается Тирни, пытаясь связать современные права с их средневековыми предшественниками, свидетельствуют о неспособности его системы самодоминирования/разрешительного естественного права ни раскрыть основу современных требований о правах, ни обеспечить жизнеспособную базу для теорий, ориентированных на естественные права. Причина этой неудачи заключается, в том, что права человека больше не предполагают существования естественного закона или его источника в божественном законодателе. Идея самодоминирования или самообладания, а также лежащее в ее основе представление о человеческой автономии, по замыслу, должны стоять сами по себе, а не зависеть от самоограничивающегося естественного закона.

Средневековых юристов и философов, которые создали идею субъективных прав, соединив разрешительное естественное право с концепцией самовластия, объединяют две важные черты: предшествующая

---

⁷⁶ Локк Д. Опыты о законе природы // Сочинения в 3 томах М.: Мысль, 1988. Т. 3. Р. 191.

⁷⁷ См. подробнее: Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. Pp. 395–399.

приверженность естественному праву и базовая привязанность к христианской вере. Христианский Бог обеспечивает стабильную основу для естественного права, а ограничения естественного права служат фундаментом для понятия субъективных прав. С этой точки зрения, моральная сила царства автономии и субъективных прав полностью заимствована или производна от обязательств терпения, подразумеваемых разрешительным естественным правом. Поскольку некое действие разрешено Y законом, X запрещено препятствовать этому действию; поскольку X запрещено препятствовать этому действию, Y "имеет право" совершить его. Поскольку естественное право предшествует субъективным правам, направление моральных рассуждений должным образом исходит от естественно-правовой обязанности X к претензии Y на иммунитет от вмешательства, а не наоборот. Действия Y, рассматриваемые сами по себе и вне связи с возможностью вмешательства, лишены морального содержания, подразумеваемого осуществлением субъективного права. Препятствуя возможности Y действовать, X не посягнул на моральную власть Y, а скорее отступил от своей собственной, определенной законом.

Рамки разрешительного естественного права и законного самовластия, которые Тирни находит в своих средневековых источниках, таким образом, позволяют субъективно рассматривать объективное право, не выражая субъективных прав в полном смысле этого слова. В первом случае "иметь право" понимается скорее в свободном, чем в строгом или буквальном смысле; человек не обладает моральной силой своих действий (своими "правами"), а скорее одобряет стандарт, который измеряет и его самого, и других. В этом смысле "иметь право" означает не более чем быть бенефициаром справедливого или законного распределения или сделки, так же как "проснуться и почувствовать запах роз" означает осознать нечто очевидное. Субъективные права в полном смысле слова, с другой стороны, включают в себя строгое понимание обладающих правами индивидов. Индивид фактически является источником и мерилom морали в силу своего собственного существования и действий; моральные претензии, которые порождают такие права, могут быть предъявлены без ссылки на какой-либо стандарт вне индивида. Эти права субъективны "в полном смысле", поскольку их существование соотносится с существованием индивида, причем первое вытекает из второго независимо от внешних (объективных) моральных стандартов.

Только пренебрегая этим различием или утверждая, что оно не имеет смысла, можно говорить о том, что разрешительное естественное право действительно обосновывает понятие субъективных прав. Причина этого заключается в том, что естественное право, по крайней мере в его традиционной форме и в том виде, в каком оно представлено в историческом

повествовании Тирни, по его мнению, имеет объективное существование, выходящее за рамки существования любого конкретного человека. Хотя естественный закон может обрести конкретное и частное существование в силу его применения к отдельным обстоятельствам и его восприятия отдельным субъектом, он тем самым не теряет своего объективного характера. Объективный моральный стандарт, который обеспечивает естественное право, допускает определенный способ субъективности, но не способен породить субъективные права в полном смысле этого слова. Если субъективные права должны иметь строгое или более буквальное значение, как это, несомненно, происходит во многих современных контекстах, то разрешительное естественное право само по себе не является достаточным для их объяснения.

Для того чтобы разрешительное естественное право Тирни породило полностью субъективные права, необходимо утверждать либо то, что индивидуальный субъект является конечным источником естественного права, либо то, что само естественное право было перенесено из своего первоисточника на индивидуального субъекта. Ни один из этих аргументов, однако, не присутствует в историческом изложении Тирни. Без помощи таких аргументов дозволяющее естественное право действительно может отграничить интригующую "почву" для субъективных прав (то есть оставить место для их возникновения), не обосновывая их (то есть не объясняя их существование)⁷⁸. Хотя средневековые источники Тирни действительно знали об индивидуальном субъекте, они все же рассматривали его в первую очередь с точки зрения плотного объективного контекста, предоставляемого естественным правом. Хотя индивид мог иметь свою собственную точку зрения на этот объективный контекст и тем самым обладать субъективными правами в свободном смысле, он еще не мог считать себя настолько отделенным от объективной морали, чтобы признать обладание субъективными правами в полном или строгом смысле.

Таким образом, средневековые права, которые описывает Тирни, на самом деле являются не более чем рефлексом естественных-правовых обязанностей других людей. Утверждение Суареса о том, что разрешительное естественное право наделяет "позитивной способностью, или лицензией, или правом", не выходит за рамки определения Витории "права" как своего рода сокращения для выражения более точного утверждения: "это разрешено"⁷⁹. Этот взгляд на дискурс прав не ограничивается средневековыми философами. В современной литературе Британии сохраняется аналогичный феномен; в той мере, в какой естественное право мыслится как основа субъективных прав, эти права обычно низводятся до статуса

---

⁷⁸ Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. P. 405.

⁷⁹ Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. P. 39.

лингвистических "инструментов для сортировки и выражения требований справедливости"⁸⁰. Если права производны от естественного права или "вырезаны" из него, они утрачивают характер "независимых моральных представлений"⁸¹ и становятся простыми коррелятами естественно-правовых обязанностей. Общая сила аргумента Бентама о неуместности субъективных прав, которым Тук начинает свою новаторскую историческую работу, не находит ответа в разрешительном естественном праве Тирни⁸².

Сам Тирни в заключительных замечаниях к "Естественному праву и естественным правам" указывает на то, что он осознает потенциальную силу этих аргументов. Тирни признает, что "разрешительное естественное право не совсем наделяет человеческие личности правами; скорее, оно определяет область, в которой присущая им способность свободного выбора может быть использована законным образом"⁸³. Для того чтобы субъективные права вышли из тени естественно-правовых обязанностей, необходимо, чтобы фактическое наделение правами каким-то образом происходило в самой области свободного выбора, независимо от естественного права⁸⁴. Тирни выдвигает гипотезу, что если дозволительное естественное право "допускает" субъективные права, то "самообладание оправдывает" их⁸⁵.

Этот последний тезис о том, что значимая концепция субъективных прав может быть обоснована независимо от закона, согласуется с большей частью современного дискурса. В анализе другого английского историка утверждается, что "...уже в XVII веке, похоже, начался процесс... в результате которого понятие индивидуальных прав в конце концов вырвалось из своего затянувшегося подчинения объективным моральным ограничениям естественного права и само стало морально основополагающим"⁸⁶.

"Основополагающий" характер современных субъективных прав четко отражен в чрезвычайно влиятельных работах Роулза и Нозика, которых Тирни безуспешно пытается привлечь к разрешительному естественно-правовому движению.

В случае Роулза приоритет прав или "свобод" устанавливается "лексическим порядком" между его знаменитыми двумя принципами справедливости. Первый принцип утверждает, что "каждый человек должен иметь

---

⁸⁰ Finnis J. Aquinas on ius and Hart on Rights: A Response to Tierney. P. 210.

⁸¹ Tuck R. Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 3.

⁸² Ibid.

⁸³ Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. P. 405.

⁸⁴ Этот момент подчеркивает Майкл Цукерт в своей статье (См: Zuckert M. Response to Brian Tierney. The Review of Politics, 64, 2002. Pp. 414-415).

⁸⁵ Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. P. 418.

⁸⁶ Oakley F. Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity in the History of Ideas. New York: Continuum, 2005. P. 109.

равное право на наиболее широкую базовую свободу, совместимую с аналогичной свободой для других"⁸⁷. Формулировка этого принципа и его приоритет перед вторым принципом отражает "абсолютный вес свободы"⁸⁸ в моральном регулировании человеческого общества. Основа теории Роулза заключается в предположении о неограниченно широком "праве на свободу" индивида; это неограниченное право впоследствии ограничивается не естественным законом, а его сосуществованием с неограниченными правами других индивидов. Кроме того, целью Роулза в "Теории справедливости" было просто "показать, что предлагаемая теория лучше соответствует основным положениям наших убеждений, чем другие известные доктрины"⁸⁹. Одна из этих "фиксированных точек" состоит в "чувстве примата справедливости" по отношению к "всеобъемлющим доктринам" блага⁹⁰. Поскольку доктрины естественного права телеологичны и перфекционистски по своему характеру, явно направлены на благо, Роулз ясно указывает, что "наши рассматриваемые убеждения" ставят индивидуальную свободу (или субъективные права), а не естественное право в основу моральных соображений.

В книге Нозика "Анархия, государство и утопия", несмотря на резкую критику Роулза, также утверждается, что "права других определяют ограничения на действия человека"⁹¹. Нозик ясно дает понять, что эти ограничения являются "побочными", вытекающими из кантовского принципа "личность неприкосновенна", а не вытекающими из целей навязанного извне закона⁹². Естественное право, даже самоограничивающееся, направляет индивидов к некоему "социальному благу", которое справедливо ограничивает их автономию и свободу выбора⁹³. Однако "корневая идея" современной морали заключается в том, что "существуют разные индивиды с отдельными жизнями, и поэтому ни один из них не может быть принесен в жертву ради других"⁹⁴; моральная сила, или субъективное право, индивида явно предшествует и не зависит от любого понятия естественного права.

В более поздних работах Майкла Цукерта можно встретить аналогичное стремление решить "фундаментальную проблему" в пользу естественных прав, а не естественного права⁹⁵. Притязание на исключительность", подразумеваемое концепцией прав как моральной собственности

---

⁸⁷ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. P. 60.

⁸⁸ Ibid. P. 63.

⁸⁹ Ibid. P. 579-80.

⁹⁰ Ibid. P. 586.

⁹¹ Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. P. 29.

⁹² Ibid. P. 30-31.

⁹³ Ibid. P. 33.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Zuckert M. Launching Liberalism: On Lockean Political Philosophy. Lawrence: University Press of Kansas, 2002. P. 175.

индивида, "не вытекает из какого-то ранее существовавшего долга, естественного или иного, но подразумевает последующий долг ... терпения"⁹⁶. Эта формулировка переворачивает мнение Тирни, утверждая, что "обязанность воздержания" вытекает из обладания правами, а не из разрешения естественного права. Те, кто рассматривает права как "фикции", среди которых не только их ярые противники, но и те, кто низводит субъективные права до статуса простых идиом, "сильно расходятся с устоявшимися моральными убеждениями современных западных людей"⁹⁷.

Хотя этот общий тезис можно было бы подробно изложить с помощью юридического анализа или изучения популярного политического дискурса, для целей параграфа достаточно приведенных выше примеров в сочетании с опасениями самого Тирни. Два момента кажутся очевидными: во-первых, средневековые права того рода, которые описывает Тирни, не являются правами в полном или строгом смысле слова - индивидуальными моральными полномочиями с собственным обоснованием; и, во-вторых, современные права рассматриваются как значимые именно потому, что они рассматриваются в отрыве от рамок естественного права или Бога-законодателя.

Это говорит о том, что переход от средневековья к современности действительно ознаменовался значительной трансформацией правового мышления. Свидетельством исторической проницательности Тирни является то, что он обнаруживает две важнейшие черты этой трансформации: освобождение моральных устоев от религиозных доктрин и появление идеи самообладания или собственности на себя в качестве независимой обосновывающей основы субъективных прав. Внимание Тирни к Локку также уместно, но неправильно; ведь именно в политической философии Локка эта трансформация находит свое окончательное выражение. Исправляя "абerrацию" Гоббса, Локк не просто способствует безопасному переходу средневековых прав в современный дискурс. Локк принимает самые общие контуры гоббсовской критики традиционной политической философии, но дает новое моральное основание взамен старого.

Теория естественных прав Локка отличается от теорий его предшественников, но развивает то, что Тирни называет гоббсианской "абerrацией",⁹⁸ не за счет внедрения аппарата новой терминологии (Локку несвойственно плодить «не нужные сущности»), а за счет изменения приоритета в уже существующей социальной системе.

Именно в отношении вопроса приоритета естественных прав и гуманизма, а также связанных с ними концепций человеческого и Божественного творения, теория естественных прав Локка является новаторской как для оккамской философской школы, так и для Аквината.

---

⁹⁶ Ibid. P. 196.

⁹⁷ Ibid. P. 333.

⁹⁸ Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. P. 25.

Объяснение значения теории естественных прав Локка с точки зрения проблемы приоритета объединяет самые разные позиции в спектре преемственности. Коулман и Суонсон, справедливо указывают на некоторое сходство с католическими схоластиками.

С другой стороны, Цукерт прав, именно вопрос приоритета между концепциями естественных прав применительно к вопросу о соотношении человеческого и божественного творения, приводит к последствиям в политическом измерении.

Подводя итог первой главе, остановимся на нескольких выводах необходимых для понимания особенностей реализации права на митинги в странах англосаксонской правовой системы:

Последовательно применив:

Индукцию в первом параграфе, обосновали основные этапы расхождения между философскими школами Англии и континентальной Европы, общей сложностью занявшие почти четыре века.

Редукцию во втором параграфе, исследовали основополагающие тезисы учения Гоббса относительно природы прав и допустимости ограничения личной свободы. Именно из данного анализа мы вывели логическим путем особое британское понимание сущности свободы слова и свободы собраний.

Дедукцию в третьем параграфе, проанализировали основные аргументы современных сторонников идеи преемственности просветительских идей о правах человека в философии Локка и контраргументы оппонентов в среде современных английских правоведов и философов.

Проговорим основные тезисы английской философской, оказавшие ключевое воздействие на регулирование гражданских свобод (в том числе на свободу слова и свободу собрания) школы:

1. Фактически, одним из важнейших различий между континентальной (романо-германской) школой Аквината и основанных на догмах Оккама (англо-саксонских) идеях Гоббса лежат в толковании природы и сущности «общественного договора».

Для Гоббса, и в целом всей английской школы просвещения, «общественный договор» — это отношение между сувереном и подданным, при котором актором права (хоть и выступающим в интересах всего сообщества) является суверен, а подданный, стремящийся к сохранению всеобщего благополучия, фактически может реализовать свою свободу слова только посредством петиции к суверену. Все иные свободы будут вне закона.

Континентальная (романо-германская) школа просвещения исходит из постулата Фомы Аквинского, который утверждает, что естественное право следует понимать, как принципы права, которые заложены в каждой дееспособной личности. Каждый способен быть актором права, а право

суверена должно быть преобразовано в суверенитет (государства или народа) посредством особых гарантий гражданских прав и свобод.

Каждый человеческий закон — это попытка достичь этой цели по существу (как бы сильно или слабо законодатели ни преследовали эту цель).

2. В природе человека стремление к анархии, чем больше личных интересов необходимо учитывать в общественном договоре, тем выше стремление нарушить догму сохранности, то есть стремление к «абсурду» по Гоббсу. Возжелавший постулировать свой личный интерес (свобода слова, свобода собраний) выше общей безопасности абсурден и опасен. Нетрудно понять, как суверен и подданный могут противоречить друг другу. Это и есть потенциальный (неизбежный) антагонизм между абсолютным сувереном с абсолютной властью и абсолютным подданным с неоспоримым правом.

2. Нет и не может быть идеальной формы власти. В главе 19 Гоббс утверждал, что извращенный тип правления - всегда вопрос мнения. Когда правительства обвиняют в «извращениях», это, прежде всего, говорит о том, что обвинителям просто не нравится это правительство. Наши взгляды будут меняться по мере того, как будет меняться наше понимание наших интересов по отношению к политике правительства. Такие слова, как "тирания", являются провокационными и неопределенными по смыслу. Обвинение в тирании может быть брошено в любой момент, и оно не имеет под собой никакой объективной основы. Для большинства форма правления будет вторична по отношению к интерпретации политики и ее последствий для интересов; не существует формы правления, которая была бы защищена от обвинений, и изменения формы не могут изменить этот факт. Какой бы ни была форма правления, вопрос будет заключаться в том, воспринимают ли ее субъекты как произвольную или нет. Произвол неизбежно является вопросом восприятия, когда отсутствует общепринятый политический дискурс.

Следовательно, потенциал для недовольства есть всегда, а свобода слова не способна устранить или минимизировать социальное возмущение.

3. Вне идеального случая всегда существует зарождающийся конфликт между естественным мотивом самозащиты, включающим самоутверждение, и гражданским мотивом подчинения закону. Таким образом, ни один человек не может быть обязан убить себя или выдать себя. С другой стороны, когда суверен приказывает нам взять на себя опасные обязательства во имя содружества - цели, ради которой суверен был нами уполномочен, - мы не имеем права отказаться и не имеем права высказывать доводы против для третьих лиц.

4. Доктрина разделения властей приведет к хроническим кризисам политической власти, когда постоянные правила законодательной власти

вступят в неизбежный конфликт с дискреционной прерогативой исполнительной. Так же опасение логично будет распространить и на свободу слов/собрания – их институализация, согласно логике Гоббса, порождает законную форму сопротивления власти суверена.

5. Ряд исследователей Гоббса считают, что он согласен с данным рассуждением Аквинского и в подтверждение приводят следующую цитату: «Свобода там, где молчит закон. Где молчит закон, я волен следовать своей воле».

Мы не разделяем позицию о сходстве рассуждений поскольку Гоббс и Аквинский вкладывают принципиально разное ценностное значение в свои суждения.

Для Гоббса это пространство «абсолютной свободы», войны всех против всех, всегда социальное зло, всегда угроза общественному договору. Следовательно, необходимо стремиться сократить такое пространство если не законами, то системой прецедентного судебного права.

Для Аквината это невмешательство публичной власти в сферы личных интересов, регулируемых исключительно естественным правом. Это главное условие общественного договора, так как в нем заложена максима высшую юридическую силу (и для власти, и для народа).

6. Трактовав свободу слова и собрания как производное право на петицию, английская правовая система лишила конституционных гарантий данные гражданские свободы и этим закрепила главное отличие англосаксонской и романо-германской правовой систем.

ГЛАВА 2. ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ В АНГЛИИ

В данной главе мы проведем конституционно-правовой анализ развития права на мирные собрания в Англии с момента расцвета парламентского права до наших дней.

Одной из главных проблем с которой столкнулись авторы при анализе английского законодательства о митингах, это сложность в периодизации. Британская концепция «живой конституции», постоянно актуализируемой актами суда, на практике приводит к тому, что любой статут, направленный на реформирование гражданских прав, будет интерпретирован многовековым прецедентным правом, исходя из интересов сложившейся политической конъюнктуры.

Авторы намеренно отказались от принятой в «Истории государства и права зарубежных стран» периодизации английского права, сосредоточившись на важнейших моментах трансформации законодательства о митингах с правовых, политологических позиций, а также с учетом трансформации правоприменительной практики.

Важно подчеркнуть, что правовой системе, отрицающей кодификацию и иерархию правовых норм, очень сложно расставить приоритеты при анализе правовых актов.

В этой связи авторы вынуждены были провести анализ правоприменение статутов и прецедентов, относительно реализации права на мирные собрания, с учетом позиций британских конституционалистов и политологов (современников исследуемых источников права).

2.1. Оспариваемое право на публичные собрания в Англии от Билля о правах до законов об общественном порядке

Право на публичные собрания исторически было ключевым требованием практически всех политических движений в Великобритании.

Публичные собрания с одной стороны узаконивали местные элиты в рамках конституционного процесса, но с другой стороны были местом споров, связанных с жалобами на действия властей.

С расцветом капитализма и резко возросла потребность в лоббировании своих интересов не столько на уровне петиций к монарху, сколько в более широкой сфере общественного мнения. Уставы всех политических объединений Англии в восемнадцатом и девятнадцатом веках заявляли о законном праве на проведение собраний, наряду с правом обращения с петициями к монарху и парламенту и свободой слова, со ссылкой на Великую хартию вольностей и Билль о правах 1689 года.

Участие в публичных собраниях, было наиболее распространенным опытом, который большая часть населения реализовывала посредством пассивного участия в политических дебатах и активным участием в общих действиях (пикетах, митингах, стачках). С конца девятнадцатого века данные формы стали более популярны чем обращения с петициями.

Ряд историков связывают относительно резкий (по британским меркам) переход от института петиций к митингам, с предоставлением широких избирательных прав. Нам такая позиция представляется сомнительной, более логичной причиной может выступать резкий рост новостных печатных изданий, для которых освещение публичного протеста всегда отличный повод для публикации (в отличии от петиций).

Однако рост числа массовых публичных политических акций не привел к формированию универсального законодательства о митингах, законного права на публичные собрания в Англии и Уэльсе не существовало вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 г., который вступил в силу в 2000 г. В отличии от свободы слова, которая еще в девятнадцатом веке была подтверждена рядом судебных прецедентов и актов парламента (прецеденты, подтверждающие право на публичные собрания, принимались кратко реже и активно оспариваются)⁹⁹.

То, что в других странах англосаксонского права называют законом, регулирующим «свободу собраний», в английском контексте постулируется как «законодательство об обеспечении общественного порядка»¹⁰⁰.

Ученый-правовед А. С. Дайси признал эту двусмысленность в своей статье «О праве на публичное собрание», опубликованной еще в 1889 году, в разгар кризиса из-за охраны социалистических митингов на Трафальгарской площади в Лондоне. Дайси пришел к выводу, что ясности нет ни в общем праве, ни в законе, ни в судебном прецеденте.

Даже если собрание начиналось как законное, то есть с разрешения местных властей, небольшое нарушение общественного порядка превращало его в незаконное собрание¹⁰¹.

Обсуждаемые правоведами различия между правами и свободами, обеспечивающими возможность на мирные собрания, в английской правовой доктрине относятся не к конституционному регулированию, а к сфере политологии, то есть лежат в основе напряженности, подогреваемой различными политическими движениями на протяжении всего этого периода.

При этом формирование права на собрания в Британии развивалось, в отличии от континентальной Европы, по чисто экономическим (а не политическим законам). Если обратиться к истории Англии, то можно

---

⁹⁹ Mead D. The New Law of Peaceful Protest: Rights and Regulation in the Human Rights Act Era, 2010. P. 28.

¹⁰⁰ Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. San Diego Law Review, 34, 1997. P. 940.

¹⁰¹ Dicey A. On the Right of Public Meeting. Contemporary Review, 55, 1889. P. 941.

увидеть, что публичные собрания принимали различные формы, как официальные, так и неофициальные. Официально учрежденные публичные собрания проводились целым рядом учреждений, включая приходскую ризницу, городской совет, лорда-лейтенанта, отдельными графствами и так далее. Также можно вспомнить собрания налогоплательщиков, корпоративных гильдий, а после узаконивания в середине XIX в. и городские собрания.

Обычно они следовали официальной процедуре, установленной мэром или другим должностным лицом в ответ на запрос от (часто установленного минимума) «респектабельных» жителей, обычно для принятия резолюций, подписания петиции в парламент или ратификации обращения к монарху¹⁰². Специальный комитет Палаты общин в 1857 году, например, сообщил, что «общественным собранием должно быть собрание, законно созванное шерифом округа или мэром города, с целью подачи петиции к монарху или любой из палат Парламент, собранию городского совета, управлению здравоохранения или в любой другой государственной орган»¹⁰³. Хотя технически участие в собрании ограничивалось определенными требованиями, например, необходимо быть членом местного прихода и налогоплательщиком, на практике обычно мог появиться любой, а вход контролировался только во время партийно-политического конфликта.

Неофициальные публичные собрания, длительное время были дополнением к официальным (вопросами вне повестки) обычно начинались путем аплодисментов или объявлений и участие в них было столь же неоднозначным. Массовые публичные собрания, проводимые на городских площадях или рынках, или внутри общественных или коммерческих зданий, часто все еще сопровождалась ритуальными процессами официального собрания с докладчиками, комитетом, резолюциями, поправками и голосованием.

Такие публичные собрания стали заменяться другими видами собраний, такими как демонстрации, избирательные кампании и митинги¹⁰⁴. Значительно позже, под влиянием международных общественных движений таких как интернационал.

Незаконное или шумное собрание считалось правонарушением по общему праву. Законодательство раннего Нового времени, касающееся публичных собраний, было направлено на предотвращение или ограничение практики подачи петиций в парламент или монарху.

Закон 1661 г. о борьбе с беспорядками был предназначен для ограничения огромного объема петиций, рассмотрение которых занимало значительную часть времени, отведенного на парламентские заседания,

---

¹⁰² См.: Innes J. The Local Acts of a National Parliament: Parliament's Role in Sanctioning Local Action in Eighteenth-Century Britain. *Parliamentary History*, 17, 1998. Pp. 23–47.

¹⁰³ Hansard's Parliamentary Debates (далее - Hansard), HL Deb., 13 July 1857, vol. 146, cc. 1363–6.

¹⁰⁴ Dickinson H. The Politics of the People in Eighteenth Century Britain. Houndmills, 1994. Pp. 103–105.

путем ограничения числа лиц, которые могли подать петицию, до двенадцати. Хотя Билль о правах 1689 г. и гарантировал право индивида на подачу петиции, но закон 1661 г. продолжал применяться на практике еще в 1817 г., во время «Марша одеял», когда демократические радикалы Манчестера стремились оставаться в рамках правил подачи петиций. принцу-регенту¹⁰⁵.

Здесь хорошо просматривается, сформулированная нами в первой главе особенность британской просветительской мысли, основанной на догматах Гоббса.

В природе человека стремление к анархии, чем больше личных интересов необходимо учитывать в общественном договоре, тем выше стремление нарушить догму сохранности, то есть стремление к «абсурду» по Гоббсу. Возжелавший постулировать свой личный интерес (свобода слова, свобода собраний) выше общей безопасности абсурден и опасен.

Важный сдвиг в форме и целях проведения публичных собраний, происходит начиная с 1760-х годов. Возникающие призывы к парламентской реформе и популизм агитации политика Джона Уилкса в 1768–179 годах, создали новый тип массовых собраний. Толпа сторонников Уилкса, независимо от желания самого политика, подорвала порядок официального процесса проведения собрания графств и избирательной кампании¹⁰⁶.

Начиная с 1790-х гг. с появлением первого демократического движения, представляющего интересы рабочего класса, эти внеофициальные формы публичных собраний постепенно легализуются.

Съезды и митинги «массовой платформы», стремились к признанию их легитимности, оформляя свои требования и резолюции в те же формы, что и официальные собрания- чаще всего они заявляли о желании сформировать петицию.

Однако новые виды собраний, все чаще становились очагами конфликтов, поскольку местные власти отказывали в разрешении на их проведение.

Резня в Петерлоо в Манчестере 16 августа 1819 года была результатом давней напряженности между демократическим движением рабочего класса, местными властями и национальным правительством по поводу того, что все-таки представляет собой публичное собрание¹⁰⁷.

Социолог Чарльз Тилли видел в росте количества публичных собраний (под которыми он имел в виду массовые демонстрации) демократизацию

---

¹⁰⁵ См.: Knights M. The Lowest Degree of Freedom: The Right to Petition Parliament, 1640–1800. *Parliamentary History*, 37, 2018. Pp. 18–34 ; Poole R. Petitioners and Rebels: Petitioning for Parliamentary Reform in Regency England. *Social Science History*, 43, 2019. Pp. 553–579..

¹⁰⁶ Rudbeck J. Popular Sovereignty and the Historical Origin of the Social Movement. *Theory and Society*, 41, 2012. Pp. 589.

¹⁰⁷ Lobban M. From Seditious Libel to Unlawful Assembly: Peterloo and the Changing Face of Political Crime. 1770–1820. *Oxford Journal of Legal Studies*, 10, 1990. Pp. 331.

британской политики, включение в нее широких масс, лишенных аристократического или буржуазного представительства.

Тилли заявлял, что «конфликтные сборища», стали переходной ступенью от ранних способов «буйных» коллективных собраний, направленных непосредственно против местных представителей власти, к более национальному и парламентскому государству к началу XIX в.

Тезис Тилли о прогрессе, популярен в британской юридической литературе. Однако, по нашему мнению, он недооценивал степень участия населения в городских собраниях до 1760-х годов и переоценивал представленность граждан в политической жизни, в том числе влияние публичных собраний, ориентированных на петиции в парламент до 1830 года¹⁰⁸.

Отметим, что существовавший с 1430 года имущественный ценз делал парламент Англии институтом, представлявшим интересы только состоятельного населения. Активным избирательным правом могли обладать подданные королевства, получавшие со своей земельной или иной недвижимой собственности доход не менее 40 шиллингов в год (сумма многократно изменялась в сторону повышения). Избирательное право распространялось только на собственников и пожизненных арендаторов (арендаторы на меньший срок к выборам не допускались).

Только в XIX веке имущественный ценз постепенно стал снижаться. Так до избирательной реформы 1832 года лишь 4,4 % взрослого населения страны обладало активным избирательным правом, а после таковых стало 7,5 %. Только после реформы 1885 года право голосовать было предоставлено всем собственникам земли или другой недвижимости с доходом не менее 10 фунтов и всем квартиронаймателям, что довело количество избирателей до 30 % от взрослого населения¹⁰⁹.

Гарет Стедман Джонс, Джеймс Вернон и другие рассматривали середину девятнадцатого века, в частности, как поле битвы между идеями развивающегося либерализмом и более воинственными притязаниями радикалов на то, чтобы представлять «народ»¹¹⁰. Эти историки решительно выступали за конституционализм как популистский дискурс, который включал в себя, если не поглощал вообще, язык класса, который ранее Карл Маркс интерпретировал как реальный народ. Вернон видел в характере публичных митингов и законотворчестве до 1867 года «падение политического человека и закрытие радикального либертарианского демократического потенциала конституции».¹¹¹ Он подчеркнул, что у людей заметно снизились способности создавать свою собственную политику.

---

¹⁰⁸ См.: Tilly C. The Rise of the Public Meeting in Great Britain, 1758–1834. *Social Science History*, 34, 2010. Pp. 291–299.

¹⁰⁹ Саламатова М. Р. Цензы в Российской и европейской избирательной практике первой четверти XX века : [арх. 17 августа 2021] // *Избирательное право*. 2016. № 2. С. 26.

¹¹⁰ См.: Vernon J. *Politics and the People: A Study in English Political Culture (1815–1867)*. Cambridge, 1993.

¹¹¹ *Ibid.* P.336.

Новая политическая история, характеризуется именно упадком, который историки связывают с появлением «либеральной государственной власти» к середине девятнадцатого века.

Патрик Джойс утверждал, что в отношениях между местными элитами и государством, доминирует мораль среднего класса, которая реализуется посредством реализации различных схем охраны правопорядка, санитарного благополучия и гражданского регулирования¹¹².

Хотя его подход находился под влиянием Мишеля Фуко, другие опирались на «цивилизационный тезис» Норберта Элиаса, согласно которому улучшение городов также укрепило власть среднего класса и дворянской элиты над улицами¹¹³.

Таким образом, «народные недовольства» контролировались и регулировались муниципальными властями и культурной гегемонией среднего класса в городе.

Вообще, в английской историко-правовой науке начиная с 1990-х и до наших дней, наблюдается тенденция к фрагментации, а не обобщению исследуемых процессов. Большинство авторов предпочитают изучать отдельные политические движения в течение короткого промежутка времени, а не длительного периода¹¹⁴.

Нам такой подход представляется необъективным, поскольку не позволяет в полной мере определить особенности реализации права на мирные собрания в Англии.

Еще один подход к изучаемой теме, был изложен в трудах Ричарда Хаззи и Генри Миллера, исследующих историю развития права на подачу петиций¹¹⁵. Они доказывают, как подача петиций была жизненно важной частью народной политики с 1640-х годов до начала двадцатого века. Также данные авторы отмечают, что с середины XVIII в. происходит постепенный сдвиг в толковании права на подачу петиций в парламент. Ранее право на подачу петиции заявлялось, как неотъемлемое право само по себе, однако к концу восемнадцатого века, как утверждает Найтс, «возрас- тала тенденция рассматривать право на подачу петиции как часть группы взаимодополняющих прав, наиболее важными из которых были право

---

¹¹² Joyce P. *The Rule of Freedom: Liberalism and the Modern City*. History, Political Science, 2011. P. 51.

¹¹³ Gunn S. *The Public Culture of the Victorian Middle Class: Ritual and Authority in the English Industrial City, 1840–1914*. Manchester, 2007. P. 43.

¹¹⁴ См. например, Poole R. *Peterloo: An English Uprising*. Manchester, 2019; Malcolm Chase. *Chartism: A New History*. Manchester, 2007.

¹¹⁵ См.: Huzzey R., Miller H. *Petitions, Parliament and Political Culture: Petitioning the House of Commons, 1780–1918*. *Past & Present*, 2020. Pp. 123–164 ; Chase M. *What Did Chartism Petition For? Mass Petitions in the British Movement for Democracy*. *Social Science History*, 43, 2019. Pp. 531–551 ; Loft P. *Involving the Public: Parliament, Petitioning and the Language of Interest, 1688–1720*. *Journal of British Studies*, 40, 2016. Pp. 1–23 ; Loft P. *Petitioning and Petitioners to the Westminster Parliament, 1660–1788*. *Parliamentary History*, 38, 2019. Pp. 342–361 ; Miller H. *Petition, Petition, Petition*, in *Organising Democracy: Reflections on the Rise of Political Organizations in the Nineteenth Century*, ed. H. te Velde and M. Janse, 2017. Pp. 43–61 ; Pickering P. A. *And your Petitioners, &c: Chartist Petitioning in Popular Politics, 1838–48*. *English Historical Review*, 116, 2001. Pp. 368–88.

на собрания и право на свободу слова и печати»¹¹⁶. Можно сделать вывод, что слияние идеи права на подачу петиции с концепцией права на публичные собрания и свободу слова было непрерывным процессом отстаивания людьми своих прав.

Более того, подача петиции была основным поводом для проведения многих общественных собраний, но при этом не являлась единственной их целью или результатом. Как будет показано далее, существовало много других типов политических собраний, которые были неотъемлемой частью политической жизни в Англии и площадкой для поддержания и оспаривания различных отношений касающихся идей конституционного государства.

В Англии существует особая хронология дебатов вокруг идеи права на публичные собрания. С помощью инструмента для анализа текста «Hansard at Huddersfield» можно проследить использование этого термина в парламентских дебатах начиная с 1803 года. Первый случай использования термина «право на публичные собрания» был зафиксирован в ходе дебатов в Палате общин 21 декабря 1819 года по законопроекту о кощунственной клевете, который является частью Шести актов, принятых после резни в Петерлоо. Лорд Эбрингтон, последовательный сторонник оппозиции вигов мерам правительства тори против народного радикализма, осудил законопроект, заявив: «Парламент уже ограничил право на публичные собрания»¹¹⁷.

Тем не менее термин «право на публичные собрания» уже регулярно использовался в конституционалистском дискурсе. Политические движения использовали в своей риторике положения Великой хартии вольностей и Билля о правах 1689 года, чтобы оправдать право на публичные собрания. Тем не менее, Билль о правах только защищал право на обращение к короне с петицией, но не гарантировал право на публичные собрания¹¹⁸.

Съезды и собрания парламентских реформаторов и радикально настроенных представителей демократической части населения обосновывали свое право собираться, ссылаясь на труды Джеймса Бурга и других вигов, обращавшихся к историческим прецедентам в виде англо-саксонского представительного органа - Витангемота, который был уничтожен Вильгельмом I и так называемым нормандским игом¹¹⁹.

Начиная с 1780-х годов эти исторические концепции были объединены с представлениями об абсолютных естественных правах, основанных на интерпретации конституционных трудов Джона Локка и Томаса

---

¹¹⁶ Knights M. The Lowest Degree of Freedom: The Right to Petition Parliament. P. 32.

¹¹⁷ Hansard, HC Deb., 21 Dec. 1819, vol. 41, cc. 1414–45.

¹¹⁸ См.: The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. Transactions of the Royal Historical Society, volume 32, december 2022. Pp. 199 – 221.

¹¹⁹ Ibid. P. 204.

Пейна (хотя, конечно, эти права были открыто признавались только за «свободнорожденным англичанином» и не распространялись на женщин или коренных жителей колоний)¹²⁰.

«Два закона», принятые в 1795 году правительством Уильяма Питта Младшего, ограничили народные политические собрания и расширили сферу действия законодательства об измене. Данные законы вызвали широкий общественный резонанс, в парламент было подано сотни петиций, как за, так и против законов. Во многих петициях против мер правительства широко использовалась риторика вигов, заявляющая о праве на публичное обсуждение или собрание, защищенном Биллем о правах 1689 года. Было ли это петиции выражением глубоко укоренившихся в народе понятий или тактическим ходом вигов, стремившихся расширить свое влияние тем не менее это укрепило связь между двумя правами.

Например, собрание графства Нортумберленд в Морпете 25 ноября 1795 г. единогласно приняло три резолюции:

I. Что Билль о правах является важной составной частью первоначального договора между королем и народом, признанного и подтвержденного в эпоху Революции.

II. Что свобода публичных дискуссий и петиций для удовлетворения жалоб, является одной из древних, истинных и несомненных привилегий народа Англии, подтвержденной Биллем о правах.

III. Что любая попытка, прямо или косвенно, ограничить или урезать свободу публичного обсуждения является нарушением Конституции, имеет тенденцию к аннулированию Билля о правах и тем самым к нарушению первоначального договора между королем и народом¹²¹.

Законы о мятежных митингах 1817 и 1819 годов, а также дебаты о законности митинга в Манчестере, приведшего к событию известного, как «резня в Петерлоо», стремились разграничить официально признанное публичное собрание и массовый народный митинг. Ультралоялистская реакция на резню в Петерлоо выразилась в труде «Исследование закона о народных собраниях» сэра Кодрингтона Эдмунда Каррингтона, председателя квартальных сессий в Бэкингемшире.

Кэррингтон поставил под сомнение право людей использовать свое право на проведение публичного собрания, а не обращаться к уважаемой местной элите с официальной просьбой на проведение такого

---

¹²⁰ Parssinen T. Association, Convention and Anti-Parliament in British Radical Politics, 1771–1848. *English Historical Review*, 88, 1973. Pp. 519.

¹²¹ The History of two acts, entitled an act for the safety and preservation of His Majesty's person and government against treasonable and seditious practices and attempts, and an act for the more effectually preventing seditious meetings and assemblies; Including the proceedings of the British Parliament, and of the various popular meetings, societies, and clubs, throughout the kingdom: with an appendix and index, &c. To which are prefixed remarks on the state of parties, and of public opinion, during the reign of His Present Majesty. (1796). URL: <https://wellcomecollection.org/works/rg9vn6g3> (дата обращения: 12.01.2024).

собрания: «Право, как представляется, захвачено и осуществляется теми, кто называет себя радикальными реформаторами, для того, чтобы собирать людей путем публичного уведомления, при любом случае, в любое время, в любом месте и в любом количестве; и предлагать такие темы петиций, возражений, обсуждений или резолюций на одобрение и согласие собранного таким образом собрания, как они сочтут нужным.

Имеют ли сегодняшние демагоги право, которое они так громко отстаивают и так рискованно используют, в стране, где правит закон, где представительный совет охраняет интересы народа¹²²?

Ко времени возникновения чартистского движения в конце 1830-х годов идеи правых политиков прочно утвердилась в борьбе с радикальным дискурсе народа. Уильям Ловетт, секретарь Чартистского национального конвента, был арестован и предан суду за мятежную клевету и за участие в массовом митинге на арене для боя быков в Бирмингеме в июле 1839 года. На суде Ловетт выступил перед присяжными со страстной речью, заявив, «что была совершена неконституционная атака на право публичных собраний». Он напомнил, «что это право широко признается и закрепляется тем фактом, что петиции, исходящие от таких собраний, признаются законодательным собранием». Контраргументы обвинения сосредоточивались на понятиях, установленных старым законодательством о мятежных собраниях и общим правом: «собрания на арене для корриды... были не учредительными собраниями, а шумными собраниями. Магистраты вмешивались в эти собрания, потому что мирные жители призвали их подавить»¹²³.

По мере того, как проводимые собрания становились более упорядоченными и миролюбивыми, власти стали начали подвергать сомнению правомерность самой возможности проведения собрания, даже если оно не сопровождалось насилием или призывами к мятежу. Законы о мятежных митингах, или, точнее, судебные процессы над радикалами, арестованными во время массовых демонстраций, создали прецедент, согласно которому публичные собрания считались мятежными, даже если магистраты считали, что они вызывают «ужас у уважаемых жителей».

Зимой 1838–1839 годов были изданы королевские прокламации против чартистских факельных шествий и митингов, но по истечении срока их действия, больше не никаких законов, непосредственно направленных против политических митингов, не принималось.

Несколько аморфный и явно классовый критерий страха перед народными собраниями (независимо от того было ли собрание организованным или нет) среди состоятельных людей, постепенно заменил клевету,

---

¹²² The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. P. 205.

¹²³ Ibid. P. 206.

высказанную на митингах, как причину, по которой власти отказывали в разрешении на массовые собрания и разгоняли их силой, если они имели место¹²⁴.

Однако постепенно, народные собрания стали больше вопросом поддержания местного общественного порядка, чем национальной угрозой мятежа. Это определение сохранялось вплоть до конца девятнадцатого века. Например, в 1890 г. магистраты Нортгемптона стремились воспрепятствовать собранию трезвости на рыночной площади. В обосновании этого они ссылались на определение, изложенное комиссарами в законопроекте об Уголовном кодексе 1879 г.: «собрание может быть незаконным, если оно вызывает опасение соседей, что без нужды и без разумного повода спровоцирует других на шумное нарушение спокойствия»¹²⁵.

Термин «право на публичные собрания» не использовался регулярно в парламентских дебатах до принятия законопроекта о второй избирательной реформе 1866–1877 годов, при этом радикальные народные движения продолжали цитировать вышеуказанную нами конституционалистскую идиому. Как указал Энтони Тейлор в своем исследовании агитации за реформы 1866 года, большинство радикалов предпочли использовать более эластичные и менее доказуемые а качестве призывов к мятежу образы англо-саксонских свобод, а не следовать более жесткому подходу лидера Лиги реформ, юриста Эдмонда Билза, который призывал к судебному оспариванию реформы и действующего законодательства, препятствующие встрече членов данной лиги в Гайд-парке¹²⁶.

С парой промежуточных пиков, связанных с фенийскими беспорядками в Ирландии в 1871 и 1882 годах, наибольшее количество речей, обсуждающих или явно упоминающих «право на публичные собрания», имело место в 1888 году (всего сорок четыре). Требования Социал-демократической федерации разрешить использование Трафальгарской площади и ряда других мест в столице в 1880-х годах для проведения публичных собраний, привели к увеличению числа дебатов, публикаций, судебных процессов и судебных решений касающихся, вопроса о том существовало ли право на публичные собрания или были ли соответствующие прецеденты в прошлом.

Лондон играет центральную роль в этих дебатах и их историографии, особенно в 1860–1880-х годах¹²⁷. Пространство Трафальгарской площади

---

¹²⁴ Lobban M. From Seditious Libel to Unlawful Assembly: Peterloo and the Changing Face of Political Crime 1770–1820. P. 345.

¹²⁵ Return to an Address of the House of Commons, 4 December 1890. Durham University Library, Earl Grey pamphlets collection: Hansard, HC Deb. 24 Jun., 1890, vol. 345, cc. 1807–21.

¹²⁶ Taylor A. Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London, 1848–1880. *International Review of Social History*, 40, 1995. P. 390.

¹²⁷ См. например: Keller L. *Triumph of Order: Democracy and Public Space in New York and London*. New York, 2010 ; I. Channing. *The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain, 1829–2012*. Routledge, 2017 ; Awcock H. *The Geographies of Protest and Public Space in Mid-Nineteenth-Century London: The Hyde Park Railings Affair*. *Historical Geography*, 47, 2019. Pp. 194–217.

и Гайд-парка, естественно, привлекает внимание, тем, что оно были предметом ключевых парламентских дебатов, изменений законодательства и усилий полиции. Политика Лондона в отношении народных собраний была уникальной из-за ее прямой связи с центром власти. Столичная полиция и специальные констебли находились под централизованным управлением Министерства внутренних дел, в отличие от систем лордов-лейтенантов и окружной полиции за пределами столицы. Чартизм в 1840-х годах и Лига реформ в 1866–1867 годах, как указывает Тейлор, «таким образом, прямо противостояли аппарату центрального правительства в месте его власти»¹²⁸.

В лондонской ситуации было два ключевых поворотных момента. Во-первых, закон 1877 г. уполномочил столичный совет работ контролировать и управлять парками и общественными местами, а также принимать подзаконные акты, в том числе направленные против публичных собраний¹²⁹.

Во-вторых, назначение сэра Чарльза Уоррена комиссаром столичной полиции в 1886 году привело к установлению более милитаристской формы полицейской деятельности, частью которой было соблюдение запрета на публичные собрания на Трафальгарской площади. Такая политика привела к репрессивным действиям против социалистов в ноябре 1887 г., которые вошел в историю как Кровавое воскресенье. Радикальная агитация в столице носила ярко выраженный конфронтационный характер. Социалисты, в частности, стремились превратить народные выступления в классовый конфликт, а не придерживаться вежливого либерального дискурса. Великая хартия вольностей или Билль о правах почти не упоминались в этих дебатах, хотя либералы регулярно ссылались на более общую «конституцию», защищая право на собрания.

Парламентский ответ на социалистические и рабочие беспорядки 1880-х годов был направлен на то, чтобы раз и навсегда определить статус публичных собраний, наряду с конкретным законодательством, касающимся ответственности за поддержание общественного порядка на Трафальгарской площади. Каннингем Грэм, член парламента от Северо-Западного Ланаркшира, ставший социалистом, был одним из арестованных за незаконное собрание на Трафальгарской площади в Кровавое воскресенье. После выхода из тюрьмы 13 июля 1888 года он внес в Палату общин законопроект об общественных собраниях на открытых пространствах¹³⁰.

---

¹²⁸ Taylor A. Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London. P. 390.

¹²⁹ Keller L. Triumph of Order: Democracy and Public Space in New York and London. P. 106.

¹³⁰ Hansard, HC Deb., 13 July 1888, vol. 328, c. 1350; I. Channing. The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain. P. 121. Законопроекту предшествовала попытка установить законность публичных собраний по общему праву, когда адвокат Эдвард Льюис оспорил запрет комиссара столичной полиции (См.: Ex parte Lewis (The Trafalgar Square Case): QBD 2 Jul 1888).

Законопроект предлагал закрепить абсолютное и неотъемлемое право на публичные собрания на открытых пространствах, которые использовались для этой цели не менее двадцати лет. Местные власти могли регулировать порядок проведения таких собраний в подконтрольных им местах, но они не могли «ущемлять или запрещать общее право на публичные собрания или свободу слова». Таким образом, законопроект должен был стать первым законодательным актом, активно признающим общее право на публичные собрания. Это также неразрывно связывало его с другим заявленным правом — на свободу слова.

Однако Законопроект «О публичных собраниях» 1888 года и сопутствующее ему Положение о собраниях так и не были приняты. Несколько запутанные парламентские дебаты не смогли решить вопрос о законности права на публичные собрания¹³¹. В результате, вместо окончательного законодательного регулирования права граждан на мирные собрания, полиция и местные власти остались в прежнем положении, «используя двусмысленные и нечетко определенные полномочия о нарушении доктрины мира» для полицейского регулирования публичных собраний¹³².

Это выдвигает на первый план ключевой момент периода, начинающегося с 1839 года, - зависимость правительства от местных властей и делегирование принятия решений на местах магистратам и старшим констеблям полиции вплоть до 1908 года.

В. дебатах в палате общин от 12 мая 1887 г. Джеймс Стюарт, депутат-либерал от Шордич-Хокстон в Восточном Лондоне, не сочувствовал требованиям социалистов, но списывал проблему беспорядков по поводу права на собрания на тот факт, что «в Англии нет города, столь бедного средствами для проведения публичных собраний, как Лондон. Возьмите Брэдфорд с его большим залом Святого Георгия, способным вместить 5000 или 6000 человек и используемым в качестве большого места для встреч жителей этого города. Отправляйтесь в лондонский Ист-Энд, и вы обнаружите, что, вероятно, самый большой зал — это зал Шордича, который может вместить только 2000 человек»¹³³.

Член парламента от Нортгемптона, либерал Чарльз Брэдло высказал ту же мысль в своей статье «О праве на публичные собрания» в вольнодумном журнале «Наш уголок» в 1885 году¹³⁴. В дебатах о «публичных собраниях в мегаполисе» 1 марта 1888 года лорд Чарльз Рассел, член парламента от Южного Хакни, генеральный прокурор и местный правитель Ирландии, снова повторил эту мысль и выступил за то, чтобы государство

---

¹³¹ Keller L. *Triumph of Order: Democracy and Public Space in New York and London*. P. 106.

¹³² Channing I. *The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain, 1829–20*. P. 122.

¹³³ Hansard, HC Deb., 12 May 1887, vol. 314, cc. 1746–70.

¹³⁴ *The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts*. Transactions of the Royal Historical Society. P. 208.

предоставило специальное и независимое пространство или зал для политических общественных собраний лондонцев¹³⁵. Эта несколько утопическая идея, очевидно, так и не была реализована, но интригует то, что она была предложена в качестве решения гладстонскими либералами. В своих исследованиях социалистической агитации 1880-х годов Эдвард Ройл и Энтони Тейлор указали на пространственные ограничения в столице по сравнению с промышленными городами на севере и повторили жалобы Рассела и Брэдли на большие возможности для публичных собраний за пределами столицы¹³⁶.

Споры за право использовать общественные места и общественные здания для политических митингов продолжались в большинстве городов по всей Британии на протяжении всего девятнадцатого века. Во время забастовки шерстяных рабочих «Manningham Mills» в 1891 году, ставшей знаменательным событием в истории профсоюзов, забастовщикам было разрешено проводить митинги в Сент-Джордж-холле, но не в самой ратуше, где находились 150 полицейских, чтобы помешать собравшимся туда попасть.

В апреле 1891 года на Пековер-Уолкс, густонаселенной улице, прошла демонстрация с участием около 6000 человек в знак протеста против «строгих правил полиции в отношении общественных зданий города» и «с требованиями создания условий для свободного выражения мнений по всем вопросам, касающимся благосостояния общества». После этих событий, городской советник, являющийся социалистом, предъявил обвинение в нападении двум полицейским, арестовавшим его на Пековер-Уолкс, но магистраты закрыли дело, поскольку «они не сочли необходимым решать, был ли рассматриваемый участок местом, на котором имело место преступление против права на публичное собрание. Было ли это шоссе или нет, оно, несомненно, было общественным местом, и истец создавал препятствия, пытаясь провести собрание».¹³⁷

Некоторые группы протестующих, например безработные, которые не могли позволить себе арендовать Сент-Джордж-холл, собирались на пустыре на Морли-стрит, известном в местном масштабе как Форум. В 1913 году мужчина был привлечен к ответственности за создание препятствий на соседней Грейт-Хортон-стрит, и в ходе этого дела адвокат со стороны защиты просил судей предоставить законное место для митингов под открытым небом¹³⁸, что отражало продолжающуюся борьбу, за возможность реализации права на публичные собрания.

---

¹³⁵ Hansard, HC Deb., 1 Mar. 1888, vol. 322, c. 1880.

¹³⁶ Royle E. *Radicals, Secularists and Republicans: Popular Freethought in Britain, 1866–1915*. Manchester, 1980. P. 285 ; Taylor A. *Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London, 1848–1880*. P. 398.

¹³⁷ Bradford Daily Telegraph, 2 Mar. 1891.

¹³⁸ Shipley Times, 3 Oct. 1913.

Пример Шеффилда также иллюстрирует ту неотъемлемую роль, которую политические собрания играли в народной политике на протяжении девятнадцатого века, и те спорные моменты, которые касались права народа собираться мирно. Как показывает анализ записей, извлеченных из текста ряда местных и политических газет, документов Министерства внутренних дел и протоколов местного совета, с 1788 по 1936 год было проведено 550 политических митингов¹³⁹.

Публичные собрания происходили почти постоянно на протяжении всего девятнадцатого века. Пик этих собраний приходился на время чартистской агитации: с 1839 по 1848 год было проведено 150 народных собраний, которые имели председателя и выдвигали определенные требования или резолюции/ Двадцать процентов всех собраний были официально созваны по требованию и согласованы представителями собрания ножовщиков или мэром, после учреждения местного самоуправления в 1843 году. Семь с половиной процентов были запрещены властями, а статус остальных неясен. Растущее количество собраний, проводимых с помощью рекламы или аплодисментов, повлияло на модель регулирования порядка созыва публичных собраний. Большинство собраний начинались с просьбой к мэру лично председательствовать на этом собрании или хотя бы просто его созвать. Чаще всего следовал отказ, но собрание все равно проводилось, так как прямого запрета от властей проводить его под другим председательством или с другой повесткой не было. Процесс просьбы, отказа и одобрения был почти ритуализирован по своей частоте.

При этом, только 18 процентов встреч завершились принятием зарегистрированной петиции или обращения. Этот вывод ставит под сомнение упомянутое выше мнение английских историков Ричарда Хаззи и Генри Миллера о центральной роли петиций в народной политике девятнадцатого века. Также становится спорным и тезис Чарльза Тилли о прогрессии, согласно которому целью собраний было преимущественно прямое общение с парламентом¹⁴⁰.

Многие публичные собрания не стремились к прямому изменению расстановки сил в парламенте и старались либо добиться возмещения ущерба на местном уровне, либо были направлены на повышение осведомленности и выделение средств на международные цели. Например, на общественном собрании в Шеффилдском мюзик-холле в сентябре 1832 г. были приняты резолюции в поддержку польского народа и обращение к королю с призывом повлиять на российского императора, чтобы он прекратил

---

¹³⁹ Источники включали в себя: Northern Star; Sheffield Times; Sheffield Register; Sheffield Iris; Sheffield Independent; Leeds Mercury; Peeps into the Past: Being Passages from the Diary of Thomas Asline Ward (Sheffield, 1909) ; Home Office correspondence, 1791–1848, TNA, HO 40, 42, 52 (Полная база доступна по адресу: URL: <https://historyofpublicspace.uk/political-meetings-mapper-2/political-meetings-in-sheffield> (дата обращения: 17.01.2024)).

¹⁴⁰C. Tilly. The Rise of the Public Meeting in Great Britain, 1758–1834. Social Science History, 34, 2010. P. 295.

жестокое обращение с Польшей. Собрание возглавил граф Плятер, «знатный польский дворянин»¹⁴¹. Было много собраний по восточному вопросу в 1850-х годах, созванных политическими партиями, но на которых было представлено большое количество различных мнений¹⁴². Тема самоуправления доминировала в дебатах 1880-х годов¹⁴³.

Большинство митингов всех видов проходило под открытым небом на Райской площади. Ее многопартийное использование было одной из наиболее необычных особенностей пространственной политики Шеффилда по сравнению с другими промышленными городами, такими как Манчестер, где встречи были более географически разделены между различными общественными местами. На массовом митинге в апреле 1848 года Исаак Айронсайд, пламенный чартист и местный советник-социалист, со ступеней Зала масонов на одной стороне площади заявил: «Эта лестница принадлежит народу, эта площадь принадлежит народу»¹⁴⁴. Однако площадь не принадлежала народу, ею владели попечители больницы Шрусбери. Разрешение на использование площади для собраний требовалось от главного мастера Гильдии ножовщиков, которая доминировала в местном правительстве города. Споры велись не столько о праве на публичные собрания, сколько о их определении, а также о том, кто их должен организовать и созвать. Партийно-политическая напряженность внутри местных элит, особенно по поводу присоединения города, также повлияла на ход событий. На выборах 1852 г. газета Шеффилд Индепендент прокомментировал разницу между публичными собраниями в помещении и на открытом воздухе - Райская площадь считалась более открытой, потому что «определенный круг лиц» не мог доминировать при проведении встреч.¹⁴⁵ Площадь была местом проведения демонстраций Лиги реформ в 1867 году и митингов безработных в 1880-х годах¹⁴⁶. Непрерывающиеся споры из-за площади показывают, что средний класс становился все более дисциплинированным, а регулирование порядка использования общественных пространств в промышленных городах никогда не осуществлялось и такие собрания действительно поощрялись партийной политической системой, реагирующей на расширяющееся избирательное право. В 1884 году Либеральная ассоциация попросила мэра возглавить публичное собрание на Райской площади, созываемое для обсуждения законопроекта о лицензировании в графстве. Мэр выразил готовность созвать публичный митинг, но указал, «что субботный день — самый неподходящий для массового митинга на Райской площади. Во-первых, имеется

---

¹⁴¹ Sheffield Independent, 8 Sept. 1832.

¹⁴² См., например: Sheffield Independent, 1 Feb. 1851 ; Halifax Courier, 14 Jan. 1854.

¹⁴³ См., например: Sheffield Daily Telegraph, Feb. 1889.

¹⁴⁴ Sheffield Independent, 11 Apr. 1848.

¹⁴⁵ Sheffield Independent, 10 April 1852.

¹⁴⁶ См., например: Sheffield Independent, 7 May 1867 ; Sheffield Daily Telegraph, 16 Feb. 1886.

много лавочников и торговцев всех мастей, которые не могут покинуть свои места в субботний день. Также сами рабочие могли бы разумно возражать против субботнего дня, когда часть из них обычно отправляются в деревню на рыбалку и по другим делам, в то время как другая часть находится со своими женами, занимаясь покупками и другими семейными делами.» Мэр полагал, что требующие его председательства действительно хотели созвать представительное собрание, по факту являющееся городским собранием, и поэтому предложил, чтобы они не выбрали субботу.

Таким образом, мэр провел различие между публичным собранием и действительно «представительным» городским собранием. Либералы обсудили дату, но все равно решили провести собрание в субботу¹⁴⁷.

Представление о том, что общественные места, создаются и используются в соответствии с обычаями, стало частью обоснования права на публичные собрания в этих местах. В июле 1907 газета Шеффилд Телеграф опубликовала редакционную статью «Райская площадь — место для общественных собраний?», сообщая о конфликте по поводу того, кто имел право использовать данное место. Уэслианская центральная методистская миссия проводила воскресные вечерние собрания на площади с 1906 года. В июле 1907 года они попытались провести демонстрацию против азартных игр, однако возникла путаница по поводу того, кому принадлежит площадь и было ли собрание разрешено. Попечители больницы Шрусбери, в чьем ведении находилась Райская площадь, возражали против проведения демонстрации. Газета отмечает, что «встречи Лейбористской партии также были запрещены и некоторое время назад приостановлены»¹⁴⁸.

Как и в случае со многими городскими районами, принадлежащим частным лицам, возникло общее предположение, что такие места являются общественными, потому что исторически они использовались для публичных собраний. Газета отметила, что из-за этой долгой истории «люди привыкли обращаться к этому месту, как если бы это был общественный форум города». Одновременно, она предупредила, что «такие собрания проводились на Парадиз-сквер с разрешения, а не по общественному праву». Ни одно право никогда не приобреталось даже тем, кого юристы называют «долгосрочным пользователем», по очень веской причине, — по крайней мере, все формальные публичные собрания, проводившиеся на площади, были предметом денежного платежа попечителям, которые представляли интересы собственников площади.

Попечители изначально запретили публичные собрания на площади, но это не стало проблемой из-за уменьшения ее популярности: «Одной из возможных причин, о которых мы слышали, является тот факт, что после

---

¹⁴⁷ Sheffield Daily Telegraph, 29 Mar. 1884.

¹⁴⁸ Sheffield Daily Telegraph, 23 July 1907.

избирательной реформы 1884 года политическая деятельность в Шеффилде была децентрализована. У каждого подразделения есть свои дела, которыми нужно заниматься¹⁴⁹. Хотя представители левых движений использовали другие места, площадь по-прежнему использовалась, в частности, для митингов консерваторов. Газета отмечала политический сдвиг, произошедший в 1886 году: «С тех пор как площадь перестала быть радикальной и стала консервативной...оказалось, что «старый форум» не может вместить более 10 000 человек¹⁵⁰. Таким образом, возрождение публичных собраний методистов в 1906 году было новшеством и вызвало конфликт с уважаемыми обитателями площади, которым раньше не приходилось сталкиваться с неудобствами.

2.2. Парадокс общих прав в Англии

Начиная с 1860-х годов право на публичные собрания все чаще сочеталось с двумя другими установленными правами или даже противоречило им: право на воздух и прогулки в общественных местах и право на свободный проезд по шоссе. Это то, что можно назвать «парадоксом парков» и «парадоксом шоссе». Намерение Эдмонда Билза использовать Гайд-парк перед беспорядками вызванными протестами Лиги реформ обсуждалось в консервативной газете Шеффилд Индепендент в 1864 г. Редактор отметил:

«Никто не хочет вмешиваться в право «людей» г-на Билза проводить собрания под открытым небом; но, к сожалению, «люди» мистера Билза хотят, или, по крайней мере, он говорит, что хотят, вмешиваться в общие права людей, находящихся в парках. Если слушание речи мистера Билза нельзя назвать общественным развлечением, парки не предназначены для того, чтобы он выступал на митингах»¹⁵¹.

Это противоречие между свободами и правами стало основой для споров об использовании открытых пространств и в двадцатом веке.

Викторианское движение за общественные парки было отчасти благотворительной попыткой сохранить доступ к местам под открытым небом, но одновременно привело к введению в действие различных форм ограждений и регулирования поведения в общественных местах¹⁵². Статус парка сразу же означал дополнительные ограничения на использование места в соответствии с различными подзаконными актами и требованиями внутренней охраны. Кеннингтон-Коммон в Лондоне был огорожен

---

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Sheffield Daily Telegraph, 20 Apr. 1886.

¹⁵¹ Sheffield Independent, 17 May 1864.

¹⁵² Reilly C. The Greening of the City: Urban Parks and Public Leisure 1840–1939. Routledge, 2019. P. 55.

и превращен в парк в 1852–1853 годах, что, вероятно, являлось косвенной реакцией на массовую демонстрацию там чартистов 10 апреля 1848 года. Таким образом, все политические собрания стали противоречить правилам парка¹⁵³.

В королевских парках также запрещались политические собрания, что вызвало агитацию по этому поводу со стороны Лиги реформ в 1866 году. Закон о регулировании парков 1872 года еще больше усилил запрет на митинги в парках. Эти ограничения были настолько серьезными, что в 1880 году неукротимый агитатор и защитник права на использование общественных мест для проведения собраний, Джон де Морган, организовал судебный иск против новых полномочий Столичного совета работ по обеспечению соблюдения подзаконных актов, направленных против политических собраний в парках и иных общественных местах¹⁵⁴.

Корпорации и местные органы управления по всей стране быстро последовали примеру столицы со своими собственными подзаконными актами и поправками к правилам посещения парков, хотя степень ограничений и была различной, некоторые решили полностью запретить собрания, а другие ввели процедуру получения разрешения¹⁵⁵. Таким образом, проблема парков, в частности через иск де Моргана, стала неразрывно связана с доступом к свободе слова, а также движением рабочего класса направленном против ограждения открытых мест по всей стране¹⁵⁶.

Демонстранты, поднимая только что проложенные перила, использовали способы сопротивления, которые не вписываются в политическую схему исследованных ранее авторов — это тезис о прогрессе Тилли и ставка на акцент новой политической истории на господство либерализма в народной политике середины Викторианской эпохи. В 1925 году в лондонских парках был заключен компромисс: для встреч были выделены специальные места, однако публичные собрания в Кеннингтон-парке были перенесены в место за пределами главного парка - на небольшой треугольник земли между трамвайными путями¹⁵⁷. Вероятно такое решение было принято из-за того, что местные власти поняли, что разрешение социалистам и другим левым группам собираться в символическом месте чартистов, может повлечь за собой неприятные последствия.

За пределами Лондона самым известным и политизированным спором о парках было дело Боггарт Хоул Клаф в Манчестере. Во-многом,

---

¹⁵³ Taylor A. Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London, 1848–1880. P. 399.

¹⁵⁴ De Morgan v Metropolitan Board of Works, 1880 5 QBD 155.

¹⁵⁵ См. напрмер: The Clarion, 18 July 1896. В данной газете перечислены органы местного управления различных районов, которые запретили публичные собрания в своих парках.

¹⁵⁶ См. например: Taylor A. Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London, 1848–1880. P. 401 ; Gorman M. Saving the People's Forest: Open Spaces, Enclosure and Popular Protest in Mid-Victorian London. Hatfield, 2020 ; MacMaster N. The Battle for Mousehold Heath, 1857–1884: Popular Politics and the Victorian Public Park. Past & Present, 1990. Pp. 117–154.

¹⁵⁷ The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. P. 209.

внимание всей страны к этому делу было привлечено благодаря Кейру Харди (бывшему лидеру лейбористской партии) и Независимой лейбористской партией (НЛП). В 1895 году комитет парков Манчестерской корпорации приобрел «Voggart Hole Clough», лесистую долину к северу от города. В соответствии с ранее принятым подзаконным актом о нарушении общественного порядка, совет немедленно запретил проведение там публичных собраний и привлек к суду местных спикеров НЛП обвинив их в нарушении запрета. Последовали массовые демонстрации в поддержку спикеров. На самой большой из них, в которой участвовало до 50 000 человек, 19 июля 1896 года выступил лидер НЛП - Бен Тиллетта¹⁵⁸. Судебное дело против корпорации было возбуждено совместно союзом НЛП, социалистов и торгового совета. Запрет на митинги в парке широко использовался рабочим движением в пропагандистских целях. Кейр Харди резюмировал проблему использования парка как «вопрос прав гражданина против прав лиц, избранных для ведения бизнеса граждан». Исследовавший конфликт английский правовед Питер Герни, пришел к выводу, согласно которому эти речи представляли собой популизм¹⁵⁹. Однако мы склонны утверждать, что эти слова означали явный вызов рабочих классовым отношениям и представительству как в местных, так и в национальных органах власти во времена обострения классовой напряженности.

Общественные парки в Шеффилде были заложены позже, чем где-либо еще. Местные органы власти и корпорации разрешили публичные собрания в своих парках, но только по предварительному заявлению. Поэтому социал-демократическая федерация (далее – СДФ) начала использовать парки в Шеффилде в качестве поля боя относительно поздно¹⁶⁰. Во время избирательной кампании 1908–1909 годов несколько ораторов СДФ, среди которых находились и женщины, были арестованы и оштрафованы за публичные выступления в парках.¹⁶¹ Газета СДФ «Справедливость» активно призывала добровольцев нарушать правила, выступая с речами. В июле 1908 года, например, Дейзи Холлинг выступила в парке Хай-Хейзелс перед толпой, которая, по утверждениям газеты, составляла около 8000 человек, за что была привлечена к ответственности и оштрафована в суде на 3 фунта стерлингов. Редакционная статья газеты Справедливость прокомментировала, что конфликты происходили в «Metropolitan Parks, at Peckham Rye, the World's End, Dod Street и бесчисленном множестве других мест, где мы боролись и завоевали право на свободу слова и публичные собрания. Мы не утверждаем, что имеем

---

¹⁵⁸ Gurney P. The Politics of Public Space in Manchester, 1896–1919. Manchester Region History Review, 11, 1997. P. 13.

¹⁵⁹ Ibid. P. 15.

¹⁶⁰ Labour Leader, 3 July 1908.

¹⁶¹ Justice, 20 June 1908.

какое-либо право чинить препятствия или причинять кому-либо неудобство, но причин, по которым встречи не должны проводиться в парках Шеффилда, не больше, чем причин, по которым их не следует проводить в подобных местах в Лондоне»¹⁶².

Примечательно, что протесты были организованы как мероприятия за свободу слова, а не за право на публичные собрания. В 1910 году Шеффилдская корпорация сформировала новый Комитет по паркам. Заявки на использование парков регулярно подавались различными рабочими и коммерческими группами, социалистами и Женским общественно-политическим союзом (ВСПУ), причем большинство из них, но не все, были одобрены¹⁶³. Свобода слова также была лозунгом СДФ и в другой битве - за использование мест общественного пользования, общественных собраний и улиц. Этот вопрос приобрел решающее значение, поскольку к концу девятнадцатого века формы и места публичных собраний изменились. Лишенные возможности использовать парки по закону, а общественные залы из-за высокой платы за аренду, социалисты, торговцы и безработные начали использовать перекрестки в качестве мест для встреч начиная с 1880-х годов.

Вообще сдвиг в сторону использования полицией понятия правонарушения по общему праву, для воспрещения протестных собраний, стал очевиден к 1830-м годам, когда обычный книготорговец Ричард Карлайл был привлечен к ответственности за то, что собирал большие толпы людей возле своего книжного магазина¹⁶⁴. Раздел 72 закона «О шоссе» 1835 года, дал полиции дополнительный инструмент для обеспечения соблюдения права на свободный проезд в случае возникновения препятствий. При этом количество рассмотренных дел по данному правонарушению, не отражает частоту применения положений данного закона, поскольку большинство дел не регистрировались, рассматривались в местных судах или вообще не доходили до суда, а просто использовались полицией как предлог для разгона уличных демонстраций¹⁶⁵. Юридическое заключение суда по делу Карлайла также определило различие между неподвижными и движущимися толпами, которое стало еще более значимым по мере того, как шло время и шествия получили преимущество перед обычными собраниями на улицах и площадях.

В августе 1843 года Томас Данкомб, радикальный член парламента от Финсбери, подал в Палату общин ходатайство относительно петиции, представленной в парламент чартистами Халла, с жалобой на действия полиции. Рассматривающие данное дело местные судьи оправдали

---

¹⁶² Justice, 27 June 1908.

¹⁶³ The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. Transactions of the Royal Historical. P. 210.

¹⁶⁴ Morning Post, 18 Dec. 1834.

¹⁶⁵ Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. P. 936.

использование полиции для разгона собрания чартистов на рыночной площади, утверждая, что оно являлось препятствием для движения по шоссе в соответствии с Законом «О шоссе» 1835 года. Данкомб заявил, что обвинение в воспрепятствовании «невозможно, потому что собрание происходило на рыночной площади, где, как он понял, они часто проводились еще начиная с 1842 года, когда distinguished баронет (бывший премьер-министр Роберт Пил) протаскивал через парламент «Закон о зерне»». Министр внутренних дел Джеймс Грэм приказал властям Халла провести расследование, но утверждал, что, хотя «он не был расположен по определенным причинам вмешиваться в право на проведение народных собраний», это было препятствие, поскольку «к торговой площади сходились 4 улицы и она была полностью заблокирована»¹⁶⁶. В позднейших спорах об использовании Трафальгарской площади, она была юридически классифицирована как проезжая часть, а не, собственно, как площадь. Судебное решение в отношении основателя и первого президента Шотландской либеральной партии Каннингема Грэма, после его участия в беспорядках Кровавого воскресенья 1887 года, определило, что в соответствии с Законом «О Трафальгарской площади» 1844 года площадь является проезжей частью, и поэтому полиция была права, убирая протестующих, хотя постоянный запрет комиссара полиции на собрания на данной площади является недействительным¹⁶⁷.

После этого члены СДФ перешли с площадей на улицы, штрафы в отношении данной федерации и других политических объединений за проведение лекций и митингов на перекрестках и в нелицензированных помещениях становились все более распространенной процедурой, к которой прибегали полиция и магистраты¹⁶⁸. Улица Дод-стрит в Лаймхаусе в Ист-Энде Логдона была ключевым местом для проведения собраний, где на тротуарах собирались тысячи людей, однако такие улицы присутствовали почти в каждом городе Великобритании с 1880-х по 1914 год.

Джозеф Чаттертон, кандидат от социалистов на выборах от Западного Лидса и два других члена СДФ были арестованы за то, что пытались читать лекции на рынке Лонгтона, в Стаффордшире, в сентябре 1897 года.¹⁶⁹ В Колне, графство Ланкашир, в 1894 г. прокатилась волна дел против ораторов СДФ, большинство из которых, однако, было прекращено: «полиция дала заверения, что нашим товарищам не будут мешать нигде в Колне, если они будут держаться в стороне от тротуаров»¹⁷⁰. Также в прессе поднимались и вопросы о том, могут ли митингующие загромоздить площади, а также шоссе, как это было с Трафальгарской площадью.

---

¹⁶⁶ London Evening Standard, 5 Aug. 1843.

¹⁶⁷ Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. P. 972.

¹⁶⁸ Royle E. Radicals, Secularists and Republicans: Popular Freethought in Britain, 1866–1915.

¹⁶⁹ Sheffield Evening Telegraph, 3 Sept. 1897.

¹⁷⁰ Justice, 11 Aug. 1894.

В Шеффилде, местные дебаты в 1905 году были сосредоточены на том, могут ли политические и коммерческие объединения продолжать собираться у «монумента», памятника королевы Виктории, установленного в 1877 году к ее юбилею. Как и в случае с парками, собрания были организованы для поддержки свободы слова¹⁷¹. В начале 1914 года городской совет Шеффилда запретил публичные собрания, которые регулярно проводились у памятника королеве, якобы из соображений безопасности из-за увеличения плотности движения транспорта. Против этого решения выступили все основные группы активистов - Шеффилдский совет по торговле и труду, независимая лейбористская партия, социалисты, фабианцы, Женский социальный и политический союз и Женская рабочая лига, которые организовали массовые шествия и демонстрации в марте 1914 года¹⁷².

Полиция использовала составы, связанные с ответственностью за перекрытие шоссе, для пресечения массовых собраний, по нескольким причинам. Во-первых, это предоставило полиции широкие дискреционные полномочия в рамках расплывчатой и абстрактной концепции, в отличие от предыдущих конкретных определений публичных собраний на открытых местностях, которые пытался, но не смог предотвратить закон «О подстрекательских собраниях». Во-вторых, такой подход позволял властям заявить, что они защищают общее право на свободный проход, а не дискриминируют определенные группы или запрещают определенную модель поведения¹⁷³.

«Ожидание неприятностей» и «раздражение» являются ключевыми понятиями для понимания стремления и попыток упорядочения государством народных собраний в городах в конце девятнадцатого века. В этом плане примечательна позиция историков полиции Дэвида Черчилля и Кристофера Хэмлина, которые бросили вызов устоявшимся представлениям о либеральном порядке управления в городах викторианской Англии. Вместо упомянутых Мишелем Фуко «каналов власти», которые Джойс и Крис Оттер считали присущими институтам гражданского общества и охраны правопорядка, Дэвид Черчилль и Кристофер Хэмлин, скорее утверждают, что либеральный тип управления был фрагментарным и далеко не всегда применяемым для организации порядка внутри городов и в сельской местности¹⁷⁴. Ключевой проблемой всех дебатов, особенно по поводу использования мест общественного пользования и гражданского сосуществования, была защита частной собственности. Роль действий

---

¹⁷¹ Sheffield Daily Telegraph, 9 Feb. 1905.

¹⁷² Sheffield Daily Telegraph, 9 Mar. 1914.

¹⁷³ Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. P. 965.

¹⁷⁴ См.: Churchill D. Crime Control and Everyday Life in the Victorian City: The Police and the Public. Oxford, 2017. P. 100 ; Hamlin C. Nuisances and Community in Mid Victorian England: The Attractions of Inspection. Social History, 38, 2013. P. 346–379 ; Croll A. Street Disorder, Surveillance and Shame: Regulating Behaviour in the Public Spaces of the Late Victorian British Town. Social History, 24, 1999. P. 250–268.

владельцев собственности и налогоплательщиков, направленных на защиту своего имущества, была первостепенной, в отличие от параллельного акцента на право свободного использования общественных дорог для собраний.

Чарльз Брэдло, инициатор большей части парламентских дебатов о праве на собрания, обвинил Армию Спасения в разжигании проблемы в статье газеты «Наш уголок» в 1885 году:

«На углах улиц религиозные организации, защитники умеренности, свободомыслящие ораторы и другие в течение 30-40 лет привычно вели свою пропаганду в мегаполисе. Трудности, созданные бунтующей оппозицией, в последние годы усугубились возмутительными действиями Армии Спасения»¹⁷⁵.

Прецеденты были созданы судебными делами с участием Армии Спасения, чьи парады подвергались преследованиям со стороны выступающей против воздержания «Армии скелетов» трактирщиков во многих городах, особенно на южном побережье. Нападение на марш Армии Спасения в Уэстон-сьюпер-мэре, графство Сомерсет, привело к созданию прецедентного судебного дела *Beatty versus Gillbanks* в 1882 году, в результате которого процессии Армии спасения были разрешены, а полиция начала защищать их от нападения¹⁷⁶.

Все споры по поводу права на публичные собрания во второй половине 18 века, проходили в более широком контексте ужесточения правил использования общественных мест. К 1880-м годам множась правила и подзаконные акты определяли использование дорог, запрещая собираться там проституткам, бродягам и другим людям, считающимся нежелательными, а также защищая общественные места от препятствий, сора и других форм загрязнения. Как показало исследование Констанс Бантман, посвященное борьбе с анархистами в Лондоне в 1880-х годах, в этом контексте политический протест был преобразован в антиобщественное поведение¹⁷⁷. Результатом такого подхода стало то, что, во-первых, марши и шествия все больше стали выделяться в отдельный вид, отличный от публичных собраний, а во-вторых, в отношении маршей имелось больше судебных прецедентов, поскольку осуществление права проезда по шоссе заслуживало отдельной правовой защиты.

---

¹⁷⁵ The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. Transactions of the Royal Historical Society. P. 214.

¹⁷⁶ *Beatty v Gillbanks* (1882) 9 QBD 308 ; *Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History*. P. 950.

¹⁷⁷ См.: *Bantman C. Anarchists, Authorities and the Battle for Public Space, 1880–1914: Recasting Political Protest as Antisocial Behaviour in Anti-Social Behaviour: Victorian and Contemporary Perspectives*, ed. S. Pickard. Basingstoke, 2014. Pp. 65–76.

2.3. Акты об общественном порядке

На рубеже двадцатого века появление новых политических движений, использующих воинственную тактику, снова подняло ряд вопросов, касающихся права на собрания. Армия Спасения и даже СДФ были легкой мишенью для полиции, но они классифицировались как проблема местного общественного порядка и не представляли угрозу для существующей политической системы. Однако боевые активистки движения суфражистов пошли гораздо дальше уличных демонстраций социалистов и профсоюзов¹⁷⁸. Позже, в 1930-х годах, появление фашистского движения с его провокационными маршами и массовыми митингами также вызвало напряжение полицейских сил и указало на необходимость принятия нового законодательства, не в последнюю очередь для борьбы с подстрекательством к насилию на расовой почве.

Право на публичные собрания было испытано до этого уже в рамках общего права и в этой заключительной части исследования рассматривается предыстория Законов об общественном порядке, появившихся в ответ на захват общественных мест новыми движениями для проведения митингов и демонстраций.

Женский социальный и политический союз разработал специальную разрушительную тактику для прерывания публичных собраний и противодействию оппозиционным ораторам, которой, с другой стороны, была противопоставлена ответственность за создание препятствий¹⁷⁹. Во время предвыборного тура Уинстона Черчилля по северной Англии в декабре 1909 года суфражистки пытались проникнуть на публичные собрания с его участием. Газета данного союза «Голоса за женщин» в редакторской статье говорила:

Протесты были основаны на определенных принципах. Если женщин пускают на собрания, чтобы они могли поднять важные вопросы, как это сделала мисс Дора Марсден в Саутпорте, или задавать вопросы, как мисс Готорп в Манчестере, то использование крайних мер выражения протеста не допускается, но если женщинам не разрешается выражать свой протест устно, то приходится использовать другие методы. В Престоне, например, женщинам не разрешалось входить в Общественный зал поэтому местные протестующие попытались выступить на митинге возле Общественного зала и за участие в нем три женщины были арестованы¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ См., например: Miller H. The British Women's Suffrage Movement and the Practice of Petitioning, 1890–1914. *Historical Journal*, 64, 2021. Pp. 332–356 ; Mayall L. Defining Militancy: Radical Protest, the Constitutional Idiom, and Women's Suffrage in Britain, 1908–1909. *Journal of British Studies*, 39, 2000. Pp. 340–371.

¹⁷⁹ См.: Manchester Evening News, 17 Oct. 1905; I. Channing. The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain, 1829–2012.

¹⁸⁰ Votes for Women, 10 Dec. 1909.

Рэйчел Форспан отмечает, что новизна агитации суфражисток в истории закона «о препятствии» заключалась в том, что они приняли на вооружение пикетирование, являющуюся обычно рабочей тактикой, как форму постоянного уличного протеста, особенно за пределами Палаты общин. Правительство и суды относились к пикетированию как к уличному митингу, таким образом, распространение понятия публичных собраний на пикетирование, позволило «доктрине расшириться, чтобы служить интересам правительства»¹⁸¹.

Законопроект «Об общественных собраниях» был представлен в парламент в декабре 1908 года депутатом-консерватором лордом Робертом Сесилом. Законопроект стремился квалифицировать как нарушение общественного порядка на публичном собрании действия любого лица, намеревающегося воспрепятствовать ведению бизнеса¹⁸². Реакция либералов на это была неоднозначной и заключалась в обсуждении того, будет ли эта мера защищать свободу слова на собраниях или подавлять ее.

Новое законодательство ознаменовало собой переход от нежелания английского правительства в девятнадцатом веке принимать конкретные законы против определенных протестующих социальных групп и делегирования рассмотрения данного вопроса местной полиции. Законы о воспрепятствовании теперь считались недостаточно эффективными против предполагаемой угрозы. Тем не менее Закон «О публичных собраниях» 1908 г. не решил вопроса об обязанностях и действиях полиции на таких собраниях, которые различались зависимости от их силы. Неуверенность привела к тому, что депутат-либерал Остин Чемберлен уговорила министра внутренних дел выдвинуть идею о создании специального ведомственного комитета. Он пришел к выводу, что со стороны полиции было бы неблагоразумно вмешиваться в политические митинги, и поэтому он, по-прежнему, не намерен поддерживать закон, который обязывал бы их делать это¹⁸³.

После Первой мировой войны соперничающие митинги и марши, проводимые фашистами и коммунистами, стали главной проблемой в области поддержания общественного порядка. Возникновение расового вопроса в 1930-х годах вызвало необходимость в более конкретном законодательстве, защищающем общественный порядок от высказываний на расовой почве¹⁸⁴. Битва на Кейбл-стрит между еврейскими жителями и полицией за право марша через лондонский Ист-Энд, на которое претендовали фаши-

---

¹⁸¹ Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. P. 990.

¹⁸² HC Deb., 19 Dec. 1908, vol. 198, cc. 2328–43. Следует, однако, отметить, что этот же Роберт Сесил позже защищал некоторых суфражисток на судебных процессах по обвинению в препятствовании проходу (См., напр.: Votes for Women, 3 Dec. 1909, 147 по делу Эвелины Хаверфилд и Эммелин Панкхерст).

¹⁸³ Такой орган был создан в 1909 году и получил название «Ведомственный комитет по обязанностям полиции по охране порядка на публичных собраниях».

¹⁸⁴ См.: Lawrence J. Fascist Violence and the Politics of Public Order in Britain. Historical Research, 76, 2003. Pp. 238–267.

сты Освальда Мосли в 1936 году, ознаменовала пик напряженности, но снова реакция правительства была скорее запоздалой, нежели опережающей. Закон об общественном порядке 1936 года, спешно проведенный через парламент, позволил полиции заранее запрещать шествия, запретил ношение политической униформы и объединил существующие меры, касающиеся ответственности за угрожающие слов и поведение. Однако он не распространялся на неподвижные публичные собрания¹⁸⁵. Вторя прежним аргументам, политики в правительстве и вне его стремились использовать закон для защиты ораторов, выступающих на политических собраниях и предотвращения организованного публичного срыва политических собраний. Закон ознаменовал собой еще одно изменение отношения к шествиям по сравнению с неподвижными собраниями, - было признано право на передвижение, а не только право на собрание в одном месте. В апреле 1848 года массовый митинг чартистов в Кеннингтон-Коммон был разрешен, но шествие к парламенту – нет. Это был возврат обратно к 1880-м и 1890-м годам, когда были разрешены шествия и парады Армии Спасения и СДФ, но не их собрания на перекрестках, а позже и пикетирования суфражисток у общественных залов. Фашистская и коммунистическая агитация 1930-х годов привела к принятию нового законодательства, специально направленного против маршей и военизированных шествий.

Более проблематичным было определение публичных собраний, проводимых в частных помещениях. Комитет по обязанностям полиции в отношении охраны порядка на публичных собраниях, созданный как уже говорилось в 1909 г., отмечал, что «если общественное здание сдается внаем или в аренду коммерческой или другой общественной организации для целей собрания, по закону оно на некоторое время становится закрытым местом». Такое определение вызвало огромные проблемы с борьбой с фашистскими митингами Мосли в середине 1930-х годов, особенно в Эрлс-Корт, вызвав споры о том, имеет ли полиция право входить и вмешиваться¹⁸⁶. Проблема так и не была решена до принятия поправок к Закону «Об общественном порядке» 1936 года в 1967 году, в ответ на беспорядки на расовой почве и вызванное ими хулиганство. Данные поправки стремились расширить определение «общественного места», включив в него закрытые частные места, такие как «танцевальные залы, кафе-бары, кафе, кинотеатры и залы для игры в бинго»¹⁸⁷. Тем не менее, хотя законодательство об общественном порядке теперь было национальным, оно всегда применялось фрагментарно, поскольку во многом, как и прежде, зависело от мнения отдельных начальников полиции на местах. То есть между буквой закона и его практической реализацией всегда существовало противоречие.

---

¹⁸⁵ Channing I. The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain, 1829–2012. P. 139.

¹⁸⁶ Ibid. P. 92.

¹⁸⁷ Public Order Act 1936 revisions to deal with hooliganism, 1967, TNA, Home Office files, HO 325/7.

Законы «Об уголовном правосудии» и «Об общественном порядке» 1986 и 1994 годов были дискриминационными в отношении права на публичные собрания в пространственном отношении и снова сосредоточивались на постоянном вопросе охраны права на свободный проезд по шоссе, а не права на собрания. Консерваторы, находившиеся в правительстве, нацелили закон на определенные общественные группы, которые считались угрозой для государства, перекрывали дороги и занимали частные земли с помощью транспортных средств: бастующие рабочие на летучих пикетах во время забастовки шахтеров 1984–1985 годов; цыгане; бездомные; путешественники движения «New Age», устраивающие рейв-вечеринки; протестующие экологи, выступающие против строительства дорог. Законы квалифицируют собрания, устраиваемые данными лицами как нарушение владения при отягчающих обстоятельствах и наделяют местные власти и полицию более широкими полномочиями по предотвращению и не допущению проезда транспорта на дорогах и местах постоянной стоянки как на государственной, так и на частной земле¹⁸⁸. Следует отметить, что понятие права на публичные собрания не было определено в законе вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 года. Последующие после этого парламентские и общественные дебаты, по поводу репрессий столичной полиции против группы экологических активистов «Extinction Rebellion», проводящей акции протеста во многих районах Лондона в 2019 году, правительственные ограничения на публичные собрания в соответствии с чрезвычайными санитарными правилами во время пандемии Covid в 2020 году, принятия законопроекта «О полиции, преступности, вынесении приговоров и судах» в 2021 году вновь высветили противоречия между правом на публичные собрания и охраной общественного порядка¹⁸⁹.

Подводя итог главы, остановимся на главных выводах.

Право на публичные собрания трактовалось в начале как разновидность права на петицию, а затем, начиная с конца девятнадцатого века самостоятельным правом, наряду с правом на свободу слова.

Следует отметить, значительную роль профсоюзных движений в организации митингов, резолюций, а также в легитимизации широкого круга публичных собраний, включая съезд и демонстрацию.

Расширение избирательного права (к началу двадцатого века около 30% подданных получили активное избирательное право) поддерживало жизнеспособность публичных собраний и требований в их поддержку.

---

¹⁸⁸ См.: Card R., Ward R. Access to the Countryside: The Impact of the Criminal Justice and Public Order Act 1994. *Journal of Planning and Environmental Law*, 6, 1996. Pp. 447–462 ; The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. *Transactions of the Royal Historical Society*. P. 218.

¹⁸⁹ House of Lords and House of Commons Joint Committee on Human Rights, *The Government Response to Covid-19: Freedom of Assembly and the Right to Protest*, Thirteenth Report of Session 2019–21, 17 March 2021.

Хотя народные собрания часто проводились в рамках либерального дискурса, это не исключало факты демонстраций «революционных» плакатов и агитации, что приводило к постоянной дискуссии о допустимости прекращения митинга за эксцесс исполнителя.

В Лондоне было больше всего споров по поводу публичных собраний и мест, где они могут проводиться, которые обсуждались в парламенте, но подобные же споры проводились в каждом городе по всей стране и составляли важную часть провинциальной политической культуры, социальной иерархии и местного самоуправления.

Данный факт привел, к тому, что несмотря на принятие в 1998 закона «О митингах» его толкование в различных графствах существенно отличается.

Переход к административным запретам и использованию общего закона о препятствовании собраниям показал, что и местные власти, и полиция противопоставили требованиям на свободное проведение публичных собраний другие права: право на свободный проезд по шоссе, право на воздух и отдых на открытых местах.

Данное противоречие между различными правами используется полицией Англии на местах и в наше время, как повод действовать по своему усмотрению, часто становится предметом судебного разбирательства.

Также, право на частную собственность часто используется для ограничений права свободного прохода, поскольку в англосаксонской системе институт собственности имеет приоритет над иными частными правами.

В начале двадцатого века угрозы со стороны ряда политических групп, (националистических, коммунистических, экстремистских) требовали принятия специального законодательства об общественном порядке. Хотя оно было направлено на защиту определенных видов публичных собраний и маршей протеста, требования о соблюдении и охране общественного порядка привели к определенным дискриминационным мерам. Комиссары Министерства внутренних дел и полиция на местах сами решали, кто должен представлять «общественность» в публичном пространстве.

Право на публичные собрания оставалось незакрепленным в праве вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 года и по-прежнему вызывает серьезные споры по поводу его обеспечения.

1. Ряд историков связывают относительно резкий (по британским меркам) переход от института петиций к митингам, с предоставлением широких избирательных прав. Нам такая позиция представляется сомнительной, более логичной причиной может выступать резкий рост новостных печатных изданий, для которых освещение публичного протеста всегда отличный повод для публикации (в отличие от петиций).

Однако рост числа массовых публичных политических акций не привел к формированию универсального законодательства о митингах, законного права на публичные собрания в Англии и Уэльсе не существовало вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 г., который вступил в силу в 2000 г. В отличие от свободы слова, которая еще в девятнадцатом веке была подтверждена рядом судебных прецедентов и актов парламента (прецеденты, подтверждающие право на публичные.

2. То, что в других странах англосаксонского права называют законом, регулирующим «свободу собраний», в английском контексте постулируется как «законодательство об обеспечении общественного порядка».

3. Формирование права на собрания в Британии развивалось, в отличие от континентальной Европы, по чисто экономическим (а не политическим законам). Официально учрежденные публичные собрания проводились целым рядом учреждений, включая приходскую ризницу, городской совет, лорда-лейтенанта, отдельными графствами и так далее. Также можно вспомнить собрания налогоплательщиков, корпоративных гильдий, а после узаконивания в середине XIX в. и городские собрания. Обычно они следовали официальной процедуре, установленной мэром или другим должностным лицом в ответ на запрос от (часто установленного минимума) «респектабельных» жителей, обычно для принятия резолюций, подписания петиции в парламент или ратификации обращения к монарху. Неофициальные публичные собрания, длительное время были дополнением к официальным (вопросами вне повестки) обычно начинались путем аплодисментов или объявлений и участие в них было столь же неоднозначным. Массовые публичные собрания, проводимые на городских площадях или рынках, или внутри общественных или коммерческих зданий, часто все еще сопровождалась ритуальными процессами официального собрания с докладчиками, комитетом, резолюциями, поправками и голосованием.

ГЛАВА 3. ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ В США

Начиная данную главу, следует сказать, что свобода собраний лежала в основе некоторых из наиболее важных социальных движений в американской истории: довоенного аболиционизма, избирательного права женщин в девятнадцатом и двадцатом веках, рабочего движения в прогрессивную эру и после «Нового курса» Рузвельта, движения за гражданские права в послевоенную эпоху. Требования права на мирные собрания противостояли идеологической тирании, которая распространилась во время первой «красной» паники в годы, предшествовавшие Первой мировой войне и второй «красной» панике маккартизма 1950-х годов. Авраам Линкольн однажды назвал «право на мирные собрания» частью «конституционной замены революции»¹⁹⁰. В 1939 году популярная пресса провозгласила свободу мирно собираться одной из «четырёх свобод», лежащих в основе Билля о правах. И даже еще в 1973 году Джон Ролз охарактеризовал ее как одну из «основных свобод»¹⁹¹. Но за последние сорок лет американская свобода собраний превратилась, по нашему мнению, в историческую сноску в американской политической теории и праве. Соответственно, авторы монографии, попытаются дать ответ на вопрос – почему право на мирные собрания совершенно исчезло из демократической ткани американского общества.

Можно с полным основанием утверждать, что право на собрания было включено в право на свободу слова и право на ассоциации, и что эти два права обеспечивают адекватную защиту собравшихся людей. По этой причине современная доктрина свободы слова, защищает «наиболее первозданную и классическую форму» собраний — случайные собрания на временной продолжительности, которые часто принимают форму протеста, парада или демонстрации¹⁹². Между тем, юридически признанное право на ассоциации защищает различные формы собраний, которые распространяются во времени и пространстве, — такие как клубы, церкви и общественные организации.

Такая характеристика прав на свободу слова и ассоциаций не лишена правдоподобия. Такой подход исповедуют большое число современных американских политических теоретиков¹⁹³. Тем не менее, мы предполагаем,

---

¹⁹⁰ Letter from Abraham Lincoln to Alexander H. Stephens (Jan. 19, 1860). URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/letter-to-alexander-h-stephens/> (дата обращения: 27.03.2023). В этом письме Линкольн также писал: «Право мирных собраний и петиций, а также, согласно пятой статье Конституции, право на внесение поправок, являются конституционной заменой революции. Вот наша Великая хартия вольностей, не вырванная баронами от короля Иоанна, но бесплатный дар государств нации, которую они создают».

¹⁹¹ Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 2020. P. 53.

¹⁹² Edwards v. South Carolina. 372 U.S. 229, 235 (1963).

¹⁹³ См. например: Macedo S. Liberal Virtues: citizenship, virtue, and community in liberal constitutionalism. *The Review of Politics*, Vol. 50, No. 2, Spring, 1988. P. 215-240 ; Freedom of association / edited by Amy Gutmann. Princeton, N. J. Princeton University Press, 1998 ; Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 2020.

что происходит потеря смысла, когда понятие «собрание» дихотомически истолковывается либо как момент выражения (когда оно рассматривается как речь), либо как лишенная выражения группа (когда оно рассматривается как ассоциация). Многие словосочетания становятся понятными только благодаря практикам, которые придают им смысл. Ритуалы и литургия религиозного богослужения часто заключают в себе более глубокий смысл, чем тот, который им приписал бы сторонний наблюдатель. Политическое значение женского театрализованного представления в Америке 1920-х годов было бы потеряно без понимания того, почему эти женщины собрались или чем они занимались до конца своей жизни. И кредо, и песни, которые декламируют члены сотен различных американских ассоциаций, от Анонимных Алкоголиков до бойскаутов, во время своих собраний, могут отражать образ жизни и систему убеждений, которые не могут быть отражены текстом или его произнесением на каком-либо одном событии¹⁹⁴.

Верховный суд Соединенных Штатов частично признал эти связи в категории "выразительной ассоциации", которую он ввел в деле *Roberts v. United States Jaycees*¹⁹⁵.

Однако, отдавая предпочтение «внутренней» ассоциации над «экспрессивной» ассоциацией и объявляя последнюю всего лишь инструментальной ценностью по отношению к другим способам коммуникации, Суд затушевывал критическую роль, которую практика и идентичность группы играют в ее самовыражении. Еще хуже то, что «ослабленная» защита экспрессивных ассоциаций лежит в основе политической теории, чья проповедуемая толерантность заканчивается на тех группах, которые бросают вызов фундаментальным ценностям либерального государства. Эти изменения открывают возможность для государства требовать того, что Нэнси Розенблум назвала "логикой соответствия", требующей, чтобы "внутренняя жизнь и организация ассоциаций отражали либерально-демократические принципы и практику"¹⁹⁶.

Уильям Галстон утверждает, что это подрывает сам либерализм. как таковой: "Либерализм требует надежной, хотя и опровержимой презумпции в пользу того, чтобы отдельные люди и группы вели свою жизнь так, как они считают нужным, в широком диапазоне легитимных вариаций, в соответствии с их собственным пониманием того, что придает жизни смысл и ценность"¹⁹⁷.

---

¹⁹⁴ Этот аргумент не претендует на универсальность. Некоторые собрания, которые собираются в единичных случаях с фиксированной продолжительностью, могут представить относительно связанное послание без какой-либо коллективной фоновой идентичности. Группа незнакомых людей, собравшаяся перед тюрьмой в знак протеста против казни, является одним из таких примеров.

¹⁹⁵ *Roberts v. U. S. Jaycees*, 468 U.S. 609, 618, 622 (1984).

¹⁹⁶ Rosenblum N. *Membership and Morals: the personal uses of pluralism in America*. Princeton University Press, 2018. P. 37.

¹⁹⁷ Galston W. *Liberal pluralism: the implications of value pluralism for political theory and practice*. Cambridge University Press, 2002. P. 3.

Однако Америка не живет в условиях "опровержимой презумпции" Гэлстона. Если бы это было так, мы могли бы больше слышать о мормонах-полигамах, школьных учителях-коммунистах и коренных американцах, потребляющих пейот. И хотя сегодняшний культурный и правовой климат ставит самые серьезные проблемы перед практиками, противоречащими либерально-демократическим ценностям, эклектичная коллекция групп, которые в то или иное время замалчивались и подавлялись государством преодолевает политические и идеологические границы. Однако право на свободу собраний пыталось противостоять такими ограничениями на протяжении всей истории Америки.

Как утверждал К. Эдвин Бейкер, "функция конституционных прав, и более конкретно роль права на собрания, заключается в том, чтобы защитить права на самовыражение, ненасильственное, непринудительное поведения от норм принятых большинством людей или влияния политики и даже разрешить людям быть оскорбительным, раздражающим или бросать вызов доминирующим нормам"¹⁹⁸.

Эта основная роль права на мирные собрания и его широкая привлекательность для людей с различной идеологией, делает его более "соответствующим", чем право на объединение в рамках правового и политического наследия США¹⁹⁹.

Признание этого соответствия и требует изучения истории права на собрания. Несмотря на все перипетии, право на объединения в настоящее время прочно вошло в юридический и политический лексикон США. Рассмотрим следующее:

1) по крайней мере двадцать пять федеральных окружных и апелляционных судов ссылались на несуществующую "статью о свободе объединения в Конституции США"²⁰⁰;

2) федеральный апелляционный суд отказал в ассоциативной защите полностью мужскому еврейскому братству после того, как намекнул, что братство не является ни внутренней, ни экспрессивной ассоциацией²⁰¹;

---

¹⁹⁸ Baker C. Human Liberty and Freedom of Speech. Oxford University Press, 1992. P. 134.

¹⁹⁹ Под "соответствием" мы подразумеваем согласованность с продолжающейся традицией и социальной практикой, на которую по-разному намекали Рональд Дворкин и Аласдэр Макинтайр (См. например: Dworkin R. Law's Empire. Belknap Press, 1986 ; MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory, Third Edition. University of Notre Dame Press, 200).

²⁰⁰ См. например: Boyle v. County of Allegheny, 139 F.3d 386, 394 (3d Cir. 1998) (asserting that the plurality opinion in Elrod v. Burns, 427 U.S. 347 (1976) ; Darnell v. Campbell County Fiscal Court, No. 90-5453, 1991 WL 11255 (6th Cir. Feb. 1, 1991) ; Grace United Methodist Church v. City of Cheyenne, 235 F. Supp. 2d 1186, 1203 (D. Wyo. 2006) ; Human v. City of Louisville, 132 F. Supp. 2d 528, 543 (W.D. Ky. 2001) и др.

²⁰¹ Братство располагалось в Колледже Статен-Айленда, который является «преимущественно пригородным кампусом», и в нем никогда не было более двадцати членов (Chi Iota Colony of Alpha Epsilon Pi Fraternity v. City Univ. of N.Y., 502 F.3d 136 (2d Cir. 2007)).

3) некоторые авторы утверждают, что за последние десятилетия дело *Roberts v. United States Jaycees* просто подтвердило "устоявшийся закон о свободе объединений", так сказать "древний режим"²⁰².

В таком контексте требуется усилие, чтобы представить себе альтернативное понимание конституционной защиты права людей на объединения и собрания. Соответственно, часть нашей задачи состоит в том, чтобы сформулировать концепцию реального обеспечения свободы собраний. Для этого требуется творческое взаимодействие с господствующей правовой доктриной и политической теорией, особенно той, которую исповедовали Верховный суд США и правоведы исследующие его решения за последние полвека. Это сложная и интересная задача, соответственно сам язык конституционного права и то, как мы его будем использовать (или игнорировать) имеет значение для наших взглядов на право. Такие слова, как "собрание" или "ассоциация" сами по себе мало передают смысл ценностей, которые лежат в основе неизбежного разграничения, происходящего вокруг наших гражданских свобод.

Авторы ни в коем случае не полагают, что неограниченная автономия группы людей предпочтительна или возможна. Заимствуя слова Стэнли Фиша, "не существует такой вещи, как свободное собрание", государство всегда устанавливает ограничительные меры²⁰³. Как говорил Питер де Марнеф, - Некоторые могут думать о правах как об "абсолютных", считая, что, заявить о том, что существует право на какую-то свободу, значит сказать, что правительство не может вмешиваться в эту свободу ни по какой причине. Но если права понимаются именно так, то практически не существует никаких прав на свободу - потому что практически для каждой свободы найдется какая-то морально достаточная для вмешательства правительства²⁰⁴. Следовательно, вопрос заключается не в том, может ли государство ограничивать автономию объединения, а условия, при которых эти ограничения будут наложены. но в конституционной истории США эти слова представляют ценности, которые помогли сформировать их и придать им конституционную значимость²⁰⁵. Забвение слов может представлять

---

²⁰² См. например: Koppelman A., Wolff T. *A Right to Discriminate? How the Case of Boy Scouts of America V. James Dale Warped the Law of Free Association*. Yale University Press, 2009. Авторы этого труда утверждают, что дело *Boy Scouts of America v. Dale*, 530 U.S. 640 (2000), "нарушило" закон о праве на свободу объединения. Также мы признаём, что "зародышевым делом" защищающим право на ассоциации было *NAACP v. Alabama*, 357 US 449 (1958), однако, как показывает анализ правоприменительной практики, именно дело *Roberts v. United States Jaycees* проделало большую часть работы, которую обычно американские юристы принимают как "устоявшийся закон о свободе объединений".

²⁰³ Кратко говоря, свободы никогда не являются ценностью сами по себе, но всегда реализуются в рамках некоторой предполагаемой концепции блага, которой они должны уступить в случае возникновения конфликта (Fish S. *There's no such thing as free speech, and it's a good thing, too*. Oxford University Press, 1994. P. 104).

²⁰⁴ De Marnette P. *Rights, Reasons, and Freedom of Association*, in *FREEDOM OF ASSOCIATION*. Princeton University Press, 2020. P. 146.

²⁰⁵ Фредерик Шауэр использовал фразу "конституционная значимость" для обозначения «зачастую таинственных политических, социальных, культурных, исторических, психологических, риторических и экономических сил, которые влияют на то, какие вопросы политики всплывают в качестве конституционных проблем, а какие нет» (См.: Schauer F. *The Boundaries of the First Amendment: A Preliminary Exploration of Constitutional Salience*. John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 2003. P. 117).

собой последнюю стадию забвения ценностей; возвращение слов может быть первым шагом к возвращению этих ценностей.

В нашей работе мы сделаем этот шаг, проследив историю права на мирные собрания в США. Это право собраний, "насильственно отвоёванное" у порабощенных и свободных афроамериканцев на Юге и недарованное аболиционисту Уильяму Ллойд Гаррисону на Севере. Это свобода, признанная на публичных торжествах по всей стране, когда Америка вступила во Вторую мировую войну - в то самое время, когда в ней было 120 000 американцев японского происхождения. Это право, поставленное в основу демократии выдающимися американцами двадцатого века, включая Дороти Томпсон, Захарию Чафи, Луиса Брандейса, Орсона Уэллса и Элеонору Рузвельт.

Мы начнем с изучения конституционного обоснования права на мирные собрания в Билле о правах. Затем будет исследовано использование понятия «права на собрания» в юридическом и политическом дискурсе в течении шести периодов американской истории:

1) последние года восемнадцатого века, которые принесли первое испытание для действительной реализации права на собрания через использование его демократическо-республиканскими обществами;

2) призывы к собраниям в суфражистских и аболиционистских движениях довоенной эпохи;

3) сужение конституционного права на свободу собраний Верховным судом после Гражданской войны в США;

4) требования обеспечения права на собрания суфражистами, борцами за гражданские права и права рабочих в прогрессивную эпоху;

5) риторический пик дискуссий о праве на мирные собрания между двумя мировыми войнами;

6) конец оживленных дискуссий о данном праве на фоне либерализма середины двадцатого века и расширения свободы ассоциаций.

По мере того, как мы будем исследовать роль права на мирные собрания в политической истории Соединенных Штатов, особое внимание будет обращаться на три его характеристики.

Во-первых, группы людей, ссылающиеся на право собраний, по своей природе были теми, кто несогласен с большинством и стандартами консенсуса, одобренными правительством. Во-вторых, требования о праве на мирные собрания были публичными заявлениями, которые выступают за видимое политическое пространство, отличное от правительства. Наконец, проявления собраний сами по себе были формами выражения - парады, забастовки и демонстрации, а также более творческие формы участия, такие как конкурсы, религиозное поклонение и совместное принятие пищи. Эти три явления - собрание несогласных, общественное собрание и экспрессивное собрание возникли в результате деятельности групп людей, которые собирались на протяжении всей истории США.

3.1. Конституционное право на мирные собрания

Наше исследование, мы начнем с текста первой поправки и с замечания к нему. С исторической точки зрения, мы не должны придавать слишком большого значения незначительным различиям в формулировках, грамматике и пунктуации в конституционных положениях²⁰⁶. Имеется слишком мало признаков того, что авторы американских конституций применяли наш уровень экзегетической тщательности к текстам, которые они рассматривали и создавали. Но поскольку современное конституционное право так тщательно анализирует формулировки, наши нынешние аргументы во многом ограничены точным текстом, который был нам передан. По этой причине полезно рассматривать с критической точки тот текст, который сохранился.

3.1.1. Общее благо

Наиболее важным аспектом пункта, содержащего конституционное право на мирные собрания, могут быть два слова, отсутствующие в его окончательной формулировке: общее благо. Если бы предшествующие версии клаузулы о собраниях преобладали в дебатах, предшествующих принятию американского Биллю о правах и законные собрания были ограничены целями, служащими «общему благу», маргинальные и опальные группы, которые искали убежища в защите американской конституции, возможно, не добились бы успеха. Признание того, что люди могут собираться только для общего блага, было бы одобрено нарративом выдвинутым плюрализмом середины двадцатого века: мы терпимы к группам только в той мере, в какой они служат общему благу и тем самым укрепляют стабильность и жизнеспособность демократии²⁰⁷. Авторы американской конституции решили иначе. Когда Первый конгресс собрался в 1789 году для разработки поправок к конституции, он рассмотрел предложения, представленные различными штатами. Вирджиния и Северная Каролина предложили идентичные поправки касающиеся права на собрания и петиции: "Чтобы народ имел право мирно собираться вместе для консультаций по вопросам общего блага или для обучения своих представителей; и что каждый свободный человек имеет

---

²⁰⁶ Калев Нельсон предостерегает от слишком большого доверия к пунктуации в Конституции, потому что во времена основания "знаки препинания [считались] не имеющими юридического статуса слов". Он отмечает, что "ратификация Конституции штатами отражает это относительно несерьезное отношение к пунктуации", поскольку многие штаты, включившие копию Конституции в официальную форму ратификации, изменили ее пунктуацию. Нельсон приводит в качестве примера копию Конституции в Пенсильванской форме ратификации, в которой использовались "иные знаки препинания, чем в Конституции, принятой на Федеральном конвенте", примерно в тридцати пяти местах (См.: Nelson C. Preemption. 86 VA. L. REV. 225, 258 (2000) ; цит. по: Inazu J. The Forgotten Freedom of Assembly. University of North Carolina at Chapel Hill, 2007. P. 571).

²⁰⁷ Зарубежную критику нарратива консенсуса и его связи с конституционным правом на создание объединений (См.: Inazu J. The Strange Origins of the Constitutional Right of Association. Duke Law School, 2010).

право подавать петицию или прошение в законодательный орган для разрешения жалоб"²⁰⁸.

Нью-Йорк и Род-Айленд предложили несколько иную формулировку, подчеркивая, что народ собирается для "своего" общего блага, а не просто "общего": "Что народ имеет право мирно собираться вместе, чтобы советоваться для общего блага или наставлять своих представителей; и что каждый [человек] имеет право подавать петицию или обращаться в законодательный орган для разрешения жалоб"²⁰⁹.

8 июня 1789 года Джеймс Мэдисон в своем предложении Палате представителей отдал предпочтение притяжательному местоимению перед определенным артиклем: "Народ не должен быть лишен возможности мирно собираться и совещаться для общего блага, а также обращаться к законодательному органу с петициями или протестами для разрешения своих жалоб"²¹⁰.

Намеренно или нет, но утверждение общего блага собравшихся людей, а не общего блага государства, сигнализировало о возможности того, что интересы собравшихся людей не обязательно должны совпадать с интересами власть имущих.

Этот тонкий момент не был упущен во время дебатов в Палате представителей. Когда Томас Хартли из Пенсильвании заявил, что в отношении собраний "следует разрешить все, что не противоречит общему благу"²¹¹, Элбридж Джерри из Массачусетса ответил, что если Хартли "предполагает, что народ имеет право советоваться ради общего блага", но "не может советоваться, пока не соберется для этой цели", то он фактически "ничего не утверждает"²¹². "Другими словами, если бы право на собрание охватывало только общее благо с точки зрения государства, то его использование в качестве средства протеста или несогласия было бы сведено на нет.

19 августа 1789 года Палата представителей одобрила вариант поправки, в котором сохранялась ссылка на "общее благо", а также включались права на свободу слова и печати: "Свобода слова и печати, и право народа мирно собираться и совещаться для общего блага, и обращаться к правительству за разрешением жалоб не должно быть нарушено"²¹³.

Одиннадцать дней спустя Сенат отклонил предложение вычеркнуть упоминание об общем благе²¹⁴. Но на следующей неделе этот текст

---

²⁰⁸ Cogan N. The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins. Oxford University Press, 2015. Pp. 140-141

²⁰⁹ Ibid. P. 140.

²¹⁰ Ibid. P. 129.

²¹¹ Ibid. P. 145.

²¹² Ibid. P. 143.

²¹³ Ibid. P. 143.

²¹⁴ На следующий день Сенат принял аналогичную формулировку: "Конгресс не должен издавать законов, ущемляющих свободу слова, печати или право народа мирно собираться и совещаться для общего блага, а также обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб" (S. Journal, 1st Cong., 70 (Sept. 3, 1789)).

необъяснимым образом исчез, когда Сенат включил в проект поправки формулировку, относящуюся к религии: "Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих предметы веры или способ отправления культа, или запрещающих свободное исповедание религии, или ущемляющих свободу слова, или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб"²¹⁵.

Поправки приняли свою окончательную форму 24 сентября 1789 года: "Конгресс не должен издавать законов, касающихся установления религии или запрещающих ее свободное исповедание, или ограничивающих свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб"²¹⁶.

3.1.2. Право на собрания и петиции

Исключение ссылки на общее благо, возможно, имело целью расширить сферу применения клаузулы о собраниях, но оно также внесло текстовую двусмысленность. Без предлога "для их общего блага" после ссылки на собрание, текст теперь описывал "право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб"²¹⁷. Это вносило определенную двусмысленность - признает ли поправка одно право собираться для подачи петиций правительству или же она устанавливает как необременительное право на собрание, так и отдельное право на подачу петиций.

В одной из последних работ, посвященных рассмотрению вопроса о собраниях в Первой поправке, Джейсон Маццоне приводит аргументы в пользу первого варианта²¹⁸. Маццоне предлагает: «Есть два признака того, что мы должны понимать собрания и петиции как одно целое. Первая подсказка — это использование "и обращаться с петициями", что контрастирует с использованием "или" в остальных формулировках Первой поправки. Второй подсказкой является использование слова "право" в единственном числе (например, "право народа мирно собираться и подавать петиции"), а не множественного числа "права" (например, "права народа мирно собираться и подавать петиции"). Поэтому запреты на полномочия Конгресса можно понимать как запреты на свободу слова, печати и собраний для подачи петиций правительству²¹⁹.

Однако на наш взгляд, такая интерпретация проблематична, поскольку запятая, предшествующая фразе "и обращаться с петициями" (по правилам русского языка, запятая перед предлогом «и» в данном случае

---

²¹⁵ S. Journal, 1st Cong., 77 (Sept.9, 1789).

²¹⁶ Cogan N. The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins. P. 136.

²¹⁷ Mazzone J. Freedom's Associations. Jason Mazzone, Freedom's Associations, 77 Wash. L. Rev., 2002. P. 639.

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Ibid. P. 712-713.

стоять не должна, однако американские пунктуационные правила предполагают иное – прим. авторов), по-видимому, осталась от предыдущего текста, в котором описывалось "право народа мирно собираться и совещаться для общего блага, и обращаться к правительству за разрешением жалоб"²²⁰.

Более того, по крайней мере, некоторые члены Первого Конгресса, по-видимому, имели более широкое представление о праве на собрания, о чем свидетельствует обмен мнениями между Теодором Седжвиком из Массачусетса и Джоном Пейджем из Вирджинии. Во время дебатов в Палате представителей по поводу формулировок Билля о правах Седжвик критиковал предложенное право на собрания как излишнее в свете свободы слова: "Если люди свободно беседуют вместе, они должны собираться для этой цели; это самоочевидное, неотъемлемое право, которым обладает народ; это, конечно, вещь, которая никогда не будет поставлена под сомнение; унижительно для достоинства Палаты опускаться до таких мелочей"²²¹.

Пейдж ответил:

[Седжвик] полагает, что [право на собрание] не более существенно, чем то, имеет ли человек право носить шляпу или нет, но позвольте мне заметить ему, что таким правам противостояли, и человек был вынужден снимать шляпу, когда предстал перед лицом власти; Людям также мешали собираться вместе по законным поводам, поэтому хорошо защитить их от таких посягательств власти, включив эту привилегию в декларацию прав; если бы народ мог быть лишен права собираться под любым предлогом, он мог бы быть лишен всех других привилегий, содержащихся в этой статье²²².

Ирвинг Брант отмечает, что хотя аллюзия Пейджа на человека без шляпы потеряла смысл для современной аудитории, "простое упоминание об этом было равносильно получасу ораторского искусства" перед Первым конгрессом²²³. И здесь следует отметить, что Пейдж имел в виду суд над Уильямом Пенном.²²⁴

14 августа 1670 года Пенн и другие квакеры попытались собраться на богослужение в своем доме собраний на Грейсчерч-стрит в Лондоне

---

²²⁰ Маццоне анализирует запятую в сноске и утверждает, что поскольку она "зеркально отражает запятую", предшествующую словам "или запрещать свободное осуществление этого" в первой половине Первой поправки, "следовательно, она не сигнализирует о праве на петицию отдельно от права на собрание" (Ibid. P. 713). Аргумент о текстовом параллелизме не выдерживает критики, поскольку положение о свободном осуществлении прямо отсылает к "религии" (перед запятой) со словом "из нее". Более близкая параллель, которая иллюстрирует проблему интерпретации Маццоне, — это предположение о том, что запятая, разделяющая речь и прессу, подразумевает, что они воплощают только одну свободу. Однако наши разногласия с Маццоне не уменьшают значимости его работы. Маццоне - один из немногих ученых последних лет, обративших внимание на взаимосвязь между правом на собрания и правом на ассоциации, и его продуманная статья выдвигает ряд идей, с которым мы согласны.

²²¹ Cogan N. The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins. Pp. 143-144.

²²² Ibid. P. 144.

²²³ Brant I. The Bill of Rights; Its Origin and Meaning. Bobbs-Merrill, 1965. P. 55.

²²⁴ Ibid. P. 54-61.

в нарушение Закона о конвентах 1664 года, который запрещал нонконформистам посещать религиозные собрания или собираться вместе в количестве более пяти человек, помимо членов семьи, с любой религиозной целью, не соответствующей правилам Англиканской церкви.²²⁵ Однако целая рота солдат не дала ему это сделать. Тогда Пенн начал читать проповедь собравшимся квакерам прямо на улице. В следствии этого Пенн и один из квакеров, - Уильям Мид, были арестованы и предстали перед судом в драматической последовательности событий, включавшей и обвинение в неуважении к суду, вызванное тем, что они носили шляпы в зале суда²²⁶. Присяжные оправдали обоих мужчин по обвинению, что их публичное богослужение представляло собой незаконное собрание. Это дело получило известность во всей Англии и в американских колониях²²⁷. По словам Бранта: «дело Уильяма Пенна заняло важное место в истории Америки, но даже если бы он никогда не пересек Атлантику, принеся с собой квакерскую религию, американцы знали бы о его "бурном собрании" и его шляпе. Немногие памфлеты семнадцатого века имели больше заядлых читателей, чем брошюра под названием "Древние и справедливые свободы народа, утвержденные в процессе дела Уильяма Пенна и Уильяма Мида в Олд Бейли, написанные ими самими". Конгрессмен Пейдж знал эту историю с детства, она была воспроизведена в "Судебных процессах штата" под редакцией Эмлина, на которые его отец подписался в 1730 году. Кроме этого, она была доступна в виде памфлета многочисленным конгрессменам, которые пользовались услугами городской библиотеки Филадельфии. У Мэдисона был отзыв об этом деле, написанный сэром Джоном Хоулзом, юристом-либералом, который стал генеральным солиситором после свержения Стюартов в 1688 году»²²⁸.

Ссылка конгрессмена Пейджа на дело Пенна ясно показала, что право на мирные собрания, обсуждаемое в Палате представителей, охватывает нечто большее, чем просто собрание для подачи петиции о восстановлении нарушенных прав: дело Пенна не имело ничего общего с петицией, это был акт религиозного поклонения. После выступления Пейджа Палата представителей "значительным большинством голосов" отклонила предложение Седжвика об исключении права на собрания из проекта поправки²²⁹. 24 сентября 1789 года Сенат одобрил поправку в ее окончательной форме, и последующая ратификация Билля о правах в 1791 году ввела в действие "право народа мирно собираться"²³⁰.

---

²²⁵ Conventicle Act, 1664, 16 Car. 2.

²²⁶ Brant I. *The Bill of Rights; Its Origin and Meaning*. P. 57.

²²⁷ Помимо того, что это дело касалось права на свободу собраний, оно стало важным прецедентом в отношении независимости присяжных. После вынесения оправдательного вердикта, судья первой инстанции заключил присяжных в тюрьму, впоследствии они были оправданы в ходе процедуры Хабеас корпус.

²²⁸ Brant I. *The Bill of Rights; Its Origin and Meaning*. P. 55-56.

²²⁹ Cogan N. *The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins*. Oxford. P. 145.

²³⁰ Конгресс не должен принимать никаких законов, касающихся установления религии или запрещающих свободное отправление ее, или ограничивающих свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб (Ibid. P. 136).

Таким образом, дошедший до нас текст передает широкое понятие права на мирные собрания двумя способами. Во-первых, он не ограничивает цели собраний общим благом, тем самым косвенно разрешая собрания для целей, которые могут быть противоположны этому благу (хотя и ограничивая собрания мирными средствами). Во-вторых, он не ограничивает собрания целями подачи петиций правительству, что означает, что конституционное выражение собрания может принимать различные формы для разных целей. Ни одно из этих расширенных толкований права на собрание не получило тогда широкого признания в юридическом и политическом дискурсе США. Однако более широкое видение права на мирные собрания можно найти в практике людей, которые собирались на протяжении всей американской истории. Именно к этим практикам мы сейчас и обратимся.

3.2. Первое испытание права на мирные собрания: демократическо-республиканские общества

Зарождающееся в США право на свободу мирных собраний рано столкнулось с проблемами, когда в новой республике, на фоне усиливающегося партийного раскола между федералистами и республиканцами, возникло первое устойчивое политическое несогласие. К лету 1792 года беспокойство республиканцев по поводу федералистской администрации и ее предполагаемой поддержки британцев в их конфликте с французами достигло нового уровня развития. Республиканская газета *National Gazette* начала призывать к созданию добровольных "конституционных" и "политических" обществ для критики администрации Вашингтона²³¹.

Первое общество было организовано в Филадельфии в марте 1793 года²³². В течение следующих трех лет в большинстве крупных городов США возникли и десятки других обществ²³³. Эти "демократическо-республиканские" общества состояли в основном из фермеров и рабочих, опасавшихся аристократических наклонностей Гамильтона и других федералистов, но в них также входили юристы, врачи, издатели и государственные служащие²³⁴. Например, самое крупное общество - демократическое общество Пенсильвании - насчитывало более трехсот членов²³⁵.

---

²³¹ Chesney R. *Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic*. 82 N.C. L. REV. P. 1536.

²³² Foner P. *The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts*. Greenwood Press, 1976. P. 6.

²³³ Хотя по поводу точного числа данных общество до сих пор ведутся споры, вероятно, было создано около сорока обществ (См.: *Ibid.* P. 1537).

²³⁴ См.: Link E. *Democratic-Republican Societies, 1790-1800*. Octagon Books, 1965. Pp. 71-74.

²³⁵ Foner P. *The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts*. P. 7.

Общества "неизменно провозглашали право граждан на собрания"²³⁶. Резолюция общества из Вашингтона, Северная Каролина, от 1794 года гласила: "Это неотъемлемое право свободных и независимых людей собираться вместе мирным образом для обсуждения с твердостью и свободой всех вопросов, представляющих общественный интерес"²³⁷. В том же году бостонская "Independent Chronicle" заявила: «В соответствии с Конституцией, которая прямо предусматривает, что "народ имеет право мирно и спокойно собираться и совещаться по вопросам общего блага", нет необходимости извиняться перед общественностью за ассоциацию нескольких граждан, призванную содействовать развитию и укреплению социальных добродетелей, любви к своей стране и уважения к ее законам и конституциям»²³⁸.

Общества обычно собирались ежемесячно, хотя во время выборов или политического кризиса - чаще²³⁹. Как отмечают американские историки, значительная часть их деятельности состояла в "проведении общественных дискуссий, составлении, принятии и выпуске циркуляров, создании мемориалов, резолюций и обращений к народу, а также написаний обращений к президенту и Конгрессу - все это выражало чувства собравшихся групп по текущим политическим вопросам"²⁴⁰. Но помимо встреч для обсуждения политических вопросов, общества также участвовали в "необычайно разнообразных... праздниках, фестивалях и парадах", которые проходили на улицах и иных общественных местах американских городов²⁴¹. В совокупности деятельность указанных обществ "воплощала понимание народного суверенитета и представительства, при котором роль гражданина не ограничивалась периодическим голосованием, а предполагала активное и постоянное участие в политической жизни"²⁴². Британский историк, профессор Саймон Ньюман в своем исследовании народных праздников той эпохи в США, отмечает, что подобные собрания были самосознательными политическими выражениями: «Праздничная культура требовала как участников, так и аудитории, и газеты, печатая и перепечатывая отчеты о праздновании Четвертого июля и тому подобное, способствовали значительному расширению аудитории: в конце 1790-х годов те, кто участвовал в этих мероприятиях, знали, что их действия, вполне вероятно, будут прочитаны и истолкованы гражданами

---

²³⁶ Ibid. P. 11.

²³⁷ North-Carolina gazette (New Bern), Apr. 18, 1794.

²³⁸ Foner P. The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts.

²³⁹ Tabatha A. E.-H. The Neglected Right of Assembly, 56 UCLA L. REV. 543, 2009. P. 555.

²⁴⁰ Foner P. The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts. P. 10.

²⁴¹ Newman S. Parades and the Politics of the Street Festive Culture in the Early American Republic. University of Pennsylvania Press, Incorporated, 1997. P. 2.

²⁴² Chesney R. Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic. P. 1539.

далеко за пределами их собственного сообщества»²⁴³.

Наметившийся раскол между демократически настроенным простым народом и федералистской элитой, углубился во время отмечания одного из традиционных праздников – очередной годовщины начала Французской революции, которое приобрело особенно партизанский характер, когда члены и сторонники зарождающейся Федералистской партии отказались принимать в нем участие²⁴⁴. Без поддержки правительства федералистов, республиканцы "были вынуждены искать альтернативные способы одобрения празднований, которые часто были явно оппозиционными"²⁴⁵. Тем самым они противопоставляли свои выступления, представляющие единые взгляды всего общества, узкому мнению политической элиты. Ньюман пишет: «Результатом стратеми демократов-республиканцев стало то, что представители подчиненных групп - включая женщин, бедных и чернокожих американцев, которые были исключены или играли строго ограниченную роль в политической деятельности белых мужчин по празднованию Четвертого июля и дня рождения Вашингтона, нашли для себя более значительную роль в праздниках посвященных французской революции, чем в любых других ритуалах и фестивалях ранней американской республики.»²⁴⁶. Однако важно не преувеличивать значение этих проблесков американского эгалитаризма. Главы создаваемых обществ были "практически без исключения мужчинами с солидным достатком"²⁴⁷.

Уже упомянутые относительно эгалитарные жесты этих праздников были отрицательно восприняты федералистами, которые с сарказмом и насмешкой ругали женщин, принимавших в них участие, и высказывали свои опасения по поводу участия чернокожих²⁴⁸.

Волнение федералистов возрастало в связи с растущей популярностью данных обществ. На страницах профедералистской "Газеты Соединенных Штатов" неоднократно звучали предупреждения о том, что общества способствуют развитию деструктивных тенденций и подстрекают к мятежу²⁴⁹. И хотя на самом деле не было достаточных оснований предполагать, что общества стояли за так называемым «восстанием виски», федералистская пресса быстро подчеркнула, что несколько членов обществ в западной Пенсильвании активно участвовали в мятеже²⁵⁰.

Президент Вашингтон пришел к выводу, что широкое общественное осуждение восстания создало политическую возможность для уничтожения

---

²⁴³ Newman S. *Parades and the Politics of the Street Festive Culture in the Early American Republic*. P. 3.

²⁴⁴ *Ibid.* P. 120.

²⁴⁵ *Ibid.*

²⁴⁶ *Ibid.* P. 122.

²⁴⁷ Elkins S., McKittrick E. *The Age of Federalism*. Oxford University Press, USA, 1994. P. 453.

²⁴⁸ Newman S. *Parades and the Politics of the Street Festive Culture in the Early American Republic*. P. 128-130.

²⁴⁹ Chesney R. *Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic*. P. 1546.

²⁵⁰ *Ibid.* P. 1557-1558.

данных обществ²⁵¹. Он был возмущен их организованной оппозицией налогу на виски и писал в личном письме, что, хотя "никто не отрицает права народа собираться время от времени, подавать петиции или выступать против любого закона законодательной власти", ничто не может быть "более абсурдным, более высокомерным или более пагубным для мира в обществе, чем ... самостоятельно созданный постоянный орган", который выносил бы приговор по таким законам²⁵². Вашингтон явно нацелился на эти общества и в ежегодном обращении к Конгрессу в 1794 году, заявив, что "ассоциации людей" и "некоторые самосозданные общества" способствовали насильственному восстанию²⁵³. Роберт Чесни, предполагает, что "эта речь была широко понята в то время не как обычная политическая критика, а как отрицание законности организованного и продолжительного политического инакомыслия"²⁵⁴. Ирвинг Брант, в свою очередь, отмечал, что "уничтожающий эпитет "самосозданные" одобряет существующее представление о том, что обычные люди не имеют права объединяться для достижения политических целей"²⁵⁵. В ответ на обращение Вашингтона, Сенат, контролируемый федералистами, быстро осудил данные общества. Палата представителей, напротив, начала длительные дебаты о формулировке своего ответа и поручила Джеймсу Мэдисону, Теодору Седжвику и Томасу Скотту подготовить проект ответа. Федералист Седжвик, который несколькими годами ранее заявлял, что свобода собраний настолько "самоочевидна" и "неотчуждаема", что ее включение в поправки к Конституции было излишним²⁵⁶, теперь утверждал, несмотря на Первую поправку, что организационные усилия обществ фактически незаконны²⁵⁷. После четырех дней дебатов Мэдисон заявил, что порицание Палаты представителей будет "суровым наказанием" и будет иметь тяжелые последствия для будущего свободы слова²⁵⁸. Окончательный текст ответа Палаты представителей был значительно более «мягким», чем тот, который был ранее опубликован Сенатом.

После выступления Вашингтона и негативной реакции Конгресса "бурные дебаты о легитимности данных обществ велись в каждой общине, где существовало общество"²⁵⁹. Отчасти благодаря широкой популярности

---

²⁵¹ Ibid. P. 1559.

²⁵² The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745-1799. John C. Fitzpatrick ed., Washington, U. S. Gov., 1940. P. 475.

²⁵³ U. S. Congressional Documents and Debates, 1774 – 1875, volume 4. P. 788.

²⁵⁴ Chesney R. M. Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic. P. 1561.

²⁵⁵ Brant I. James Madison: Father of the Constitution, 1787-1800. Bobbs-Merrill, 1950. P. 417

²⁵⁶ Cogan N. The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins. Pp. 143-144.

²⁵⁷ Chesney R. Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic. Pp. 1562-1563.

²⁵⁸ U. S. Congressional Documents and Debates, 1774 – 1875, volume 4. P. 934.

²⁵⁹ Foner P. The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts. P. 33.

Вашингтона, общественное мнение отвернулось от указанных обществ. Многие из них полностью распались в течение года после речи президента, а к концу десятилетия все они прекратили свое существование²⁶⁰. Однако, несмотря на относительно короткий срок существования, влияние обществ было немалым. По словам Фонера, "как центр республиканской агитации и пропаганды ... общества сделали многое, чтобы выковать меч, который победил федерализм и привел Джефферсона на пост президента"²⁶¹. Они делали это посредством осуществления общественной и политической деятельности и различных публичных собраний, которые демонстрировали свой энтузиазм и стремились повлиять на общественное мнение. Но столь же значительными, как и эти первые утверждающиеся собрания, были жесткие политические атаки против них. Энергичное сопротивление требованиям собравшихся людей со стороны власть имущих продемонстрировало шаткое положение инакомыслящих групп людей в США.

3.3. Право на мирные собрания в довоенную эпоху

Несмотря на реакцию правительства на демократическо-республиканские общества, идея о том, что народ может собираться без санкции государства, продолжала укрепляться в политической жизни ранней Америки. Бенджамин Оливер в трактате 1832 года "Права американского гражданина" назвал право на мирное собрание "одной из самых сильных гарантий против любой узурпации или тиранического злоупотребления властью, пока народ в целом обладает достаточной проницательностью, чтобы понять, что лучше для общественных интересов, и обладает достаточной независимостью, чтобы выразить свое оппозиционное мнение популярному, но опасному правителю"²⁶². В 1838 году теоретик государства Фрэнсис Либер описал "те многочисленные внеконституционные, а не антиконсти-

---

²⁶⁰ Chesney R. Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic. P. 1528.

²⁶¹ Foner P. The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts. P. 40.

²⁶² Бенджамин Оливер ограничил свою концепцию собрания обсуждением "общественных мер". Его описание права на мирные собрания предупреждало, что собрания, "созываемые по самым непримечательным делам", служат "главным образом для того, чтобы толкать народ и возбуждать его страсти громкими и витиеватыми декламациями, произносимыми с выверенным и точным жестом академика и со всем щедрым и пылким пылом праздничного патриотизма", но, тем не менее, это "большое шаг вперед по сравнению с влиянием оказываемым беспорядками, бунтами и общественными волнениями, которые во многих странах неизменно сопровождают многочисленные и нерегулярные собрания народа". (Oliver B. The rights of an American citizen: with a commentary on state rights, and on the Constitution and policy of the United States, Boston: Marsh, Capen & Lyon, 1832. P. 187).

туционные собрания, на которых граждане либо объединяют свои разрозненные средства для достижения какой-то общей цели, социальной в целом или политической в частности, либо выражают свое мнение в определенных резолюциях по какому-то важному вопросу, стоящему перед народом"²⁶³. Эти "общественные собрания" проводились для различных целей: «[Они] имеют большое значение в том, чтобы привлечь внимание общественности к важным вопросам, узнать мнение населения, информировать лиц, находящихся на расстоянии, их представителей или администрацию, например, о состоянии общественного мнения по определенным мерам, которые еще не приняты или принимаются; обсуждать и принимать петиции; поощрять отдельных лиц или группы людей в трудных начинаниях, требующих моральной поддержки в виде хорошо выраженного общественного одобрения; объединяться с другими людьми, стремящимися к тем же целям; распространять знания посредством отчетов комитетов; создавать общества для благотворительных целей, улучшения законов или институтов; санкционировать путем спонтанного выражения мнения общества меры, не вполне согласующиеся с буквой закона, но осуществляемые в силу необходимости; обращаться к услугам отдельных лиц, которые в противном случае не сочли бы нужным выступать перед публикой и привлекать ее внимание, или чувствовать себя уполномоченными вмешиваться в предмет, не входящий строго в их надлежащую сферу деятельности; согласовывать более или менее широкие меры общественной пользы, и все остальное, что может быть их целью.»²⁶⁴.

Поколением позже Джон Александр Джеймсон упомянул о "совершенно неофициальных" собраниях и "спонтанных сборищах", которые были защищены правом на мирные собрания, "общим и наиболее ценным положением наших конституций, государственной и федеральной"²⁶⁵. "Эти собрания были "одновременно следствием и причиной общественной жизни и активности, делая для государства то же, что волны делают для моря: они предотвращают застой, предвестник упадка и смерти"²⁶⁶. Они были "формирующимся общественным мнением - общественным мнением, пригодным для того, чтобы быть основой политических действий, потому что оно здоровое и мудрое, а не просто эхо партийных криков и платформ"²⁶⁷.

Значение права на свободное собрание для общественного мнения не осталось незамеченным политиками южных штатов, которые регулярно

---

²⁶³ Lieber F. Manual of Political Ethics Designed Chiefly for the Use of Colleges and Students at Law. C. C. Little and J. Brown, 1838. P. 295.

²⁶⁴ Ibid. P. 296.

²⁶⁵ Jameson J. A Treatise on Constitutional Conventions Their History, Powers, and Modes of Proceeding. Callaghan and Company, 1887. P. 104.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Ibid.

запрещали его проведение среди рабов и свободных чернокожих. Закон Джорджии от 1792 года запрещал рабам собираться "под предлогом пиршества"²⁶⁸. В Южной Каролине закон 1800 года запрещал "рабам, свободным неграм, мулатам и метисам" собираться для "умственного обучения или религиозного поклонения"²⁶⁹. Закон Вирджинии 1804 года объявлял любое собрание рабов в ночное время незаконным²⁷⁰. В 1831 году законодательный орган Вирджинии объявил, что "все собрания свободных негров или мулатов в любом школьном доме, церкви, доме собраний или другом месте для обучения их чтению или письму, как днем, так и ночью" являются незаконными²⁷¹.

Ограничения на проведение мирных собраний усилились после восстания Ната Тернера в 1831 году в округе Саутгемптон, штат Вирджиния, в результате которого погибло пятьдесят семь белых мужчин, женщин и детей. Это восстание повергло Вирджинию и другие южные штаты в панику²⁷². Губернатор Вирджинии, Джон Флорид, сделал восстание главной темой своего обращения к законодательному собранию 5 декабря 1831 года. Флорид считал, что чернокожие проповедники стояли за более заговором с целью восстания и приобрели "огромное влияние на умы своих собратьев". Он утверждал, что этих проповедников необходимо заставить замолчать, "потому что, полные невежества, они не способны внушить ничего, кроме понятий самого дикого суеверия, и таким образом готовят в руках хитрых агитаторов подходящие инструменты для разрушения общественного спокойствия"²⁷³. В ответ на это законодательный орган усилил "черный кодекс" Вирджинии, введя дополнительные ограничения на собрания для отправления религиозного культа²⁷⁴.

Беспокойство по поводу восстания Тернера также породило дополнительные ограничения на собрания рабов и свободных чернокожих в Мэриленде, Теннесси, Джорджии, Северной Каролине и Алабаме. К 1835 году "большинство южных штатов объявили вне закона право свободных чернокожих на собрания и организации, запретили им проводить церковные службы без присутствия белого священника, требовали от них

---

²⁶⁸ Goodell W. The American Slave Code in Theory and Practice Its Distinctive Features Shown by Its Statutes, Judicial Decisions, and Illustrative Facts. American and Foreign Anti-Slavery Society, 1853. P. 252.

²⁶⁹ Ibid. P. 253.

²⁷⁰ Guild J. Black Laws of Virginia A Summary of the Legislative Acts of Virginia Concerning Negroes from Earliest Times to the Present. Whittet & Shepperson, 1936. P. 71.

²⁷¹ Ibid. P. 175-176.

²⁷² Inazu J. The Forgotten Freedom of Assembly. P. 583.

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ «Ни один раб, свободный негр или мулат не должен проповедовать или проводить какие-либо собрания в религиозных целях ни днем, ни ночью. В 1848 году, глава 120 Уголовного кодекса постановила: "Незаконным является собрание рабов, свободных негров или мулатов для отправления религиозного культа, когда этот культ проводит раб, свободный негр или мулат, и каждое такое собрание для обучения чтению и письму, кем бы оно ни проводилось, и каждое такое собрание в ночное время, под каким бы предлогом оно ни проводилось" (Guild J. Black Laws of Virginia A Summary of the Legislative Acts of Virginia Concerning Negroes from Earliest Times to the Present. P. 106-107, 178-179). Закон также гласил, что "любой белый человек, собравшийся с рабами или свободными неграми с целью обучения их чтению или письму, или объединившийся с ними в любое незаконное собрание, должен быть заключен в тюрьму на срок не более шести месяцев и оштрафован на сумму не более 100 долларов" (Ibid, P. 179).

соблюдения комендантского часа и минимизировали их контакты с рабами"²⁷⁵. В 1836 году Теодор Дуайт Уэлд метко назвал деспотические ограничения в отношении чернокожих "насильственным отнятием права на мирные собрания"²⁷⁶.

Рассказ раба Джеймса Смита подчеркивает важность собраний для отправления религиозного культа и последствия их утраты: «То, как мы поклонялись, почти не поддается описанию. Пение сопровождалось определенным экстазом движений, хлопаньем в ладоши, запрокидыванием головы, которые продолжался без остановки около получаса; один начинал в стиле речитатива, другие присоединялись к хору. Старый дом принял участие в этом экстазе; он звенел от их ликующих криков и сотрясался во всех своих суставах... Когда вспыхнуло восстание Нэта Тернера, цветному населению было запрещено проводить собрания между собой»²⁷⁷.

Коллективные ограничения на собрания не просто подавляли политическое инакомыслие в узком смысле: они нападали на весь образ жизни, подавляя культ, образование и общинные отношения среди рабов и свободных афроамериканцев²⁷⁸.

В то время как южные штаты наращивали усилия по подавлению свободы собраний для афроамериканцев, аболиционисты на Севере все больше полагались на конституционное право распространять свои идеи. А поскольку многие аболиционисты были женщинами, свобода собраний была "неразрывно связана с движением за права женщин с момента его зарождения в движении за отмену рабства"²⁷⁹. Женщины-аболиционистки и суфражистки организовали свои усилия вокруг особой формы собрания - конвенции. Обращение к конвенции не было случайным. Между 1830 и 1860 годами официальные конвенции сопровождали пересмотр конституций почти в каждом штате²⁸⁰. Акцент этих официальных конвенций на правах и свободах стал естественным плацдармом для "спонтанных конвенций", критиковавших вопиющее расовое и гендерное неравенство, закрепленное в конституциях штатов²⁸¹.

Женщины провели съезды против рабства в Нью-Йорке в 1837 году и в Филадельфии в 1838 и 1839 годах²⁸². Через два года после съезда за права женщин 1848 года в Сенека-Фолс, штат Нью-Йорк, и менее чем

---

²⁷⁵ Ripley C. P. *The Black Abolitionist Papers*. University of North Carolina Press, 2015. P. 443.

²⁷⁶ Weld T. *The Power of Congress over Slavery in the District of Columbia*. New York, American Anti-slavery Society, 1838. P. 271.

²⁷⁷ Smith J. *The Autobiography of James L. Smith*. Press of the Bulletin Company, 1881. P. 27-30.

²⁷⁸ Goodell W. *The American Slave Code in Theory and Practice Its Distinctive Features Shown by Its Statutes, Judicial Decisions, and Illustrative Facts*. P. 328.

²⁷⁹ Lumsden L. *Rampant Women. Suffragists and the Right of Assembly*. University of Tennessee Press, 1997. P. XXIII.

²⁸⁰ Isenberg N. *Sex and Citizenship in Antebellum America*. University of North Carolina Press, 2000. P. 16.

²⁸¹ Ibid.

²⁸² Yellin J., Van Horne J. *The Abolitionist Sisterhood. Women's Political Culture in Antebellum America*. Cornell University Press, 2018. P. IX.

за месяц до официального съезда по пересмотру Конституции Огайо, группа женщин собралась в Салеме, штат Огайо, чтобы призвать к равным правам всех людей "без различия пола и цвета кожи"²⁸³. Как описывает Нэнси Изенберг: «Салемский форум стоял особняком в американской политической традиции. Активисты использовали это собрание для критики привычной политики. Женщины занимали места, обсуждали резолюции и произносили речи, а мужчины тихо сидели на галерке. Благодаря пикантной инверсии гендерных ролей, женщины участвовали в обсуждении конституции, а мужчины были оттеснены на обочину политической деятельности»²⁸⁴. Другими словами, сама форма съезда передавала суфражистское послание о равенстве и нарушении существующего порядка.

Тем не менее, женские конвенции часто встречали жесткое сопротивление. Когда в 1837 году Анджелина и Сара Гримке совершили турне по Новой Англии в рамках кампании Американского общества борьбы с рабством, их упрекнули в том, что они читали лекции перед "распутной аудиторией"²⁸⁵. В следующем году газеты Филадельфии помогли вдохновить недовольных на срыв съезда американских женщин против рабства, который закончился поджогом Пенсильвания-холла²⁸⁶.

Участникам съезда в Салеме, в 1850 году было отказано в использовании местной школы и церкви²⁸⁷. В 1853 году съезд за права женщин в Бродвейской скинии в Нью-Йорке перерос в крики, когда зазывалы перебивали выступающих. Вместо того чтобы критиковать нарушителей порядка, газета "Нью-Йорк Геральд" сардонически охарактеризовала собрание как "съезд женщин, ведущих себя неправильно" и заметила, что "сборище буйных женщин, собравшихся вчера в скинии, стало интересным этапом в комической истории девятнадцатого века"²⁸⁸. В следующем году газета "Санди Таймс" опубликовала редакционную статью, в которой использовались расовые и сексуальные оскорбления для описания национального съезда по правам женщин в Филадельфии²⁸⁹. Изенберг предполагает, что сторонники этих нападок считали, что "бесконтрольная свобода собраний женщин высмеивает все ограничения цивилизованного общества"²⁹⁰.

Ярким примером важности права на мирные собрания для политически непопулярных целей в довоенную эпоху стал случай, произошедший в 1835 году, когда Бостонское женское антирабовладельческое общество пригласило Уильяма Ллойда Гаррисона и британского аболициониста

---

²⁸³ Isenberg N. Sex and Citizenship in Antebellum America. P. 15.

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Ibid. P. 46.

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Lumsden L. Rampant Women. Suffragists and the Right of Assembly. P. XXVI.

²⁸⁸ Ibid. P. XXVII.

²⁸⁹ Isenberg N. Sex and Citizenship in Antebellum America. P. 46.

²⁹⁰ Ibid.

Джорджа Томпсона выступить на своем ежегодном собрании. Антиаболиционисты осуждали Томпсона, называя его "хитрым, трусливым парнем", который "в случае опасности всегда бросается под защиту женской части аудитории"²⁹¹. Общество первоначально запланировало провести свое собрание в Конгресс-холле, но арендатор отказался от своего предложения, придя к выводу, что "не сброд", а "самые влиятельные и уважаемые люди в обществе" намерены "устроить беспорядки", если Томпсон выступит²⁹². Общество ответило на отказ арендатора письмом редактору газеты "Бостон курьер", в котором утверждалось следующее: «Эта ассоциация твердо и уважительно заявляет, что это наше право, и мы будем поддерживать его с христианской кротостью, но с христианским постоянством, проводить собрания и нанимать таких лекторов, которые, по нашему мнению, лучше всего подходят для продвижения святого дела прав человека; даже если эти лекторы окажутся иностранцами. Те, кто кичится своим английским происхождением, могут возражать против нашего выбора по этому случаю: тем более сыновья отцов-пилигримов не должны вызывать дух возмутительного насилия в отношении дочерей благородной женской группы, которые разделили их конфликт с общественным мнением, их борьбу с трудностями и опасностями. Дело свободы одинаково во все века.

Мы должны встретиться вместе, чтобы укрепить себя, чтобы исполнить свой долг как матери следующего поколения - как жены и сестры этого»²⁹³.

Редактор газеты "Бостонский курьер" приложил к письму Общества свои комментарии: «Когда прежде, в этом городе или в любом другом, благожелательная ассоциация дам публично приглашала бродячего бродягу - наемного иностранного поджигателя - оскорблять их соотечественников и сограждан и разжигать пламя раздора между различными членами Союза? Не лучше ли нашим друзьям из Женского общества борьбы с рабством выбросить лучи из собственных глаз, прежде чем тратить свой пафос на справедливо возмущенную общественность?»²⁹⁴.

Общество перенесло свое собрание на 21 октября 1835 года, через неделю после первоначальной даты. Теперь встреча должна была состояться в офисе газеты Гаррисона "Освободитель". Антиаболиционисты распространили листовку, которая была должным образом напечатана в "Бостонской коммерческой газете": «Этот позорный иностранный негодяй Томпсон будет выступать сегодня днем в офисе "Освободителя", № 46 по Вашингтон-стрит. Для друзей Союза это прекрасная возможность расправиться с Томпсоном! Это будет соревнование между аболиционистами

---

²⁹¹ Annual Report of the Boston Female Anti-Slavery Society. Boston Female Anti-slavery Society, 1837. P. 12.

²⁹² Ibid. P. 11.

²⁹³ Ibid. P. 24-25.

²⁹⁴ Ibid. P. 27.

и друзьями Союза. Несколько патриотически настроенных граждан собрали сумму в 100 долларов, чтобы наградить того, кто первым наложит руки на Томпсона, чтобы он был доставлен в котел с дегтем до наступления темноты. Друзья Союза, будьте бдительны!»²⁹⁵.

Несмотря на угрозу, Общество продолжило свое собрание. Собралась большая толпа, которая вскоре переросла в беспорядки. Не найдя Томпсона, некоторые из них потребовали линчевать Гаррисона. Гаррисон бежал через черный ход и едва спас свою жизнь²⁹⁶.

Размышляя о пережитом в номере газеты "Освободитель" от 7 ноября 1835 года, Гаррисон осудил зачинщиков беспорядков в редакционной статье, озаглавленной "Триумф мобократии в Бостоне": «Да, чтобы удовлетворить свой эгоизм, они объявили, что свобода слова и право мирно собираться в ассоциированном качестве должны быть незаконно и насильственно отняты у уважаемой части общества должностными лицами нашего города - покорными слугами народа! Предательство Бенедикта Арнольда делу свободы и своей обескровленной стране было не хуже этого»²⁹⁷.

Бостонская толпа "стала самым известным делом среди аболиционистов, защищавших свое право на свободу слова и собраний"²⁹⁸. Но пятнадцать лет спустя, когда Томпсон вернулся в Бостон, чтобы выступить перед Массачусетским антирабовладельческим обществом в Фаней-Холле, его снова прогнала толпа²⁹⁹. Фредерик Дугласс назвал последний инцидент "насилием толпы", которое "опозорило город Бостон"³⁰⁰. В обращении, произнесенном в 1850 году в Рочестере, штат Нью-Йорк, Дугласс осудил "эти насильственные демонстрации, эти возмутительные посягательства на права человека" и заявил: «Знаменателен тот факт, что в то время как в Бостоне можно спокойно проводить собрания почти для любых целей под небесами, в том же городе нельзя мирно проводить собрания с целью проповеди доктрины американской Декларации независимости, "что все люди созданы равными"»³⁰¹.

Как заметил Ахил Амар, движения лишенных гражданских прав в XIX веке привнесли "иной жизненный опыт" в слова статьи о праве на собрания предусмотренного первой поправкой к конституции США³⁰². Конечно, эти движения носили политический характер, но они воплощали и символизировали еще более масштабные социальные и культурные проблемы. Они столкнулись с клеветническим освещением в СМИ, вопиющими

---

²⁹⁵ Ibid. P. 27-28.

²⁹⁶ Более подробно о данных событиях см.: Thomas J. The Liberator, William Lloyd Garrison. Little, Brown, 1963.

²⁹⁷ Garrison W. Selections from the Writings and Speeches of William Lloyd Garrison. R.F. Wallcut, 1852. P. 377.

²⁹⁸ Ripley C. The Black Abolitionist Papers. University of North Carolina Press, 2015. P. 116.

²⁹⁹ Douglass F, Blassingame J. The Frederick Douglass Papers: Speeches, debates and interviews. Yale University Press, 1979. P. 268.

³⁰⁰ Ibid. P. 267.

³⁰¹ Ibid. P. 268-269.

³⁰² Amar A. The Bill of Rights. Creation and Reconstruction. Yale University Press, 2008. P. 246.

расовыми и сексуальными оскорблениями и даже откровенным насилием — наглядным напоминанием о важности защиты права на свободу собраний от тех, кто стремится ее отрицать.

3.4. Неправильное толкование права на мирные собрания

Как показывает анализ трудов американских правоведов, они часто упускают из виду незаурядную историю развития права на мирные собрания, отчасти из-за неправильного толкования судами текста первой поправки к конституции США. Проблема толкования крылась прежде всего в решении 1876 года по делу *United States v. Cruikshank*³⁰³. Основной правовой принцип, сформулированный в данном деле, заключался в том, что частные лица не могут быть привлечены к ответственности за отказ другим гражданам в праве на свободу собраний, предусмотренном первой поправкой к конституции США.

Однако формулировка, используемая в данном деле, оказалась более значимым, чем его решение. Подтверждая, что Первая поправка устанавливает право в узком его понимании, применимое только в отношении федерального правительства, председатель Верховного суда Уэйт написал: «Право народа мирно собираться с целью обращения к Конгрессу с петициями об удовлетворении жалоб или по любым другим вопросам, связанным с полномочиями или обязанностями национального правительства, является атрибутом национального гражданства и, как таковое, находится под защитой и гарантируется Соединенными Штатами»³⁰⁴.

В контексте, вполне вероятно, что Уэйт просто перечислил петиции в качестве примера того, какие собрания защищены от посягательств федерального правительства. Конституция также гарантировала собрания "по любому другому поводу, связанному с полномочиями и обязанностями национального правительства", что было настолько широко, насколько право на собрания могло применяться до его инкорпорации через четырнадцатую поправку к конституции США³⁰⁵. Но ссылка Уэйта на "право народа мирно собираться с целью подачи петиций Конгрессу для удовлетворения жалоб" была близка к тексту Первой поправки. Прочитанное в отрыве от его уточняющей формулировки, мнение может быть ошибочно истолковано как ограничивающее право на мирное собрание целью подачи петиции в Конгресс для разрешения жалоб.

---

³⁰³ См.: *United States v. Cruikshank*, 92 U.S. 542 (1875).

³⁰⁴ *Ibid.* P. 552.

³⁰⁵ Конечно, можно прочитать текст так, что дополнительная оговорка изменяет слово "петицию", а не "собрание", как если бы Уэйт имел в виду "право народа мирно собираться для подачи петиций Конгрессу по любому другому вопросу, связанному с полномочиями или обязанностями национального правительства", а не "право народа мирно собираться для любого другого вопроса, связанного с полномочиями или обязанностями национального правительства". В любом случае, это предложение не может быть прочитано как ограничивающее собрание петицией в Конгресс о восстановлении нарушенных прав (*Ibid.* P. 542).

Через десять лет после дела *United States v. Cruikshank* судья Уильям Вудс допустил именно такую ошибку в толковании в деле *Presser v. Illinois*³⁰⁶. Вудс пришел к выводу, что в деле *United States v. Cruikshank* судья Уэйт объявил, что первая поправка защищает право собираться только в том случае, если "целью собрания является подача петиции правительству об удовлетворении жалоб"³⁰⁷.

Данное дело - единственный случай, когда Верховный суд прямо ограничил право на собрание таким образом. Хотя судья Фуллер вскользь упомянул о "праве народа собираться и обращаться к правительству с петициями для удовлетворения жалоб" в деле *United States ex rel Turner v. Williams*³⁰⁸, но с тех пор Суд опроверг мнение о том, что право на собрание и петицию составляют одно право. например в деле *Thomas v. Collins*. Но интерпретация, данная судьей Вудсом сохранилась в научных исследованиях на протяжении десятилетий³⁰⁹.

3.5. Право на мирные собрания в прогрессивную эпоху

Несмотря на неверное толкование судом понятия "собрание", люди, отстаивающие право на мирные собрания, настаивали на том, что это право имеет более широкую цель и смысл. Это широкое понимание права на мирные собрания стало наиболее очевидно в прогрессивную эпоху в трех тенденциях: оживление женское движение, всплеск политической активности среди афроамериканцев и все более активизирующееся рабочее движение. В первые десятилетия двадцатого века эти группы обратились к праву на свободу собраний как к важной гарантии своей способности выражать несогласие и выступать за реформы. При этом они настаивали на том, что их публичные собрания были не менее политическими, чем институциональные структуры, которые они критиковали. Собрания проходили в различных формах, которые одновременно демонстрировали и символизировали

---

³⁰⁶ См.: *Presser v. Illinois*, 116 U.S. 252 (1886).

³⁰⁷ *Ibid.* P. 267.

³⁰⁸ См.: *Turner v. Williams*, 194 U.S. 279 (1904).

³⁰⁹ См. например: 1) Цитируя материалы дела *United States v. Cruikshank*, автор приходит к мнению, что формулировка Первой поправки к конституции США "представляет собой право на петицию как основное право, а право на собрание как вспомогательное право, тем самым гарантируя право собираться для подачи петиций" (Rice C. *The Constitutional Right of Association*. 16 *Hastings L.J.* 491, 1964-1965. P. 501) ; 2) Автор говорит: «Важно отметить, что решение по делу *United States v. Cruikshank* сузило федеральное право с "права мирно собираться и подавать петиции об удовлетворении жалоб" до "права народа мирно собираться для подачи петиций Конгрессу об удовлетворении жалоб или для чего-либо другого, связанного с полномочиями или обязанностями национального правительства" (Abernathy M. *The right of assembly and association*. University of South Carolina Press, 1981. P. 152) ; 3) Авторы цитируют дело *United States v. Cruikshank* и приходят к мнению, что "исторически право на петицию является основным правом, а право мирно собираться - подчиненным и инструментальным правом, как если бы поправка I гласила: "право народа мирно собираться", чтобы "подавать петицию правительству" (Corwin E., Chase H., Ducat C. R. *Edward S. Corwin's Constitution and What It Means Today*. Princeton University Press, 2008. P. 332) ; 4) Автор считает, что свобода собраний — это "осуществление группами права на подачу петиций с целью удовлетворения жалоб" (Easterbrook F. *Implicit and Explicit Rights of Association*. 10 *Harvard Journal of Law and Public Policy*, 1987. P. 91).

единую цель. Их история богата и сложна, и даже самое элементарное их рассмотрение выходит за рамки данной работы. Тем не менее, мы можем получить представление о важности права на мирные собрания, кратко рассмотрев каждое из этих движений.

3.5.1. Суфражистки

Новое женское движение началось в конце девятнадцатого века, когда "сотни тысяч женщин присоединились к тысячам клубов, объединенных под эгидой Всеобщей федерации женских клубов и Национальной ассоциации цветных женщин"³¹⁰. По словам Линды Ламсден, эти клубы "послужили тренировочной базой для активистов и реформаторов, которые возглавили движение за избирательные права в 1910-х годах"³¹¹.

В 1908 году различные женские клубы начали проводить кампании "под открытым небом", чтобы привлечь внимание к своим интересам: «Успех кампаний под открытым небом помог организовать первые американские парады за избирательные права - более заметную и активную форму собраний. Зрелище женщин, марширующих плечом к плечу, достигло многих целей. Одна из них заключалась в том, что благодаря освещению парадов в прессе, избирательное право стало общенациональным вопросом. Женщины также приобрели организаторские и исполнительские навыки в процессе организации феерий с участием десятков тысяч марширующих, плавучих средств и оркестров. Более того, парады демонстрировали навыки женщин в этих областях и подчеркивали их численность и решимость. Наконец, что особенно важно, совместные марши вселяли в женщин чувство солидарности, которое для многих участниц возводило движение в ранг крестового похода»³¹².

Как это часто бывает, рост числа местных собраний соответствовал росту более крупных институциональных структур, действовавших на национальном уровне³¹³. Национальная американская ассоциация женщин-суфражисток выросла с 45 000 в 1907 году до 100 000 в 1915 году и почти до двух миллионов в 1917 году³¹⁴. Но ядро собраний в женском движении возникло благодаря сетевому взаимодействию и личным связям на местном уровне. Женские собрания не ограничивались традиционными совещательными заседаниями, а включали в себя собрания с транспарантами, балы, заплывы, гонки на мешках с картошкой, показы детей, совместные трапезы, спектакли и чаепития³¹⁵.

---

³¹⁰ Lumsden L. Rampant Women. Suffragists and the Right of Assembly. P. 3.

³¹¹ Ibid.

³¹² Ibid. P. 146.

³¹³ Более подробно см.: Skocpol T. From Membership to Management in American Civic Life. University of Oklahoma Press, 2013.

³¹⁴ Lumsden L. Rampant Women. Suffragists and the Right of Assembly. P. 3.

³¹⁵ Ibid. P. 17-19.

Подобно тому, как ранее демократическо-республиканские общества отказались ограничивать свои собрания формальными встречами, женское движение воспользовалось расширенной концепцией общественной политической жизни, построенной на множестве видов разнообразных собраний. Эти собрания апеллировали не только к разуму, но и к эмоциям тех, перед кем они собирались. Как утверждала Хэрриот Стэнтон Блэтч в 1912 году, мужчины и женщины "испытывают гораздо большее волнение, видя марширующие группы людей и слыша музыку, чем слушая самые тщательные аргументы"³¹⁶.

3.5.2. Активисты за защиту гражданских прав

Второе проявление права на мирные собрания в прогрессивную эпоху было связано с политической организацией среди афроамериканцев. Эти усилия неоднократно наталкивались на проявления насилия со стороны белых граждан, которое практически не сдерживали как власти штатов, так и федеральные власти. В первом десятилетии двадцатого века по всей стране происходили "жестокие расовые беспорядки", включая значительные беспорядки в Атланте в 1906 году и Спрингфилде, штат Иллинойс, в 1908 году³¹⁷. Вдохновленная непосредственным наблюдением за кровавыми расправами, вызванными этими беспорядками, Мэри Уайт Овингтон присоединилась к Джейн Аддамс, Уильяму Ллойд Гаррисону, Джону Дьюи, У.Э.Б. Дю Буа и другими выдающимися американцами, призвавшими к созыву конференции для обсуждения "существующих зол, выражения протеста и возобновления борьбы за гражданскую и политическую свободу"³¹⁸. Первая Национальная негритянская конференция привела к созданию Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НААСР)³¹⁹.

Отчасти основываясь на связи между рабочими волнениями и расовым насилием, правительственные чиновники связали растущую политическую активность афроамериканцев с влиянием коммунизма - связь, которая предвещала еще большие проблемы для гражданских свобод поколение спустя. Теодор Корнвейбел сообщает, что Дж. Эдгар Гувер "зациклился на убеждении, что расовые боевики стремятся разрушить социальные барьеры, отделяющие черных от белых, и что они вдохновлены коммунистами или являются их пешками"³²⁰.

Бунт на Хеймаркет в 1886 году и Пульмановская забастовка в 1894 году вместили в себя "почти десятилетие рабочих волнений, сопровождавшихся

---

³¹⁶ Borda J. The Woman Suffrage Parades of 1910-1913: Possibilities and Limitations of an Early Feminist Rhetorical Strategy. *Western Journal of Communication* 66, 2002. P. 30.

³¹⁷ Roche J. Civil Liberty in the Age of Enterprise. *University of Chicago Law Review*: Vol. 31: Iss. 1, Article 4, 1963. P. 119.

³¹⁸ Hughes L. *Fight for Freedom: The Story of the NAACP*. Norton, 1962. P. 22.

³¹⁹ Jonas G. *Freedom's Sword: The NAACP and the Struggle Against Racism in America, 1909-1969*. Routledge, 2005. P. 15.

³²⁰ Kornweibel T. *Seeing Red: Federal Campaigns Against Black Militancy, 1919-1925*. Indiana University Press, 1999. P. XII.

эпизодами впечатляющего насилия", которые включали "забастовку рабочих сталелитейной компании "Хоумстед" против корпорации Карнеги, забастовки шахтеров в угледобывающих регионах Востока и штатах с тяжелыми породами на Западе, забастовку грузчиков в Новом Орлеане, объединившую черных и белых рабочих, и многочисленные железнодорожные забастовки"³²¹. Но эти рабочие усилия оставались в основном неорганизованными, и прямые призывы к свободе собраний со стороны рабочего движения не начинались всерьез до образования организации "Индустриальные рабочие мира" (далее - IWW) в 1905 году.

IWW (имевшее еще прозвище "Воббли") сформировалась из конгломерата рабочих интересов, недовольных реформаторскими усилиями Американской федерации труда. Возглавляемые Уильямом Хейвудом, Даниэлем Де Леоном и Юджином Дебсом, IWW использовало слова и действия носящий провокационный характер. В преамбуле к уставу данного движения было заявлено, что "у рабочего класса и класса работодателей нет ничего общего", и IWW отстаивала эту идею на собраниях и демонстрациях по всей стране³²².

Право на свободу собраний занимала важное место в призывах IWW к конституционной защите во время организованных забастовок в основных отраслях промышленности, включая сталелитейную, текстильную, резиновую и автомобильную с 1909 по 1913 год. В 1910 году IWW на демонстрации в Спокане, штат Вашингтон, подчеркнули отказ защите права на мирные собрания как один из основных недостатков политической системы³²³. Когда члены IWW сослались на права слова и собраний во время шелковой забастовки в Патерсоне в 1913 году, мэр Патерсона Х.Г. Макбрайд ответил, что эти меры защиты распространяются на бастующих рабочих шелковой промышленности, но не на Воббли: «Я не могу допустить, чтобы Патерсон наводнили люди, которые не заинтересованы в Патерсоне, которые могут только сделать нам плохое имя, которые могут за несколько часов испортить нам доброе имя, которое мы создавали годами, и я предлагаю продолжать свою политику ареста на месте этих внешних агитаторов"³²⁴.

Верный своему слову, мэр Макбрайд арестовал ряд лидеров IWW, включая Элизабет Герли Флинн³²⁵. Позже в том же году издание IWW "Солидарность" выразило протест против того, что "Америка сегодня отказалась от своих героических традиций революции и войны 1812 года

---

³²¹ Salvatore N., Schneirov R., Stromquist S. The Pullman Strike and the Crisis of the 1890s. University of Illinois Press, 1999. P. 4.

³²² Preamble to the Constitution of the Industrial Workers of the World. URL: <https://www.iww.org/preamble/> (дата обращения 02.04.2023).

³²³ Rabban D. The IWW Free Speech Fights and Popular Conceptions of Free Expression before World War I. Virginia Law Review, Vol. 80, No. 5, 1994. P. 1076.

³²⁴ Paterson checks weavers' strike; Police Gather in Twenty-five at Peaceable Meeting -- Many Return to Work. Special to The New York Times. Feb. 27, 1913. P. 22.

³²⁵ Ibid.

и обратилась к хулиганству и отказу в свободе слова и собраний для большого и растущего числа граждан"³²⁶.

3.6. Межвоенные годы и рост свободы слова и собраний

Растущий страх перед коммунизмом способствовал грубым посягательствам на свободу собраний для всех прогрессивных движений. Как заметил Ирвин Маркус: "Волнения, связанные с напористостью женщин, афроамериканцев и рабочих-иммигрантов, можно было приписать влиянию коммунистов, а в качестве лекарства от национальных проблем предлагалось привить американцам вакцину стопроцентного американизма"³²⁷. Растущий «американизм» был на грани того, чтобы принести право на мирные собрания в качестве одной из своих жертв. Накануне вступления Америки в Первую мировую войну президент Вильсон предсказал редактору *New York World* Фрэнку Коббу, что "Конституция не переживет" войну, а "свобода слова и право собраний исчезнут"³²⁸. Семь месяцев спустя слова Вильсона показались зловеще провидческими, когда Октябрьская революция в России вызвала первый "красный испуг". В течение следующих нескольких лет право на мирные собрания ограничивали такие недалёковидные мероприятия как принятие закона о шпионаже 1917 года (и поправок к нему 1918 года), закона об иммиграции 1918 года, а также печально известные рейды Министерства юстиции Палмера в 1920 году, которые "фактически торпедировали большинство представлений о свободе слова и свободе объединений, которые пережили войну, чтобы сделать мир безопасным для демократии"³²⁹.

3.6.1. Новая концепция первой поправки к Конституции США

Несмотря на "красный испуг", а возможно и из-за некоторых вопиющих нарушений гражданских прав и свобод, имевших место во время борьбы с предполагаемой красной угрозой, в межвоенный период начинают активно формироваться либертарианские интерпретации первой поправки, появившиеся еще до Первой мировой войны³³⁰. Так, например,

---

³²⁶ Rabban D. *Free Speech in Its Forgotten Years, 1870-1920*. Cambridge University Press, 1997. Pp. 84-85.

³²⁷ Marcus I. *The Johnstown Steel Strike of 1919: The Struggle for Unionism and Civil Liberties*. Pennsylvania History vol. 63, no. 1, January 1996. P. 100.

³²⁸ Heaton J. Cobb of "The World" A Leader in Liberalism. E. P. Dutton & Co., Inc, 1924. Pp. 269-270.

³²⁹ Soifer A. *Law and the Company We Keep*. Harvard University Press, 1995. P. 57.

³³⁰ Доктринальное обоснование этому направлению было положено профессором Захария Чафи (См.: Chafee Z. (Jr.). *Freedom of Speech*. Harcourt, Brace and Howe, 1920).

Сэмюэл Гомперс неоднократно ссылался на свободу слова и собраний в своей борьбе против трудовых запретов³³¹.

Растущее значение собраний в политическом и правовом дискурсе 1920-х годов ярко проявляется в знаменитом заключении судьи Брандейса по делу *Whitney v. California*³³². Анита Уитни подала апелляцию на ее обвинительный приговор по калифорнийскому закону о преступном синдикализме, за ее участие в качестве делегата в организационном съезде Коммунистической рабочей партии Калифорнии в 1919 году.

Суд отклонил ее аргумент о том, что калифорнийский закон нарушает ее права в соответствии с первой поправкой к конституции США, выразив особую озабоченность тем, что ее действия были предприняты совместно с другими, что "представляет еще большую опасность для общественного спокойствия и безопасности, чем высказывания и действия отдельных лиц"³³³.

Обидевшись на такое обоснование его коллег, Брандейс написал одни из самых известных слов в американской юриспруденции: «Те, кто завоевал нашу независимость... верили, что свобода думать, как хочешь, и говорить, как думаешь, являются средствами, необходимыми для открытия и распространения политической истины; что без свободы слова и собраний дискуссия была бы бесполезной; что с ними дискуссия обеспечивает обычную адекватную защиту от распространения вредных доктрин; что величайшей угрозой свободе является бездеятельный народ; что публичная дискуссия является политическим долгом; и что это должно быть фундаментальным принципом американского правительства»³³⁴.

Свобода "слова и собраний" лежит в основе аргументации Брандейса - эта фраза встречается одиннадцать раз в его кратком мнении. До этого эти две свободы были связаны лишь однажды, но после дела *Whitney v. California* эта связь встречается более чем в ста судебных мнениях³³⁵. Связь между правом на мирные собрания и свободой слова подчеркивает, что группа людей может выразить себя не только через произнесенные слова, но и через сам акт сбора. Как выше признал сам суд, групповое самовыражение вызывает гораздо большую тревогу, чем "высказывания и действия отдельных лиц".

---

³³¹ См.: *Gompers Fights Sedition Bill*, N.Y. TIMES, Jan. 19, 1920. P. 15.

В 1951 году президент Трумэн, выступая на открытии мемориала Гомперсу, сказал: "Прежде всего, он боролся с судебным запретом, потому что он использовался для нарушения конституционных прав на свободу слова и свободу собраний" (См.: *President Truman H. S. Addresss at the Dedication of a Square in Washington to the Memory of Samuel Gompers* (Oct. 27, 1951). *Public Papers of the Presidents of the United States*, Harry S. Truman, 1951).

³³² Судья Брандейс скорее согласился, чем не согласился с Уитни по процедурным соображениям, но его мнение резко осуждало аргументацию большинства. Это решение затем было официально отменено в деле *Brandenburg v. Ohio*. 395 U.S. 444 (1969) (*Whitney v. California*, 274 U.S. P. 357 (1927)).

³³³ *Whitney v. California*, 274 U.S. P. 372 (1927).

³³⁴ *Ibid.* P. 375.

³³⁵ В деле суд как раз отметил, что заявители утверждали о лишении "прав на свободу слова и собраний" (*New York ex rel. Doyle v. Atwell*, 261 U.S. (1923). Pp. 590-591).

Американские правоведы написали много трудов об этих и последующих словах в защиту права на мирные собрания³³⁶, а мнение судьи Брандейса было высоко оценено за красноречивую защиту свободы слова. Винсент Блази назвал это мнение "возможно, самым важным эссе о значении первой поправки, когда-либо написанным, на скамье подсудимых или вне ее"³³⁷. А судья Бреннан, выступая от имени суда в знаменитом деле "New York Times v. Sullivan"³³⁸, счел мнение Брандейса в деле *Whitney v. California* "классической формулировкой" фундаментального принципа, лежащего в основе свободы слова³³⁹.

3.6.2. Новые вызовы правам рабочих

В начале 1920-х годов консервативное крыло Верховного суда США приняло ряд антирабочих решений, направленных на прекращение пикетирования и деятельность по организации профсоюзов³⁴⁰. Но к 1933 году рабочие успешно добились помощи в защите их прав через закон о восстановлении национальной промышленности, который впервые гарантировал рабочим право на объединение в ассоциации. Два года спустя Закон Вагнера попытался еще больше укрепить право рабочих на объединения.

Связь между правом на мирные собрания и интересами труда приобрела более публичный характер 10 апреля 1936 года, когда Конгресс провел слушания по закону, уполномочивающему Комитет по образованию и труду расследовать "нарушения прав на свободу слова и собрания и неоправданное вмешательство в право трудящихся на организацию и ведение коллективных переговоров"³⁴¹. Председатель Национального совета по трудовым отношениям Дж. Уоррен Мэдден заявил, что "право трудящихся объединяться в профсоюзы стало важной гражданской свободой" и что трудящиеся не могут организоваться, не пользуясь правом на свободу слова и собраний³⁴². После слушаний и последующего одобрения мер сенатом, председатель комитета Хьюго Блэк назначил сенатора Роберта Ла Фоллетта-младшего из Висконсина председателем подкомитета по расследованию подобных проблем. Комитет Ла Фоллетта с "рвением миссионеров" приступил к исчерпывающему расследованию, которое длилось пять лет³⁴³. По его завершении Ла Фоллетт сообщил Конгрессу, что "наиболее впечатляющие

---

³³⁶ См., например: Powell H. *A Community Built on Words: The Constitution in History and Politics*. University of Chicago Press, 2005. P. 194 ; Cover R. *The Left, the Right and the First Amendment: 1918-1928*. Maryland Law Review. Volume № 40, 1981. P. 371.

³³⁷ Blasi V. *The First Amendment and the Ideal of Civic Courage: The Brandeis Opinion in Whitney v. California*. William & Mary Law Review, Volume № 4 (29), 1987-1988. P. 668.

³³⁸ *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S.

³³⁹ *Ibid.* P. 270.

³⁴⁰ Cover R. *The Left, the Right and the First Amendment: 1918-1928*. P. 354.

³⁴¹ Auerbach J. *Labor and Liberty; the La Follette Committee and the New Deal*. Bobbs-Merrill Company, 1956. P. 11.

³⁴² *Ibid.* P. 13.

³⁴³ *Ibid.*

нарушения гражданской свободы... [имеют] свои корни в экономических конфликтах интересов" и подчеркнул, что "ассоциации и самоорганизация являются простым результатом осуществления фундаментальных прав на свободу слова и собраний"³⁴⁴.

В середине 1930-х гг. риторика представителей различного политического спектра повторяла важность права на мирные собрания в трудовом контексте. В речи, произнесенной в 1935 году в День Конституции США, бывший президент Геберт Гувер перечислил свободу собраний среди основных свобод, охраняющих общую свободу³⁴⁵. В том же году министр внутренних дел Гарольд Икес, при президенте Рузвельте, назвал свободы слова, печати и собраний "тремя мушкетерами наших конституционных сил" во время выступления на ежегодном обеде Ассошиэйтед Пресс³⁴⁶. Икес утверждал: «Мы могли бы отказаться от всех остальных положений нашей Конституции, если бы этого потребовал случай ... и все же иметь надежную якорную стоянку для швартовки нашего доброго корабля "Америка", если эти права останутся для нас неприкосновенными»³⁴⁷.

3.6.3. Имплементация права на мирные собрания в законодательство отдельных штатов

В 1937 году Верховный суд установил, что конституционная защита свободы собраний применима как к действиям штатов, так и к действиям федеральных органов власти в деле *De Jonge v. Oregon*³⁴⁸. Председатель Верховного суда Хьюз утверждал, что право на мирные собрания "не может быть отклонено без нарушения тех фундаментальных принципов свободы и справедливости, которые лежат в основе всех гражданских и политических институтов, - принципов, которые Четырнадцатая поправка воплощает в общих терминах своего положения о надлежащей правовой процедуре"³⁴⁹. В словах, поразительно похожих на мнение судьи Брандейса в деле *Whitney v. California*, он подчеркнул: «[необходимость] сохранить в неприкосновенности конституционные права на свободу слова, свободу печати и свободу собраний, чтобы сохранить возможность свободной политической дискуссии, чтобы правительство могло реагировать на волю народа, и чтобы изменения, если они желательны, могли быть достигнуты мирными средствами. В этом заключается безопасность Республики, сама основа конституционного правительства»³⁵⁰.

---

³⁴⁴ 77 Congress records (1942). P. 3311.

³⁴⁵ Hoover's Warning of the Perils to Liberty, New York Times, Sept. 18, 1935.

³⁴⁶ Long and Coughlin Classed by Ickes as 'Contemptible,' New York Times, Apr. 23, 1935.

³⁴⁷ Ibid.

³⁴⁸ *DeJonge v. Oregon*, 299 U.S. 353 (1937).

³⁴⁹ Ibid. P. 364

³⁵⁰ Ibid. P. 365

Хьюз подчеркнул важность применения права на мирные собрания к действиям государства, заметив, что "право на собрания является правом, аналогичным праву на свободу слова и свободу печати, и является таким же фундаментальным"³⁵¹.

3.6.4. Дело *Hague v. Committee for Industrial Organization*

В конце 1938 года Комитет по Биллю о правах американской ассоциации юристов отстаивал важность права на мирные собрания в своей записке *Amicus curiae* (далее дружеская записка) в Апелляционном суде США третьего округа по делу *Hague v. Committee for Industrial Organization*³⁵². Апелляция касалась неоднократных отказов мэра Фрэнка Хейга в разрешении комитету промышленной организации на проведение публичного собрания в Джерси-Сити. В пространной записке американской ассоциации юристов подчеркивалось, что "целостность права "мирно собираться" является существенным элементом американской демократической системы", включающей "право граждан встречаться лицом к лицу с другими для обсуждения своих идей и проблем - религиозных, политических, экономических или социальных"; что "собрания лицом к лицу выполняют жизненно важную функцию в американской системе"; и что государственные чиновники "обязаны сделать так, чтобы право на свободное собрание возобладало над силами беспорядка, если это возможно сделать любыми разумными усилиями или средствами"³⁵³.

Данная записка привлекла необычное внимание. Американская ассоциация юристов написала об этом: «Подача записки получила широкое признание как большой шаг в защиту свободы, американских традиций свободы слова и свободы собраний как основных институтов демократического правительства. Ясная и серьезная аргументация записки была отмечена как восхитительное изложение фундаментальной американской веры. Едва ли какое-либо действие от имени Американской ассоциации адвокатов за многие годы, если вообще когда-либо, привлекало такое широкое и немедленное внимание и такое всеобщее одобрение, как подготовка и подача этой записки»³⁵⁴.

Газета "Нью-Йорк Таймс" отозвалась об этой записке такими же восторженными словами: «Эта записка должна стать вехой в истории американского права. Она должна быть размножена и распространена во всех сообществах, в которых граждане, частные организации или государственные

---

³⁵¹ Стоит заметить, что за десять лет до этого судья Брандейс также назвал право на собрания фундаментальным в своем мнении по делу *Whitney v. California* (Ibid. P. 364).

³⁵² *Hague v. Comm. Indus. Org.*, 101 F.2d 774 (3d Cir. 1939).

³⁵³ См.: Brief for the Committee on the Bill of Rights, of the American Bar Association as *Amicus Curiae*, *Hague v. Comm. Indus. Org.*, 307 U.S. 496 (1939) (No. 651).

³⁵⁴ *Association's Committee Intervenes To Defend Right of Public Assembly*, 25 A.B.A.J. 7 (1939).

чиновники осмеливаются угрожать или подавлять основные гарантии американской свободы. Она должна храниться в каждом полицейском участке. Она должна быть в каждой публичной библиотеке, в каждой школьной библиотеке и, конечно, в доме каждого избирателя в Джерси-Сити»³⁵⁵.

Апелляционный суд третьего округа вынес решение в пользу комитета по организации промышленной организации., но Гааг подал апелляцию в Верховный суд, положив начало еще более широкой судебной защите права на свободу мирных собраний³⁵⁶.

3.6.5. Четыре свободы

В 1939 г. на Всемирной ярмарке в Нью-Йорке мирные собрания стали одной из "четырех свобод", наряду со свободой вероисповедания, слова и печати. Организаторы ярмарки поручили Лео Фридландеру разработать проект группы статуй, посвященных каждой из четырех свобод³⁵⁷. Гровер Уолен, президент выставочной корпорации, приписал эту идею президенту и издателю газеты New York Times Артуру Сульцбергеру: «Г-н Сульцбергер отметил, что если мы изобразим четыре конституционные гарантии свободы в "группе статуй свободы", то сможем преподать миллионам посетителей ярмарки урок истории с моралью. Урок заключается в том, что свобода печати, свобода вероисповедания, свобода собраний и свобода слова, прочно закрепленные в краеугольном камне нашего правительства со времен Вашингтона, позволили нам построить самую успешную демократию в мире. И мораль заключается в том, что пока эти свободы остаются частью нашего конституционного устройства, мы можем смотреть в лицо проблемам завтрашнего дня, как нация людей спокойных, сплоченных и не боящихся»³⁵⁸.

Подготовка к открытию ярмарки началась с новогодних речей, посвященных каждой из четырех свобод, которые транслировались по всему миру из радиоцентра Мьюзик Холла. Дороти Томпсон, "первая леди американской журналистики", выступила с речью, посвященной свободе мирных собраний³⁵⁹. Назвав собрание "самым важным правом из четырех", Томпсон пояснила: «Право собираться вместе с той или иной целью фактически

---

³⁵⁵ A Brief for Free Speech, N.Y. TIMES, Dec. 23, 1938.

Позже газета писала, что доклад "был воспринят по всей стране с одобрением как доходчивое изложение и защита фундаментальной гарантии американской свободы" (Bar and Civil Liberties, N. Y. TIMES, July 17, 1939).

³⁵⁶ Комитет по Биллю о правах представил пересмотренный вариант своей дружеской записки, когда дело уже дошло до Верховного суда (См.: Brief for the Committee on the Bill of Rights, of the American Bar Association as Amicus Curiae, *Hague v. Comm. Indus. Org.*, 307 U.S. 496 (1939) (No. 651). P. 176).

³⁵⁷ Mile-Long Mall Feature of Fair, N. Y. TIMES, Dec. 12, 1937.

³⁵⁸ Ibid.

³⁵⁹ Fair To Broadcast to World Today, N.Y. TIMES, Jan. 1, 1939.

В то время Дороти Томпсон работала комментатором новостей в газете New York Herald Tribune. Некоторые считают ее "самой влиятельной женщиной в США после Элеоноры Рузвельт", а ее синдицированная колонка "На записи" проходящая три раза в неделю собирала примерно восемь-десять миллионов читателей (См.: Susan Ware, *Letter to the World: Seven Women Who Shaped the American Century*. W. W. Norton & Company, 1998. P. 45).

является гарантией трех других прав. Ведь что толку от свободы слова, если невозможно собрать людей, чтобы послушать его? Как вы вообще собираетесь проводить дискуссии, если не можете арендовать зал? Как вы можете исповедовать свою религию, если вы не можете встретиться с сообществом людей, которые чувствуют то же самое? Как вообще можно выпустить газету или какое-либо издание, не собрав для этого людей?»³⁶⁰.

Три месяца спустя президент Колумбийского университета Николас Батлер написал в газете *New York Times* редакционную статью "Четыре свободы"³⁶¹. Имея в виду европейский конфликт, Батлер предупреждал о "миллионах и миллионах людей, живущих под властью правительств, которые не только не принимают четыре свободы, но откровенно и открыто отрицают их"³⁶².

В следующем месяце в газете "Таймс" появилась редакционная статья Генри Стила Коммагера. Коммагер осуждал посягательства на "четыре основные свободы" и в заключение своей статьи утверждал: «Тщательные гарантии, установленные нашими предками в отношении свободы вероисповедания, слова, печати и собраний, свидетельствуют о том, что эти свободы считались основными для эффективного функционирования демократического республиканского правительства. Истинность этого убеждения никогда не была столь очевидна, как сейчас»³⁶³.

30 апреля 1939 г., в день открытия Всемирной выставки, мэр Нью-Йорка Фиорелло ла Гуардиа назвал место, где установлены четыре статуи Фридландера, "сердцем ярмарки"³⁶⁴. Перед аудиторией в пятнадцать-двадцать тысяч человек ла Гуардиа провозгласил, что право на собрания "должно быть предоставлено любой группе, желающей встретиться и обсудить там любую проблему, которую они пожелают"³⁶⁵.

Не прошло и месяца после открытия Всемирной выставки, как Верховный суд принял решение по вышеупомянутому делу *Hague v. Committee for Industrial Organization*, отметив, что улицы и парки являются общедоступными "для целей проведения собраний, передачи мыслей между гражданами и обсуждения общественных вопросов"³⁶⁶. Как отмечали публицисты того времени «С подтверждением права на собрание все "четыре свободы" Конституции наконец утвердились»³⁶⁷.

Слова Хейга, прозвучавшие после чествования четырех свобод на Всемирной выставке, как бы закрепили свободу собраний в политическом

---

³⁶⁰ В своей речи Томпсон противопоставила свободные собрания в демократических странах злоупотреблениям фашизма (См.: Dorothy Thompson, *Democracy*, Jan. 1, 1939).

³⁶¹ Butler N. M., *The Four Freedoms*. N. Y. TIMES, Mar. 5, 1939

³⁶² Pictures of Friedlander's statues accompanied the editorial. N. Y. TIMES, Mar. 5, 1939

³⁶³ Commager H. S. *To Secure the Blessings of Liberty*. N. Y. TIMES, Apr. 9, 1939.

³⁶⁴ Mayor Dedicates Plaza of Freedom. N. Y. TIMES, May 1, 1939.

³⁶⁵ *Ibid.*

³⁶⁶ 307 U.S. 496, 515 (1939).

³⁶⁷ См. например: Dinwoodey D. *A Fundamental Liberty Upheld in Hague Case*, N. Y. TIMES, June 11, 1939

дискурсе. Действительно, опрос, проведенный организацией Элмо Ропера в конце 1940 г., показал, что 89,9 % респондентов считают, что их личные свободы будут ущемлены в результате ограничения права на мирные собрания (по сравнению с 81,5 %, выразившими беспокойство по поводу ограничения "свободы слова в печати и на радио")³⁶⁸. Американцы, казалось, были твердо уверены в том, что свободные собрания необходимы для демократии, и права на мирно собираться, казалось, надежно гарантировано, но политика и история распорядились иначе.

6 января 1941 г. президент Рузвельт провозгласил "четыре основные свободы человека" в своей речи "О положении дел в стране"³⁶⁹. Вместо того чтобы сослаться на свободы слова, вероисповедания, собраний и печати, которые были в центре внимания Всемирной выставки, в "Речи о четырех свободах" Рузвельта говорилось о свободе слова и самовыражения, свободе вероисповедания, свободе от нужды и свободе от страха. Новая формулировка, заключающая в себя отсутствие права на мирные собрания, быстро вытеснила старую. Семь месяцев спустя Рузвельт и Уинстон Черчилль включили новые четыре свободы в Атлантическую хартию. В 1943 году Норман Рокуэлл создал четыре картины, вдохновленные "Четырьмя свободами" Рузвельта. Газета Saturday Evening Post печатала эти картины в последовательных выпусках, сопровождая их соответствующими эссе, раскрывающими каждую из свобод. Как и прежние четыре свободы, новые также были закреплены на бумаге. По заказу Уолтера Рассела Рузвельт создал памятник "Четыре свободы", который был торжественно открыт в Мэдисон-сквер-гарден. Сегодня Институт Франклина и Элеоноры Рузвельт награждает известных людей "Премией четырех свобод".

3.7. Риторика в поддержку права на мирные собрания

Несмотря на отсутствие в формулировке Рузвельта, свобода собраний не исчезла из политического и правового дискурса в одночасье. В 1941 г. известная группа под названием "Свободная компания" написала серию радиодрам о Первой поправке. Генеральный прокурор Роберт Джексон и генеральный солиситор Фрэнсис Биддл помогли сформировать эту группу, в которую входили Роберт Шервуд (в то время спичрайтер Рузвельта), Уильям Сароян, Максвелл Андерсон, Эрнест Хемингуэй и Джеймс Бойд³⁷⁰. Группа действовала на основании "фактически правительственного устава", распространяя идеи демократии³⁷¹.

---

³⁶⁸ Editorial, Public Mind in Good Health, WALL ST. J., Jan. 7, 1941.

³⁶⁹ President Franklin Delano Roosevelt, Annual Message to Congress, The "Four Freedoms" Speech (Jan. 6, 1941). URL <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-franklin-roosevelts-annual-message-to-congress> (дата обращения: 16.02.2024).

³⁷⁰ Radio Broadcast: Of Thee They Sing, TIME, Feb. 24, 1941.

³⁷¹ Radio Broadcast: Freely Criticized Company, TIME, Apr. 28, 1941

Орсон Уэллс написал пьесу «The Free Company» о свободе собраний. В пьесе "Его честь, мэр" изображалась дилемма Билла Кнагтса, вымышленного мэра, столкнувшегося с предстоящим митингом группы "Белые крестоносцы". Приняв решение о разрешении митинга, мэр обратился к собравшейся в знак протеста толпе: «Не надо никому запрещать право собираться. Демократия - редкая драгоценность, и, если вы начнете это делать, - вы закончили с демократией! Демократия гарантирует свободу собраний безоговорочно самым страшным вшам, которые этого хотят. Все вы читали учебники истории, и вы знаете, что значило право собираться и поклоняться Богу для большинства тех людей, которые впервые приехали сюда, тех, которые не могли молиться так, как им хотелось в старой стране?»³⁷².

Пьеса завершилась музыкой, за которой последовал голос диктора: «Давайте же, подобно его чести мэру, будем отстаивать право на законные собрания. Давайте вместе с великим борцом за свободу Вольтером скажем: "Я не одобряю того, что вы говорите, но я буду до смерти защищать ваше право говорить это". Таким образом, одна из наших древних, с таким трудом завоеванных свобод будет обеспечена, и мы, хотя и расходясь порой во мнениях, будем вместе отстаивать принцип, чтобы правительство народа, от народа и для народа не исчезло с лица земли»³⁷³.

Однако не все разделяли эти настроения. После выхода в эфир передачи "Его честь, мэр" газета Херста и Американский легион выступили с нападками, назвав ее "неамериканской, склонной поощрять коммунизм и другие подрывные группы" и "ловко придуманной для отравления сознания молодых американцев"³⁷⁴. На следующей неделе, Эдгар Гувер подготовил меморандум Министерства юстиции "относительно предполагаемой коммунистической деятельности и связей Орсона Уэллса"³⁷⁵.

Позднее, в 1941 г., по всей стране прошли торжества, посвященные годовщине принятия Билля о правах. На Почтовой площади в Вашингтоне организаторы праздника вывесили огромную копию Билля о правах рядом с четырьмя фразами: "Свобода слова, свобода собраний, свобода вероисповедания, свобода печати"³⁷⁶. Комитет по празднованию годовщины, председателем которого был президент Рузвельт, выпустил прокламацию, в которой четыре первоначальные свободы были названы "столпами, поддерживающими храм свободы в соответствии с законом"³⁷⁷. За несколько

---

³⁷² O. Welles, *His Honor, The Mayor, in the free company presents: A collection of plays about the meaning of America* (1941).

³⁷³ *Ibid.*

³⁷⁴ Higham C. *Orson Welles: The Rise and Fall of an American Genius*. St Martins Pr, 1985. P. 175.

³⁷⁵ Memorandum from J. Edgar Hoover, Director, Fed. Bureau of Investigation, to Matthew F. McGuire, Assistant to the Attorney Gen. (Apr. 24, 1941). URL: <https://ncisahistory.org/wp-content/uploads/2017/06/DOJ-Memo-for-J.-Edgar-Hoover-FBI-Director-re-Coast-Guard-Investigative-Authority-Sep-291941.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

³⁷⁶ Hart S. *America Celebrates 150th Anniversary of Bill of Rights*, WASH. POST, Dec. 15, 1941

³⁷⁷ Commager H. *Charter of Our Way of Life*, N. Y. TIMES, Dec. 14, 1941.

дней до нападения на Перл-Харбор Рузвельт объявил 15 декабря 1941 года "Днем Билля о правах". Рузвельт провозгласил "неизмеримые привилегии" первой поправки к Американской конституции и подписал прокламацию о Дне Билля о правах на фоне фрески с изображением четырех первоначальных свобод³⁷⁸. Эта фотосессия была не лишена иронии: менее чем через три месяца он подписал указ № 9066, санкционировавший интернирование американцев японского происхождения.

Хотя Верховный суд одобрил ограничения, введенные президентом в отношении гражданских свобод американцев японского происхождения в деле "Hirabayashi v. United States"³⁷⁹ и "Korematsu v. United States"³⁸⁰, он в другом месте подтвердил свою приверженность Биллю о правах в целом и свободе собраний в частности. В 1943 г. судья Джексон писал в деле "West Virginia v. Barnette": «Сама цель Билля о правах заключается в том, чтобы вывести определенные темы из-под влияния политических споров, вывести их за пределы досягаемости большинства, чиновников и установить их в качестве правовых принципов, подлежащих применению судами. Право на жизнь, свободу и собственность, свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания и собраний, а также другие основные права не могут быть поставлены на голосование»³⁸¹.

Два года спустя в деле "Thomas v. Collins" Верховный Суд подчеркнул, что ограничения на собрания могут быть оправданы только в соответствии со стандартом "явной и существующей опасности", который Суд принял в своих делах, касающихся свободы слова³⁸². Большинство голосов (пять против четырех) Суд отменил приговор о неуважении к суду представителя профсоюза, который выступил с речью в Хьюстоне, несмотря на запрещающий приказ. Поскольку "в нашей схеме большое место отводится великим и неотъемлемым демократическим свободам, обеспечиваемым Первой поправкой", суд пришел к выводу, что только "грубейшие злоупотребления, угрожающие первостепенным интересам, дают повод для допустимого ограничения"³⁸³. В заключении судьи Ратлиджа отмечалось, что право на собрания защищает "не только религиозные или политические" цели, но и "светские цели", большие и малые. Ратлидж признал экспрессивный характер собраний, отметив, что права оратора и аудитории "обязательно коррелируют"³⁸⁴. Как считает Авиам Соيفер, "динамичный, реляционный язык" Ратлиджа подчеркивает, что право на собрания "достаточно широко, чтобы включать как частные, так и публичные

---

³⁷⁸ Day Will Honor Bill of Rights, N.Y. TIMES, Nov. 29, 1941.

³⁷⁹ 320 U.S. 81 (1943).

³⁸⁰ 323 U.S. 214 (1944).

³⁸¹ 319 U.S. 624, 638 (1943).

³⁸² 23 U.S. 516, 527 (1945).

³⁸³ Ibid. P. 530-533.

³⁸⁴ Ibid. P. 534.

собрания, как экономические, так и политические темы, как страстные мнения, так и фактические заявления"³⁸⁵.

Еще одна гарантия права на мирные собрания была дана исполнительной властью в Докладе Комитета по гражданским правам при Президенте за 1947 г.³⁸⁶. В докладе отмечалось, что "великие свободы" религии, слова, печати и собраний "относительно безопасны" и что граждане "обычно свободны ... собираться для неограниченных публичных дискуссий"³⁸⁷. "Отмечая растущую обеспокоенность по поводу "коммунистов и фашистов", Комитет заявил, что он "безоговорочно выступает против любых попыток наложить особые ограничения на права этих людей говорить и собираться", и предупредил, что, хотя "правительство обязано иметь на службе только граждан с безусловной лояльностью", "вся наша история гражданских свобод дает нам четкое предупреждение против возможного злоупотребления проверками лояльности для ограничения свободы мнений и их выражения"³⁸⁸.

3.8. Приоритет права на свободу объединения перед правом на свободу собраний

По иронии судьбы, не уступающей провозглашению президентом Рузвельтом Дня Билля о правах, президент Трумэн учредил Программу лояльности федеральных служащих в тот же 1947 год, когда его комитет опубликовал свой доклад о гражданских правах. Программа лояльности давала федеральному правительству право отказывать в приеме на работу "нелояльным" лицам³⁸⁹. При определении лояльности правительство могло рассматривать "деятельность и ассоциации", которые включали "членство в любой иностранной или отечественной организации, ассоциации, движении, группе или сочетании лиц, обозначенных Генеральным прокурором как тоталитарные, фашистские, коммунистические или подрывные"³⁹⁰. Генеральный прокурор Том Кларк быстро составил список из 123 "подрывных" организаций³⁹¹. В течение года ФБР проверило более двух миллионов федеральных служащих и провело более 6 300 полноценных расследований³⁹².

Ограничения, наложенные программой лояльности, послужили поводом для начала ранее невиданной кампании по защите конституционного

---

³⁸⁵ Soifer A. *Law and the Company We Keep*. P. 77-78.

³⁸⁶ Президент Трумэн учредил данный Комитет Исполнительным указом № 9808. См. Exec. Order No. 9808, 11 Fed. Reg. 14 153 (Dec. 5, 1946) (The President's comm. on civil rights, to secure these rights: the report of the president's committee on civil rights (1947)).

³⁸⁷ Ibid. P. 47.

³⁸⁸ Ibid. P. 48, 50.

³⁸⁹ Walker S. *In Defense of American Liberties, Second Edition: A History of the ACLU*. *Reviews in American History*. Vol. 18, No. 4, 1990. P. 176.

³⁹⁰ См.: Exec. Order No. 9835, 3 C.F.R. 627 (1947).

³⁹¹ Emerson T., Helfeld D. *Loyalty Among Government Employees*, 58 YALE L.J. 1, 1948. P. 32.

³⁹² Ibid.

права на объединения. Конституционный исследователь Томас Эмерсон в статье 1947 г. в Йельском юридическом журнале выступил против программы лояльности, утверждая, что расследования нарушают "концепцию права на свободу [политического] самовыражения", вытекающую из "конкретных гарантий свободы слова, свободы печати, права на собрания и права на обращение к правительству"³⁹³. Это право на политическое самовыражение является "базовым в самом глубоком смысле, поскольку оно лежит в основе всей теории демократии"³⁹⁴. Эмерсон процитировал недавнюю речь Чарльза Визански младшего, который утверждал, что "специфически сложная" свобода ассоциаций "проникает под видимый закон в самую суть нашей политической науки и нашей философии"³⁹⁵.

Эти зарождающиеся упоминания о праве на объединение появились как раз в тот момент, когда Верховный суд вступил в борьбу с коммунистическим страхом, приняв в 1950 г. решение по делу *American Communications Ass'n v. Douds*³⁹⁶. Доудс оспаривал поправки Тафта-Хартли к Закону о национальных трудовых отношениях (NLRA), которые требовали от профсоюзных работников предоставления affidavits об отказе от членства в Коммунистической партии или ее поддержки, прежде чем профсоюз мог получить защиту NLRA³⁹⁷. Признавая "высокое значение права говорить, думать и собираться по своему усмотрению, которое придавали ему создатели Билля о правах и которое сегодня имеют те, кто ценит свободу как средство и как цель", председатель Верховного суда Винсон пришел к выводу, что закон отражает "законные попытки защитить общество не от отдаленных возможных последствий вредоносных идеологий, а от нынешних эксцессов прямого, активного поведения"³⁹⁸. "Отказ от защиты права на ассоциации продолжился в делах "*Dennis v. United States*"³⁹⁹ и "*Adler v. Board of Education*"⁴⁰⁰, после чего Суд, наконец, ввел некоторые ограничения на антикоммунистическое законодательство в деле "*Wieman v. Updegraff*"⁴⁰¹.

Несмотря на появившиеся намеки на усиление защиты права на ассоциации в деле "*Wieman v. Updegraff*", (в этом решении судья Франкфуртер описал "право на ассоциацию, как свойственное американскому народу"⁴⁰²), в США по-прежнему массово возбуждались дела против коммунистов, что явственно свидетельствует, что принятых решений оказалось недостаточно для развития защиты права на ассоциацию, о чем намекали Эмерсон

---

³⁹³ Inazu J. *The Forgotten Freedom of Assembly*. P. 83.

³⁹⁴ *Ibid.*

³⁹⁵ Wyzanski C. *The Open Window and the Open Door: An Inquiry into Freedom of Association*. 35 CAL. L. REV., 1947. P. 337-338.

³⁹⁶ 339 U.S. 382 (1950).

³⁹⁷ Taft-Hartley Act, 29 U.S.C. §§ 141, 159(h) (1947) (amending National Labor Relations Act, 29 U. S. C. §§ 151-166 (1935)).

³⁹⁸ 339 U.S. P. 399.

³⁹⁹ 341 U.S. 494 (1951).

⁴⁰⁰ 342 U.S. 485 (1952).

⁴⁰¹ 344 U.S. 183 (1952).

⁴⁰² *Ibid.* P. 195.

и другие. Вместо этого первое четкое признание конституционного права на объединения было сделано в контексте гражданских прав в решении Верховного суда 1958 г. по делу "NAACP v. Alabama" в связи с делом Паттерсона⁴⁰³. К этому времени различие между правом на собрания и правом на объединения было достаточно запутанным. В своем мнении, которое было поддержано единогласно, судья Харлан сформулировал конституционный вопрос с точки зрения "основных свобод, защищаемых положением о надлежащей правовой процедуре Четырнадцатой поправки".⁴⁰⁴ Он начал свой конституционный анализ со ссылок на дело "De Jonge v. Oregon"⁴⁰⁵ и "Thomas v. Collins"⁴⁰⁶, обосновывая следующий принцип: "Эффективность отстаивания как общественной, так и частной точки зрения, особенно спорной, несомненно, повышается благодаря объединению в группу, что уже не раз признавал этот суд, отмечая тесную связь между свободой слова и свободой на объединения в собрания"⁴⁰⁷.

В делах "De Jonge v. Oregon" и "Thomas v. Collins" было установлено, что свобода собраний распространяется на все штаты через Четырнадцатую поправку; что она охватывает собрания, собираемые по политическим, экономическим, религиозным и светским вопросам; и что она может быть ограничена только "для предотвращения серьезной и непосредственной опасности для интересов, которые государство может защищать на законных основаниях"⁴⁰⁸. Но далее судья Харлан отошел от темы права на свободу собраний, написав в следующем предложении: "Не подлежит сомнению, что свобода участвовать в ассоциациях для продвижения убеждений и идей является неотъемлемым аспектом "свободы", гарантированной пунктом о надлежащей правовой процедуре Четырнадцатой поправки, который включает в себя свободу слова"⁴⁰⁹. Эти члены имели "защищенное Конституцией право на объединение", которое означало, что они могли "преследовать свои законные частные интересы в частном порядке" и "свободно объединяться с другими при этом"⁴¹⁰. Разбирая через несколько лет дело "NAACP v. Alabama", Эмерсон предположил, что судья Харлан "первоначально рассматривал свободу на объединения как производную от права на свободу слова и собраний, предусмотренных первой поправкой и как вспомогательную по отношению к ним", а затем "возвел свободу объединения в самостоятельное право, имеющее равный статус с другими правами, конкретно перечисленными в первой поправке"⁴¹¹.

---

⁴⁰³ 357 U.S. 449 (1958).

⁴⁰⁴ 357 U.S. P. 460.

⁴⁰⁵ 299 U.S. 353 (1937).

⁴⁰⁶ 323 U.S. 516 (1945).

⁴⁰⁷ NAACP, 357 U.S. P. 460.

⁴⁰⁸ De Jonge, 299 U.S. P. 364 ; Thomas, 323 U.S.C. 528.

⁴⁰⁹ Затем он перешел к обсуждению "защищаемых свобод" слова и печати, которые "гарантируются Четырнадцатой поправкой" (357 U.S. P. 460).

⁴¹⁰ Ibid. P. 463, 466.

⁴¹¹ По нашему мнению, мнение судьи Харлана более двусмысленно, чем предполагает Эмерсон. Не ясно, опирался ли Харлан вообще на Первую поправку для обоснования права на ассоциации. В заключении, по сути, ни разу не упоминается Первая поправка (Emerson T. Freedom of Association and Freedom of Expression. 74, YALE L.J. 1, 2, 1964. P. 7).

Несмотря на свои неоднозначные корни, новое право на объединения получило развитие в ряде дел о гражданских правах, в которых оспаривались претензии штатов против выводов сделанных в деле "NAACP v. Alabama"⁴¹². К середине 1960-х годов единственными делами, в которых рассматривалась вопросы связанные с свободой собраний (в отличие от свободы объединений), были дела, отменявшие приговоры афроамериканцам, участвовавшим в мирных демонстрациях за гражданские права⁴¹³. В политическом дискурсе Мартин Лютер Кинг младший апеллировал к праву на мирные собрания в своем "Письме из Бирмингемской тюрьмы" и в речи "Я был на вершине горы", произнесенной незадолго до его убийства⁴¹⁴. Однако к концу 1960-х гг. право на мирные собрания в законодательстве и политике было практически полностью ограничено публичными собраниями, такими как акции протеста и демонстрации. Более ранние постановления, в которых давалось расширительное толкование данного права, были в значительной степени забыты.

В 1983 году суд исключил остатки права свободы собраний из сферы действия закона о свободе слова в деле "Perry Education Ass'n v. Perry Local Educators' Ass'n"⁴¹⁵. Судья Уайт рассуждал так: «В местах, которые по давней традиции или по решению правительства были предназначены для собраний и дебатов, права государства на ограничение экспрессивной деятельности резко ограничены. На одном конце спектра находятся улицы и парки, которые в незапамятные времена были переданы в доверительное пользование общественности и использовались для собраний, передачи мыслей между гражданами и обсуждения общественных вопросов. В этих квинт-эссенциальных общественных форумах государство не может запретить любую коммуникативную деятельность. Для того чтобы государство могло ввести в действие запрет, основанный на содержании информации, оно

---

⁴¹² См. например: *Bates v. City of Little Rock*, 361 U.S. 516 (1960); *Shelton v. Tucker*, 364, U.S. 479 (1960); *Louisiana ex rel. Gremillion v. NAACP*, 366 U.S. 293 (1961); *Gibson v. Fla. Legislative Investigation Comm.*, 372 U.S. 539 (1963).

В этот же период решения Верховного Суда отличались непоследовательностью. Он либо игнорировал, либо преуменьшал значение аналогичных дел о праве на свободу объединений, в которых участвовали коммунисты (См. например: *Uphaus v. Wyman*, 360 U.S. 72 (1959); *Barenblatt v. United States*, 360 U.S. 109 (1959); *Communist Party v. Subversive Activities Control Bd.*, 367 U.S. 1 (1961); *Scales v. United States*, 367 U.S. 203 (1961)).

⁴¹³ В общем, суды приходили к выводу, что первая поправка к Конституции США не позволяет государству делать преступным осуществление права на собрание только потому, что это право может быть "раздражающим" для некоторых людей (См. например: *Edwards v. South Carolina*, 372 U.S. 229 (1963); *Cox v. Louisiana*, 379 U.S. 536 (1965); *Brown v. Louisiana*, 383 U.S. 131 (1966); *Shuttlesworth v. City of Birmingham*, 394 U. S. 147 (1969); *Gregory v. City of Chicago*, 394 U.S. 111 (1969); cf. *Coates v. City of Cincinnati*, 402 U.S. 611, 615 (1971)).

⁴¹⁴ См.: *King M. L. Letter from Birmingham Jail*. Harper Collins, 1994 (здесь Мартин Лютер утверждал, что постановление Бирмингема лишило "граждан привилегии Первой поправки на мирные собрания и мирный протест"); *The Martin Luther King, Jr. I've Been to the Mountaintop*. Harper Collins, 1994 ("Но где-то я читал о свободе собраний").

⁴¹⁵ 460 U.S. 37 (1983).

По этому поводу Бэйкер метко сказал - «Интересной и [возможно] идеологически показательной практикой Верховного суда является его сосредоточенность на "речи" и выражении мнений в делах, в которых у него есть возможность использовать либо анализ права на свободу слова, либо анализ права на свободу собраний (См.: *Baker C. Human Liberty and Freedom of Speech*. P. 316).

должно доказать, что его регулирование необходимо для удовлетворения государственных интересов и что оно узко ориентировано на достижение этой цели. Государство также может применять правила, касающиеся времени, места и способа выражения мнений, которые являются нейтральными по содержанию, узко направлены на удовлетворение значимых государственных интересов и оставляют открытыми альтернативные каналы коммуникации»⁴¹⁶.

Доктринальные формулировки, используемые в этом деле, взяты прямо из дел Верховного Суда США, связанных с правом на свободу слова и не содержат никаких упоминаний о праве на мирные собрания⁴¹⁷. После дела "Perry Education Ass'n v. Perry Local Educators' Ass'n", даже дела, связанные с протестами или демонстрациями, теперь можно было разрешать без ссылки на право на мирные собрания. Примером такого подхода может служить решение суда по делу "Boos v. Barry" 1988 г.⁴¹⁸. Boos оспаривал закон округа Колумбия, запрещающий, в частности, собираться "в пределах 500 футов от любого здания или помещения на территории округа Колумбия, используемого или занимаемого любым иностранным правительством или его представителем или представителями в качестве посольства, представительства, консульства или для других официальных целей"⁴¹⁹. На первый взгляд, оспаривание этого закона основывалось на праве на мирные собрания. Заявитель оспаривал лишение права на свободу слова и собраний по Первой поправке и утверждал, что "право собираться является составной частью "права народа собираться мирно", гарантированного Первой поправкой"⁴²⁰. Судья О'Коннор в своем заключении трижды процитировала дело "Perry Education Ass'n v. Perry Local Educators' Ass'n" и разрешила дело на основе анализа права на свободу слова без ссылки на право на свободу собраний. Фактически, как показал наш анализ американской правоприменительной практики за последние двадцать пять лет, Верховный Суд США не рассматривал ни одного иска о праве на свободу собраний⁴²¹.

---

⁴¹⁶ 460 U.S. P. 45.

⁴¹⁷ В деле Perry Education Ass'n v. Perry Local Educators' Ass'n цитировались дела: Carey v. Brown, 447 U.S. 455, 461 (1980) ; U.S. Postal Service v. Council of Greenburgh Civic Ass'n, 453 U.S. 114, 132 (1981) ; Consolidated Edison Co. v. Public Service Commission, 447 U.S. 530, 535-36 (1980) ; Grayned v. City of Rockford, 408 U. S. 104 (1972) ; Cantwell v. Connecticut, 310 U.S. 296 (1940), Schneider v. State, 308 U.S. 147 (1939).

⁴¹⁸ 485 U.S. 312 (1988).

⁴¹⁹ Ibid. P. 315.

⁴²⁰ Boos, 485 U.S. 312 (No. 86-803).

⁴²¹ В деле City of Chicago v. Morales (527 U.S. 41 (1999) суд, например, рассмотрел вопрос о конституционности чикагского постановления, запрещающего "членам преступных уличных банд" бездельничать в общественных местах. Но если суд первой инстанции, признавая постановление неконституционным, опирался на гарантированную свободу собраний, то Верховный суд сослался на "право на объединение", признанное в наших делах в соответствии с Первой поправкой" (527 U.S. 41 (1999), P. 53). Судья Скалиа ссылаясь на свободу собраний (среди прочих) в своем несогласии с решениями суда, поддерживающими ограничения на деятельность протестующих против абортов (См. например дела: Madsen v. Women's Health Ctr, 512 U.S. 753, 785 (1994) ; Hill v. Colorado, 530 U.S. 703, 774, 779 (2000)). Упоминание о праве на мирные собрания вновь появился в тексте Закона о религиозном землепользовании и институционализированных лицах 2000 года (RLUIPA), 42 U.S.C.

Подводя итог данной главе, мы можем заключить, что исчезновение права на свободу собраний из правового и политического дискурса вызывает удивление в стране, которая придает столь большое значение Биллю о правах в целом и Первой поправке в частности. Возможно, принципы, заложенные в конституционном праве и предусматривающие право на объединение, охватывают некую групповую автономию, которая расширяет свою концепцию и на право на мирные собрания. Но мы предполагаем обратное. Рассмотренные в нашей работе дела, превратили право на объединение в инструмент контроля, а не защиты людей. При этом они упустили из виду инакомыслящие, общественные и экспрессивные группы, которые когда-то искали убежища в рамках права на мирные собрания⁴²². Правительство США проигнорировало мудрые советы известного американского конституционалиста Эдвина Бейкера о том, что "вызов существующим ценностям и решение воплотить и выразить диссидентские ценности — это именно тот выбор и деятельность, которые не могут быть правильно оценены путем суммирования существующих предпочтений" и что "конституционное право на мирные собрания должно защищать деятельность, даже неразумную с точки зрения существующего порядка"⁴²³. Утратив связь с прошлым признанием права на свободу собраний и создание групп, которые ее воплощают, американцы рискуют слишком легко принять ослабленные рамки, которые уступают государственной власти право определять какие группы приемлемы на данный момент. Выбор в пользу стабильности может быть проще в краткосрочной перспективе, но, забывая о свободе собраний, американцы забывают о той политике и истории, которые привела к закреплению в законе обширных прав и свобод.

---

⁴²² "Мы, кажется, забыли, что право на собрание, как и право на петицию, изначально считалось центральным элементом обеспечения демократической реакции и активного демократического гражданина. Теперь мы рассматриваем его как еще одну грань права индивида на свободное выражение мнения, сосредоточившись почти исключительно на вопросе о том, будет ли услышано сообщение группы". Tabatha Abu El-Haj, *The Neglected Right of Assembly*. P. 588; "Наша давняя традиция публичного выражения мнений, несогласия и споров, начиная с самых первых акций в колониях и заканчивая современными борцами за мир, агитаторами и несогласными, стала возможной благодаря относительно открытому доступу к воплощенным, оспариваемым, вписанным и другим местам на топографии выражения мнений". T. Zick. *Speech Out of Doors: Preserving First Amendment Liberties in Public Places*. Cambridge University Press, 2009. P. 325.

⁴²³ Baker C. *Human Liberty and Freedom of Speech*. P. 134.

ГЛАВА 4. ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ В КАНАДЕ

Существует распространенное заблуждение, что, в отличие от американского или французского государства, Канада возникла в результате мирного компромисса, а не насилия. На самом деле права, которыми канадцы пользовались в период Конфедерации, стали результатом того, что люди боролись и умирали за них. Тысячи людей взяли в руки оружие (или ручки), чтобы отстоять свои свободы. Таким образом, история прав на мирные собрания в Канаде начинается с процесса формирования государства после европейского завоевания. Это не значит, что аборигены не выражали убеждений, которые мы сегодня можем ассоциировать с правами человека. Но они не формулировали свои претензии на языке прав, и, как мы увидим далее, они редко делали это до конца XX века. Как объясняет историк Дж. Р. Миллер, права человека были культурно неприемлемы для их обществ. В их общинах права признавались и соблюдались в рамках сложной системы родственных и клановых требований, а индивидуальные права были подчинены коллективному. Человек должен был выполнять обязательства перед родственниками, включая членов клана и тех, кто был родственником по браку или по наследству, которые ограничивали его от действий, нарушающих права или интересы родственников или членов клана... Защита прав была вопросом родственных обязательств, а не действий государства"⁴²⁴.

4.1. Образование канадского государства и проблемы свободы мирных собраний

Завоевав земли аборигенов, европейские колонисты принесли с собой собственные традиции прав, которые были навязаны коренным жителям в процессе формирования государства.

Если в XVIII веке в колониях и большей части западного мира и зарождалась культура прав, то в основном в ответ на авторитарные действия государства. Это был трансформационный период. Зарождающаяся буржуазия бросала вызов аристократическим привилегиям и отстаивала свои права на независимо от сословной принадлежности, и это обычно формулировалось в терминах естественных прав.

Разговоры о правах в колониях касались сочетания основных свобод, которые включали в себя надлежащую правовую процедуру, религию, речь, собрания, ассоциации и свободную прессу. Эти права часто были уязвимы

---

⁴²⁴ Miller J. Human Rights for Some: First Nations Rights in Twentieth-Century Canada. In *Taking Liberties: A History of Human Rights in Canada*, edited by Stephen Heathorn and David Goutor. P. 233–60. Toronto: Oxford University Press, 2013. P. 256–57.

перед диктатом авторитарных генералов. Даже по стандартам того времени правительства Новой Франции и (позднее) Британской Северной Америки применяли излишне репрессивные методы⁴²⁵. Например, в 1677 году генерал-губернатор Новой Франции Буаде де Фронтенак постановил, что "никто не может распространять коллективные петиции или проводить любые собрания, [или] конвенты" без его особого разрешения, поскольку несанкционированные мирные собрания обычно служили "предлогом для всех монополий, заговоров и интриг, которые хотели бы создать злонамеренные люди"⁴²⁶. Индивидуальные петиции были разрешены, но представлять коллективные интересы могла только королевская администрация.

Британское завоевание Новой Франции в 1760 году принесло в колонии особую культуру прав. В их число входила Великая Хартия Вольностей 1215 г., которая ограничивала произвольную власть монарха и обещала некоторые основные свободы вероисповедания и надлежащей правовой процедуры, не затронув при этом право на мирные собрания. Конституционные кризисы в Англии в XVII веке, в первую очередь Английская гражданская война (1642–1651), привели к принятию ряда законов, ставших основополагающими для британского, а позднее и канадского государства. Среди них - Петиция о правах (1628), которая ограничивала налогообложение, произвольное тюремное заключение и применение военного положения; Билль о правах (1689), который разграничивал полномочия монарха и гарантировал выборы, право на петицию, свободу парламента и некоторые религиозные свободы; и Закон о Хабеас Корпус (1679), который подтверждал право против произвольного тюремного заключения. Как мы видим права на мирные собрания в этом списке не было, что характерно как для Британии, так и для Канады на данном этапе исторического развития.

После английского завоевания Канады, британские губернаторы регулярно попирали права жителей Канады. Среди наиболее противоречивых губернаторов были Гай Карлетон (1768–1778, 1785–1795), орденосный кадровый военный, участвовавший в нападении на Луисбург и получивший ранение в битве на Авраамовой равнине; Роберт Прескотт (1796–1799), который был с Карлетоном во время осады Луисбурга и чье управление вызвало настолько сильное возмущение французских канадцев, что он был отозван; и Джеймс Крейг (1807–1811), выдающийся солдат во время Американской

---

⁴²⁵ По меткому выражению одного историка, "по современным британским и даже дореволюционным американским стандартам, правительства Британской Северной Америки интерпретировали и применяли закон безжалостно репрессивным образом" (См.: Greenwood F., Wright B. (eds.) *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837*. Vol. 1. Toronto: University of Toronto Press, 1996. P. 38).

⁴²⁶ Baehre R. *Trying the Rebels: Emergency Legislation and the Colonial Executive's Overall Legal Strategy in the Upper Canadian Rebellion*. In *Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837–1839*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. P. 41–61. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 56.

революции и Наполеоновских войн, который стремился свести французских канадцев к меньшинству. Эти губернаторы были особенно враждебны к выборным должностным лицам, мирным собраниям требованиям реформ и любому виду политического инакомыслия⁴²⁷. Например, в рамках Закона о клевете⁴²⁸ запрещались любые публичных высказываний, независимо от степени их умеренности, которые могли быть истолкованы как критика правительства или как поощрение недоброжелательного отношения к собственным классам.

Французская революция вызвала у властей страх, что недовольные франко-канадцев, соберутся, чтобы свергнуть правительство. В ответ правительство вновь ограничило гражданские свободы, оправдывая эти меры необходимостью обеспечения безопасности Британской Северной Америки⁴²⁹. В 1797 году колониальное законодательство приняло Акт

---

⁴²⁷ Система генералов, - так описывает этот период один из историков, - включала в себя враждебность к самому понятию *habeas corpus* и к политическому инакомыслию, секретность в правительстве, включая законодательную власть, и решительное противодействие выборным собраниям, на которых в эти годы настаивали реформаторы (См.: Moogk P. *The Crime of Lèse-Majesté in New France: Defence of the Secular and Religious Order*. In *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. Toronto: University of Toronto Press, 1996. P. 9).

⁴²⁸ Британский закон о клевете 1794 года должен был предотвратить произвольное использование обвинений в подстрекательстве к мятежу для заключения граждан в тюрьму. Закон предусматривал, что именно присяжные, а не судьи, должны определять, является ли клевета подстрекательством к мятежу. Закон серьезно ограничивал право на освобождение под залог лиц, обвиняемых в преступлениях, связанных с подстрекательством к мятежу, которые в законе вообще были определены нечетко. Этот закон "выходил за рамки современных британских ограничений личной свободы". Он также был гораздо более авторитарным, чем американский Закон о подстрекательстве 1798 года, который требовал доказательства злого умысла, не приостанавливал действие *habeas corpus* и ограничивал наказание штрафом в размере 2000 долларов и тюремным заключением на два года" (См.: Moogk P. *The Crime of Lèse-Majesté in New France: Defence of the Secular and Religious Order*. P. 116-117).

⁴²⁹ Во время Наполеоновских войн, в 1812 году правительство Верхней Канады заставляло нелояльных жителей покидать страну, экспроприировало их имущество, а также имущество людей, осужденных за государственную измену или уклонявшихся от судебного преследования, и приостанавливало действие *хабеас корпус*. Закон о подстрекательстве 1804 года, принятый из опасений, что американские или ирландские жители поддержат вторжение из США, "разрешал депортировать любого, кто не был "жителем" провинции в течение шести месяцев до возбуждения дела против него или не принимал присягу на верность, если этот человек "словами, действиями или другим поведением", в том числе участием в собраниях, давал справедливые основания подозревать, что "он [собирается] попытаться отвратить умы подданных Его Величества в этой провинции от Его Личности или Правительства, или каким-либо образом с мятежным намерением нарушить спокойствие в этой провинции". Глава правительства, любой судья Суда королевской скамьи или любой советник исполнительной или законодательной власти мог отдать приказ об аресте такого лица и потребовать от него доказать свою непричастность к подозрениям, которые он вызвал. Если он этого не делает, то должностное лицо, отдавшее приказ о его аресте, может распорядиться, чтобы данный человек покинул провинцию. Неповиновение такому приказу считалось проступком, преступник должен был содержаться под стражей без права внесения залога до суда, а второе преступление квалифицировалось как тяжкое преступление. Кроме того, законодательные органы включили в устав ополчения положения, обязывающие ополченцев приносить присягу на верность (или считаться вражеским иностранцем); дезертирство, мятеж и мятеж стали смертными преступлениями; к менее тяжким преступлениям применялся военный трибунал. В него также было включено положение о превентивном задержании (без права внесения залога) по подозрению в государственной измене. "Поскольку каждый житель мужского пола в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет был обязан нести службу, большая часть взрослого мужского населения таким образом становилась потенциальным объектом военного правосудия или административных мер, направленных против вражеских иностранцев" (См.: Watt S. *State Trial by Legislature: The Special Council of Lower Canada, 1838–41*. In *Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837–1839* ; Greenwood F. M., Wright B. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 380-381).

о сохранении свободы, который приостанавливал действие Хабеас корпус в случаях подозрений в государственной измене и позволял властям содержать подозреваемых под стражей без предъявления обвинения в течение неопределенного времени.

Губернатор Крейг также использовал Закон о сохранении лучшего, чтобы закрыть журнал *Le Canadien*, который выступал за реформы в колониях (печатный станок был конфискован и продан с аукциона), бросил редакторов в тюрьму и использовал вооруженную силу, чтобы разогнать собравшихся протестующих против такого решения⁴³⁰. На самом деле в этот период нередко журналистов сажали в тюрьму за диффамацию, клевету или подстрекательство и использовали суды для запугивания редакторов. В 1810 году главный судья Нижней Канады Сьюэлл объяснил большому жюри по делу *Le Canadien*, что свобода прессы не означает право критиковать правительство. Скорее, функция прессы заключалась в содействии сохранению порядка: "Таким образом, любая статья, которая "вредит общественной безопасности или счастью", которая вызывает недовольство правящих властей или чье "воздействие наносит ущерб обществу", не может быть терпима правительством "без нарушения его собственных фундаментальных принципов""⁴³¹. В Нижней Канаде редактор патриотического журнала *Le Minerve* Людгер Дюверней трижды попадал в тюрьму. Уильям Лайон Маккензи был временно исключен из законодательного органа Верхней Канады за свои статьи в "Колониальном адвокате". В период с 1818 по 1820 год в Верхней Канаде были запрещены любые собрания политического характера. Любой, кто был признан виновным, мог быть заключен в тюрьму пожизненно.

В 1837 году, после нескольких лет жестоких репрессий, Луи-Жозеф Папино, Роберт Нельсон и другие недовольные возглавили восстание в Нижней Канаде против британской власти. Британцы ответили на восстание предсказуемой волной чрезвычайного законодательства. В Верхней и Нижней Канаде было объявлено военное положение, что позволило губернатору Нижней Канады отстранять от власти избранных законодателей и судей, которые симпатизировали его политическим противникам. Британский парламент в 1838 году быстро заменил законодательный орган Нижней Канады Специальным советом, который назначался губернатором⁴³². В Верхней Канаде законодательное собрание приостановило действие хабеас корпус для людей, обвиненных в измене или осведомленных о государственной деятельности. Кроме того,

---

⁴³⁰ Ajzenstat J. *The Canadian Founding: John Locke and Parliament*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 128.

⁴³¹ Moogk P. *The Crime of Lèse-Majesté in New France: Defence of the Secular and Religious Order*. P. 238.

⁴³² Pitsula J. *Keeping Canada British: The Ku Klux Klan in 1920s Saskatchewan*. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 56.

был принят Закон о незаконной агрессии, который облегчал конфискацию имущества и преследование мятежников, к которым зачастую относили и просто людей, собравшихся вместе и высказывающих недовольство проводимой политикой, позволяя заочно привлекать к суду отдельных лиц, судить гражданских лиц в военных судах и разрешил обычным судам рассматривать дела о тяжких преступлениях⁴³³. Законодательное собрание также приняло закон, наделяющий констеблей и мировых судей правом разгонять любые незаконные собрания или митинги, а также арестовывать или задерживать их участников. При этом тем, кто совершал незаконные действия для защиты короны, предоставлялся особый иммунитет от судебного преследования.

В Нижней Канаде Специальный совет принял тридцать ордонансов для борьбы с угрозой безопасности; они, в частности, предоставляли губернатору особые полномочия на обыск частных жилищ и объявляли тайные общества незаконными, а участие в них - государственной изменой. Совет ввел крайне неортодоксальную практику предания гражданских лиц суду военного трибунала в мирное время⁴³⁴.

Определяющим моментом в истории формирования государства в Канаде стал ряд восстаний. Хотя Квебекский акт (1774) и Конституционный акт (1791) признавали за франкоканадцами некоторые гарантии прав, такие как право исповедовать свою религию и нормативное закрепление защиты гражданских прав, на практике "имперское правление в колонии было нетерпимым"⁴³⁵. Восстания, которым предшествовали массовые мирные

---

⁴³³ Закон о незаконной агрессии также не предусматривал обычных для того времени правовых гарантий для преступлений, связанных с государственной изменой, включая требование о наличии не менее двух свидетелей, предоставление адвокату права на полноценную защиту, копию обвинительного заключения, списки свидетелей и предварительный состав коллегии присяжных. Статут был отменен в 1838 году и вновь принят в 1840 году с еще большим количеством положений, призванных облегчить судебное преследование. Иностранцам захватчикам больше не требовалось иметь связи с британскими гражданами. Преступлением считалось простое ношение оружия, а совершение иностранцем любого враждебного акта считалось смертным преступлением. Дальнейшие поправки, внесенные в 1866 году, распространили действие закона на Нижнюю Канаду. Особенно много споров вызвали положения о рассмотрении дел в военных судах, когда страна не находилась в состоянии войны.

⁴³⁴ Использование военных судов, как объясняет канадский историк Барри Райт, имело серьезные последствия: "По сути, права тех, кто находился под защитой короны, были приостановлены путем простого изменения названия преступления с разумного развязывания войны на незаконную агрессию. Более того, в целом военный трибунал над гражданскими британскими подданными в мирное время, когда могли функционировать обычные суды, противоречил преобладающим британским конституционным стандартам" (См.: Wright B. *The Kingston and London Courts Martial. In Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837–1839*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 132).

Кроме того, по словам другого историка Ф. Мюррея Гринвуда, "обвинение [в Нижней Канаде] выигрывало около 90 % ходатайств по вопросам процедуры и доказательств. Права обвиняемых часто бесцеремонно игнорировались. Ни один из заключенных, которых судил этот военный трибунал, никогда не получал списка свидетелей или присяжных (то есть судей). Никто из них также не узнавал о предъявленном обвинении более чем за четыре-пять (а не за десять) дней до суда. В суде военного трибунала адвокатам не разрешалось допрашивать или перекрестно допрашивать свидетелей, хотя они могли попытаться заранее подготовить своих многочисленных клиентов или передать им письменные предложения. Но часто обвиняемые были вынуждены реагировать без надлежащего руководства и плохо справлялись с задачей, особенно те, кто был неграмотен и не говорил на французском языке... Адвокаты могли готовить письменные заявления в защиту и зачитывать их суду, но не могли выступать перед ним устно" (См.: Greenwood F., Wright B. (eds.) *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837. Vol. 2*. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 290).

⁴³⁵ Aizenstat J. *The Canadian Founding: John Locke and Parliament*. P. 125.

собрания, отчасти были ответом на жестокие действия британских губернаторов и их попытки подавить французское меньшинство. Как объясняет историк Мишель Дюшарм в своей фундаментальной работе, посвященной концепции свободы во время восстаний, свобода была тем призывом, который сплотил колониальных реформаторов в XIX веке. В эпоху божественного права королей и аристократических привилегий не было ничего более революционного, чем принципы, ставящие под сомнение легитимность государства и социального порядка⁴³⁶.

В этих политических конфликтах, которые нашли свое самое трагическое проявление в восстаниях, мы можем обнаружить культуру прав. Разговор о правах в Британской Северной Америке XIX века включал в себя только основные гражданские и политические права: участие в политической системе; исповедание религии; выражение критических взглядов (в определенных пределах); право на организацию объединений и проведение мирных собраний; свободу от произвольного задержания или злоупотреблений. Широко распространено было убеждение, что свобода, пусть даже зачастую плохо определенная даже среди самых ярых ее сторонников, необходима для легитимности государства⁴³⁷.

Республиканцы, разработавшие 92 резолюции Нижней Канады, которые стали манифестом для Патриотов, ссылались на ряд прав, включающих свободу религии, физическую безопасность и надлежащую правовую процедуру. Роберт Нельсон, один из лидеров патриотов, в 1838 году опубликовал Декларацию независимости, в которой прямо упоминались свобода вероисповедания, свобода слова и суд присяжных, а также право голоса и право говорить на французском или английском языке по всем общественным вопросам⁴³⁸. Уильям Лайон Маккензи, лидер неудавшегося восстания в Верхней Канаде, в 1837 году разработал конституцию, в которой

---

⁴³⁶ Угроза, которую эти философы представляли для порядка Древнего режима, проистекала не из того, что они призывали к определенным реформам, а из того, что они ставили под сомнение легитимность установленного порядка, отказывая ему в традиционных оправданиях... Свобода должна была стать новой основой легитимности государства и социального порядка (См.: Ducharme M. *Le Concept de liberté au Canada à l'époque des révolutions Atlantiques 1776–1838*. Montreal and Kingston: McGill–Queen's University Press, 2010. P. 17).

⁴³⁷ Свобода, безусловно, была одной из важнейших ценностей в атлантическом мире в конце XVIII - начале XIX века. Она не только означала осуществление определенных прав, но и рассматривалась как основа легитимности государства. Свобода была призывом к действию как для реформаторов, так и для монархистов, но это было абстрактное понятие, которое часто порождало разногласия и противоречия: "Во-первых, все требовали свободы, которая была бы прерогативой "индивидов", а не отдельных социальных групп... Факт остается фактом: на практике очень немногие "индивиды" могли претендовать на эту свободу. Большинство людей де-факто были лишены возможности пользоваться этой свободой. Рабам, женщинам, беднякам и иностранцам приходилось долго ждать, прежде чем они могли ею воспользоваться... Во-вторых, все сторонники свободы отождествляли свободу с законом... Хотя нет сомнений, что все эти мыслители разделяли легалистскую концепцию свободы, они не были согласны между собой в том, что такое легитимный закон, и еще меньше в том, что такое легитимные законодательные институты. Короче говоря, даже если все эти сторонники свободы связывали свободу с законом, они не защищали одну и ту же форму свободы (См.: Ducharme. *Le Concept de liberté au Canada à l'époque des révolutions Atlantiques 1776–1838*. P. 25-26).

⁴³⁸ Декларация призывала отменить тюремное заключение за долги, а также смертную казнь, за исключением случаев убийства. Любопытно, что декларация также требовала равных прав для аборигенов — редкое требование в этот период.

признавалась "гражданская и религиозная свобода" и содержались гарантии против чрезмерного залога и жестоких и необычных наказаний⁴³⁹. О свободе мирных собраний речь пока не шла.

Сыны Свободы, тайная боевая ассоциация франко-канадцев под руководством Луи-Жозефа Папино, была основана на убеждении, что "правительства создаются для пользы и могут справедливо существовать только с согласия управляемых... Правительство по выбору - не менее неотъемлемое право народа". Сыны Свободы добивались "строгого равенства перед законом для всех классов, независимо от происхождения, языка или религии"⁴⁴⁰. Эти убеждения, а также репрессивные тенденции британских лидеров по отношению к франкоканадцам сделали гражданскую войну неизбежной.

Эти восстания были микрокосмом гораздо более широкого идеологического конфликта, разрывавшего атлантический мир в XVIII и XIX веках. Идея прав вдохновляла кампании против пыток, рабства и смертной казни в Европе и Америке в XVIII веке. Либералы, опираясь на идеи Локка, Руссо, Пейна и других, объединились вокруг принципа естественных (универсальных) прав и возглавили революции против монархической власти. Консерваторы, в первую очередь Эдмунд Берк, выступили в защиту традиционных прав, уходящих корнями в историю и обычаи, а не в абстрактные универсальные принципы.

Историк Элизабет Химан описывает эти новые права как "верховенство закона, право на суд присяжных, право на ношение оружия (если человек протестант), запрет на чрезмерные или жестокие штрафы или наказания, а также ряд парламентских привилегий и полномочий (таких как свобода слова, свобода собраний и контроль над налогообложением и армией)"⁴⁴¹. Однако неизбежным следствием этого стало лишение прав тех, кто не был британцем по обычаям и практике, в первую очередь аборигенов: "У них действительно были права в сфере торгового оборота, признавались и некоторые формы личных прав - например, защиту от убийства и, возможно, голода, - но они не были наделены специфически британскими правами, на которые могли претендовать другие этнические группы"⁴⁴².

К концу восемнадцатого века природа и функции прав волновали многих великих философов эпохи. Дебаты вокруг прав человека набирали обороты по всей Европе и Северной Америке. Впервые в истории разговоры о правах вошли в главный политический дискурс. Однако стоит отметить, что выражение и практика реализации прав в XIX веке основывались на

---

⁴³⁹ См.: W. Mackenzie. Draft Constitution. The Constitution, 15 November 1837.

⁴⁴⁰ L.J. Papineau. Journal d'un fils de la liberté, réfugié aux États-Unis, par suite de l'insurrection canadienne, en 1837. Montreal: Réédition-Québec, 1972. P. 52.

⁴⁴¹ E. Heaman. Rights Talk and the Liberal Order Framework. In Liberalism and Hegemony: Debating the Canadian Revolution, edited by Jean-François Constant and Michel Ducharme. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 156.

⁴⁴² Ibid. P. 159.

иерархии между гражданами. Рабство сохранялось в Канаде до принятия в 1793 году закона Верхней Канады о борьбе с рабством, но одновременно оно сохранялось и в Британской империи, пока в 1833 году не было отменено королевским статутом.

Декларации прав, которые часто были частью процесса формирования нового типа государств в XIX веке - в частности, Декларация прав человека и гражданина Франции (1789) и Билль о правах США (1791) - предполагали, что не все люди обладают самостоятельностью для осуществления прав. Считалось, что рабы, дети, бедняки, сумасшедшие и женщины не обладают такой необходимой самостоятельностью. Декларации либерально-демократических прав опирались на язык универсальности, но при этом отказывали женщинам и меньшинствам в основных политических правах. Равенство основывалось на процессуальном праве, а не на материальных условиях; другими словами, либеральные демократии обещали единый закон для граждан, но не гарантировали, что этот закон не будет дискриминировать этих граждан. Например, в 1832 году Законодательное собрание Нижней Канады, в котором доминировали патриоты, ратовавшие за большую политическую свободу, приняло закон, запрещающий женщинам голосовать.

Создание Конфедерации в 1867 году стало еще одним поворотным моментом в истории формирования государства в Канаде. Однако отсутствие билля о правах поставил на повестку дня вопрос о том, была ли защита индивидуальных прав частью первоначального договора, который привел к созданию канадского государства. Прежде всего, следует признать, что Акт о Британской Северной Америке действительно содержал некоторые права. Конституция гарантировала права на использование французского языка в парламенте и законодательном собрании Квебека (в том числе публикацию законов на английском и французском языках), а также право на управление католическими или протестантскими школами. Она также требовала периодических выборов. Правда, в конституции не было перечня прав, включающего в себя право на мирные собрания, аналогичного американскому Биллю о правах. Но, как показала Джанет Адженстат в своем исследовании Конфедерации, основатели были глубокими сторонниками прав человека⁴⁴³.

Они возлагали свои надежды на парламент, который должен был защитить свободу: Главной целью парламента были обеспечение и сохранение прав, поэтому в билле о правах не было необходимости. Эта система правления, как и ее британский аналог, основывалась на идее верховенства парламента. Парламент мог принимать или не принимать любые законы, и ни один институт не мог отменить эти законы. Эта философия, как отмечает один историк, легла в основу канадской культуры прав: "Права надежно защищены, потому что парламент верховенствует, и только тогда, когда парламент верховен"⁴⁴⁴. Равенство людей было тесно

---

⁴⁴³ См.: Ajzenstat J. The Canadian Founding: John Locke and Parliament.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 58.

связано с принципом народного суверенитета. Но если американцы защищали права с помощью писаной конституции, то канадцы формулировали права, ссылаясь на британские свободы, которые защищались с помощью обычного права, исторических прецедентов и верховенства парламента.

Речи основателей были наполнены утверждениями о свободе и правах. Однако они не говорили о правах человека и тем более придавали особое значение праву на мирные собрания. Скорее, рассуждения о правах коренились в ссылках на то, что они были британскими подданными и имели права, вытекающие из этой традиции. Для некоторых историков тот факт, что "Отцы Конфедерации" не использовали язык прав человека, не имеет значения⁴⁴⁵. Эти основатели придерживались принципов прав человека, даже если они не формулировали свои претензии на этом языке. Но так ли это? В девятнадцатом веке в предполагаемой универсальности прав оставались внутренние противоречия. Многие защитники прав санкционировали рабство и молчали о правах женщин. Права, включая право голосовать, собираться и исповедовать религию, не распространялись в равной степени на значительную часть населения по причине их расовой, этнической, религиозной или гендерной принадлежности. Это была, по меньшей мере, концепция прав, ограниченная только самыми фундаментальными свободами⁴⁴⁶.

Более того, эта концепция прав была связана с гражданством. Принцип, согласно которому права должны принадлежать всем, независимо от присущих им качеств, таких как раса или пол, не был широко принят в XIX веке. Точнее было бы сказать, что Конфедерация была основана на особой концепции прав, выраженной в виде британских свобод. Эти свободы вытекали из британской истории, а не из абстрактных универсальных принципов, и они принадлежали британским подданным. Со времен восстаний эта концепция прав практически не изменилась, за одним примечательным исключением: религиозные и языковые права французских и английских канадцев стали неотъемлемым компонентом договора, лежащего в основе основания Канады.

Формирование государства предполагало систематическое исключение определенных классов людей - в первую очередь неевропейцев и женщин - из сферы влияния в политике, бизнесе и социальной жизни. Образование, как объясняет Тимоти Стэнли, было одним из способов, с помощью которого

---

⁴⁴⁵ Хотя в Акте о создании Британской Северной Америки нет упоминания о гражданских свободах или правах человека, в разделе 92 говорится об имущественных и гражданских правах (раздел 92 разграничивает юрисдикцию провинций). Однако суды трактовали "гражданские права" в узком смысле и ограничивали ответственность провинций по этому разделу договорным и имущественным правом. Таким образом, в США и Канаде, термин "гражданские права" имеет разные коннотации.

⁴⁴⁶ Как отмечает Айзенштат: "законодатели-основатели Канады описывают хорошие школы, высокий уровень занятости и материальное процветание не как права, а как желательные политические цели. Основатели стремились защитить людей от произвола и корыстных действий самодержавных правителей, хулиганов и демагогов" (См.: Aizenstat J. The Canadian Founding: John Locke and Parliament. P. 64).

правительства прививали меньшинствам привычку мириться с практикой исключения в повседневной жизни: "Если кто-то исключается, то кто-то другой одновременно включается. Если кого-то угнетают, то кто-то другой получает привилегии. Если кого-то эксплуатируют, кто-то другой получает выгоду"⁴⁴⁷.

К двадцатому веку дискриминация стала фактом жизни в Канаде: парикмахеры отказывались обслуживать чернокожих, в тавернах вывешивали таблички, запрещающие посещать евреев или аборигенов, на полях для гольфа запрещали играть представителям расовых и религиозных меньшинств, в гостиницах не принимали аборигенов, университетские братства и сестринства, теннисные и лыжные клубы исключали евреев, профсоюзы не допускали представителей расовых меньшинств, полиция и строительные инспекторы преследовали владельцев бизнеса из числа меньшинств, а домовладельцы отказывались снимать квартиры для представителей меньшинств. Такие ограничения препятствовали организации мирных собраний дискриминируемых меньшинств даже под благовидным предлогом. Сегрегационные школы для чернокожих существовали в Онтарио и Новой Шотландии вплоть до 1960-х годов⁴⁴⁸.

Наиболее заметные меньшинства были лишены права голоса и лицензий на ведение бизнеса. Им запрещалось занимать государственные должности или быть присяжными. В Британской Колумбии азиаты и аборигены были разделены в государственных школах. В 1877 году Онтарио также запретил китайцам и неанглоязычным людям работать в угольных шахтах. Это было лишь одно из многочисленных постановлений этой провинции, лишавших некоторые меньшинства множества прав таких как доступ к государственным услугам, работу по некоторым специальностям, права голоса или мирных собраний⁴⁴⁹.

Повсеместно был распространен в Канаде и антисемитизм⁴⁵⁰. Многие канадцы искренне верили, что евреи - низшая раса, и даже среди

---

⁴⁴⁷ Расовые исключения принимают различные формы. Они могут быть материальными: исключение из определенных территорий, пространств, институтов; исключение из доступа к социальному богатству, материальным благам и услугам; или из самой жизни. Они могут быть социальными: исключение из определенных социальных статусов, связей или институциональных ролей; или из доступа к политическим правам. Они могут быть символическими: исключение возможности быть представленным определенным образом или исключение возможности того, чтобы люди собирались вместе или воспринимались всерьез (См.: Stanley T. *Contesting White Supremacy: School Segregation, Anti-Racism, and the Making of Chinese Canadians*. Vancouver: UBC Press, 2011. P. 10).

⁴⁴⁸ Хотя это напрямую не относится к теме монографии, но интересно отметить, что в некоторых регионах чернокожие предпочитали иметь свои собственные школы. Однако к концу XIX века было несколько политических и юридических баталий, связанных с попытками чернокожих родителей устроить своих детей в общие школы. В Онтарио и Новой Шотландии чернокожие граждане платили налоги за школы, которые их дети не могли посещать, если существовала отдельная школа для чернокожих детей. Закон Онтарио о отдельных школах (1850 г.), разрешивший создание отдельных школ, был призван отсрочить интеграцию до преодоления местных предрассудков, но белые родители использовали этот закон для закрепления сегрегации. При этом школы для чернокожих в Новой Шотландии и Онтарио давали гораздо худшее образование, чем школы для белых граждан (См.: Winks R. *Negro School Segregation in Ontario and Nova Scotia*. *Canadian Historical Review* 50, no. 2, 1969. Pp 164–92).

⁴⁴⁹ Более подробно см.: Stanley T. Указ соч.

⁴⁵⁰ Об антисемитизме в Канаде см.: Tulchinsky G. *Branching Out: The Transformation of the Canadian Jewish Community*. Toronto: Stoddart, 1998.

образованной элиты бытовало мнение, что еврейский народ угрожает христианской цивилизации. Аббат Грулькс, знаменитый историк Квебека и влиятельный интеллектуал межвоенных лет, считал, что евреи — это "самая суть всего того, что было презренным в религии, политике и морали"⁴⁵¹. В 1920-х годах в Квебеке проводилась кампания "Achat chez nous", призывавшая франко-канадцев бойкотировать еврейские предприятия⁴⁵², а по всей стране начали появляться банды, которые преследовали евреев и нападавшие на них, если те пытались организовать мирные собрания. В 1933 году банда Пит, имевшая опыт насилия над меньшинствами в Торонто, спровоцировала беспорядки в парке Кристи Питс, когда вывесила огромный баннер со свастикой во время бейсбольного матча с участием еврейской команды. Люди хлынули в парк из магазинов и домов по всему району, в то время как полиция на лошадях и мотоциклах неоднократно врвалась в толпу из более чем 8 000 человек, что стало крупнейшим беспорядком в истории города на тот момент. В ходе опроса Гэллапа, проведенного в разгар Второй мировой войны, людей спрашивали, представителям каких национальностей они бы запретили въезд в Канаду; 43 % ответили, что запретили бы евреев, а также немцев и японцев⁴⁵³.

Религиозные преследования и ограничения не ограничивались евреями. Хуттеритам, духоборам и меннонитам было запрещено иммигрировать в Канаду после Первой мировой войны, а тем кто уже там находился было запрещено собираться кроме как для отправления религиозных ритуалов. Хуттериты, христианская секта анабаптистов, отвергавшая личную собственность и владевшая землей сообща, были строгими пацифистами, отказывавшимися голосовать и занимать государственные должности. В провинции Альберта, например, был принят Закон о запрете продажи земли (1942–1947), ограничивающий право хаттеритов на владение землей на том основании, что их коллективные хозяйства создавали несправедливые преимущества для других фермеров и давали им возможность организовывать незаконные собрания⁴⁵⁴.

Таким образом, процесс формирования государства в Канаде был сопряжен с отчуждением и маргинализацией для многих. Самый яркий пример - аборигены, которых после создания Конфедерации систематически лишали всякого подобия равных прав в рамках правового режима, направленного на их ассимиляцию. Им было отказано в праве голоса на провинциальных, территориальных и федеральных выборах и в праве собираться иначе как за пределами своих резерваций⁴⁵⁵. Чтобы стать гражданами, они должны были

---

⁴⁵¹ Ibid. P. 185.

⁴⁵² Ibid. P. 173.

⁴⁵³ Pierre B. No Jews Need Apply. Maclean's Magazine, 1, November 1948. P. 32.

⁴⁵⁴ В 1947 году Закон о запрете продажи земли был заменен Законом об общинной собственности с той же целью - ограничить продажу земли хаттеритам. Последний действовал до 1972 года (См.: Land Sales Prohibition Act, S.A.1942, с.59; Communal Property Act, S.A. 1947. P. 16).

⁴⁵⁵ Стоит отметить, что в соответствии с Законом об индейцах 1876 года, право на гражданство было обязательным для юристов, медиков и религиозных деятелей, пока в 1880 году оно не стало добровольным.

отказаться от своего статуса и продемонстрировать, что они грамотны, не имеют долгов и обладают хорошими моральными качествами (к 1876 году только один человек выбрал статус гражданина)⁴⁵⁶. В 1884 году федеральное правительство объявило вне закона "потлатч" - церемонию пиршества и обмена товарами, способствующую собранию, примирению и сотрудничеству между аборигенами. В 1885 г. к потлачу были добавлены "Танец солнца" и "Танец жажды", как опасные формы мирных собраний⁴⁵⁷. В 1927 году был введен федеральный запрет на политические организации аборигенов и их земельные претензии. В совокупности эта политика представляла собой скоординированную попытку подорвать культуру и образ жизни аборигенов.

В период после Конфедерации можно привести так много примеров нарушения того, что мы сегодня считаем основными правами, что перечислить их все невозможно. Принцип равенства перед законом, сформулированный известным британским правоведом А. В. Дисси, был процессуальным, а не материальным: каждый имел право на надлежащую процедуру и равное применение закона (один закон для всех), но не все люди пользовались защитой от дискриминации по содержанию закона⁴⁵⁸. Не существовало закона, ограничивающего полномочия правительства по ограничению гражданских свобод, в том числе и права на мирные собрания. В результате как в государственной политике, так и в социальной практике люди не обладали одинаковыми правами.

Однако на фоне этих событий культура прав в Канаде не оставалась статичной. Люди требовали равной защиты перед законом, и для этого они апеллировали не к правам человека, а к принципу британской справедливости. И ни один вопрос так не подчеркивает спорную и меняющуюся природу прав, как вопрос о религии и вытекающих из нее прав, о чем нами уже было сказано в первой главе.

Религия была основой социальной и политической жизни в колониях. Кроме того, там наблюдалась большая религиозная терпимость⁴⁵⁹. Право католиков исповедовать свою религию, мирно собираться для отправления религиозных нужд и занимать государственные должности было гарантировано Квебекским актом 1791 года и позднее подтверждено

---

⁴⁵⁶ Вообще, "с 1857 года, когда в провинции Канада (предшественнице Южного Онтарио) был принят Закон о постепенной цивилизации, взрослые мужчины из числа аборигенов, подавшие заявление и убедившие экзаменационную комиссию в своей грамотности, отсутствии долгов и хороших моральных качествах, могли отказаться от статуса "индейцев" и стать полноправными гражданами Британской Канады со всеми вытекающими правами, включая право голоса, после трехлетнего испытательного срока, в течение которого они должны были доказать свою пригодность к участию в жизни общества... Сфера действия закона была весьма обширной: жена и дети мужчины, получившего право голоса, также становились гражданами и теряли статус индейцев, как и все их потомки навсегда" (См.: Miller J. Human Rights for Some: First Nations Rights in Twentieth-Century Canada. P. 235).

⁴⁵⁷ Ibid. P. 242.

⁴⁵⁸ Dicey A. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: St. Martin's Press, 1962. P. 51.

⁴⁵⁹ Ducharme M. Le Concept de liberté au Canada à l'époque des révolutions Atlantiques 1776–1838. P. 170.

Законом о свободе вероисповедания 1858 года (в Англии католики не могли голосовать или быть избранными в парламент до 1829 года)⁴⁶⁰.

Кампания за права женщин также является примером меняющейся парадигмы к подходу понимания природы прав. Процесс формирования западных государств включал в себя неравное отношение к гражданам страны, которое было повсеместным и закрепленным в законодательстве. Женщины были лишены права голоса, права петиции и связанным с ним правом на мирные собрания, не могли стать законодателями, коронерами, магистратами или судьями; они также не могли быть присяжными заседателями. Выходя замуж, они теряли не только фамилию: они утрачивали всякий статус в гражданском праве, не могли владеть собственностью или получать зарплату. В 1905 году судья Верховного суда Нью-Брансуика, размышляя о роли женщин в обществе, объяснил, что "первостепенная судьба и миссия женщин - выполнять благородные и благотворительные обязанности жены и матери. Таков закон Творца"⁴⁶¹.

Такие ограничения вызвали первую женскую волну либерального правозащитного дискурса. Многие реформаторы формулировали свои требования о правах женщин - в первую очередь об избирательном праве, и связанном с ним правом собираться вместе, - с учетом британских свобод и добивались новых прав для женщин. В начале XX века первые женщины в Канаде были избраны на государственные должности, назначены судьями и стали работать в таких профессиях, как юрист. Они стали активнее участвовать в трудовой деятельности. К 1920-м годам, после кампании, массовых женских собраний по всей стране, женщины получили право голоса в большинстве штатов Канады. В 1929 году группа женщин успешно опротестовала в Судебном комитете Тайного совета в Лондоне презумпцию, согласно которой ссылки на "лиц" в конституции включали только мужчин (такое толкование было использовано для запрета женщинам заседать в Сенате). На протяжении всех этих кампаний реформаторы настаивали на том, что законы и практика, дискриминирующие женщин, являются отклонением в британском правосудии. Эти прецеденты были необходимыми первыми шагами, прежде чем женщины смогли начать мобилизацию вокруг требований женского равноправия.

Формирование государства в Канаде в XIX в. также было направлено на ограничение прав рабочих и политических радикалов. На протяжении всего XIX века рабочим, стремившимся к созданию профсоюзов,

---

⁴⁶⁰ В 1858 году в Канаде был принят Закон о свободе вероисповедания, который подтвердил право на религиозную свободу: "Поскольку признание юридического равенства всех религиозных конфессий является общепризнанным принципом колониального законодательства... поэтому объявляем... что свободное отправление религиозных культов и богослужений без дискриминации и предпочтений, чтобы это не служило оправданием развратных действий или оправданием практики, несовместимой с миром и безопасностью провинций, разрешено конституцией и законами этой провинции всем подданным Ее Величества". Законодательство 1841 года, объединившее Верхнюю и Нижнюю Канаду, также включало положения о защите религиозного разнообразия (См.: Kaplan W. Canadian Maverick: The Life and Times of Ivan C. Rand. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 127-128).

⁴⁶¹ Re Mable French [1905]. 27 NBR 366.

приходилось сталкиваться с законодательством о "хозяевах и слугах" (которое требовало от работников лояльности), законами о заговоре и применением государством насилия для подавления забастовок. Даже законность профсоюзов оставалась неопределенной до 1872 года. Во время Первой мировой войны для подавления политической оппозиции, устраивавшей митинги протеста, федеральный госсекретарь был уполномочен произвольно отказывать в натурализации любому, кого сочтут угрозой общественному благу. Кроме того, в Канаде была подавлена вся иностранная пресса, вражеские иностранцы были обязаны сдать огнестрельное оружие и взрывчатку и зарегистрироваться в органах исполнительной власти, а радикальные организации были запрещены⁴⁶². Самой противоречивой федеральной политикой после войны стало применение ст. 98 Уголовного кодекса. Менее чем через год после войны, когда рабочие Виннипега начали крупнейшую в истории страны всеобщую забастовку, федеральное правительство вновь отреагировало чрезвычайными мерами. В ст. 98 Уголовного кодекса были внесены поправки, согласно которым преступлением считалась принадлежность к организации, которая стремилась к свержению государства или экономическим изменениям с помощью насилия.

Статья 98 Уголовного кодекса была необычной нормой права: она не предусматривала уголовной ответственности за какое-либо действие; скорее, она считала незаконной просто принадлежность к политической партии. Наказание за это составляло до двадцати лет тюремного заключения. Кроме того, лица, сдающие помещение в аренду членам такой организации, подлежали тюремному заключению или штрафу в размере 5 000 долларов. Кроме этого, полиция могла без ордера конфисковать все имущество, подозреваемое в принадлежности к незаконной организации.

Также, были внесены дополнительные поправки к Закону об иммиграции предоставили правительству дополнительные полномочия по депортации любого лица, не являющегося гражданином, выступающего за уничтожение собственности или принадлежащего к организации, выступающей за свержение правительства или участвующего в незаконном собрании⁴⁶³. В 1931 году лидеры Коммунистической партии Канады предстали перед судом в соответствии с разделом 98. Суд был фарсом. Как предположил один историк:

---

⁴⁶²Kealey G. State Repression of Labour and the Left in Canada, 1914–1920: The Impact of the First World War. *Canadian Historical Review* 73, no. 3, 1992. P. 301.

⁴⁶³Интересно, что в парламенте практически не было оппозиции этому закону: "Эта небольшая поправка стала центром дебатов о контроле и правах неграждан на протяжении почти десяти лет, привлекая большее внимание к правам на надлежащую процедуру в британском либерализме и иницируя новый виток политики, основанной на правах, в Канаде" (См.: Anderson C. *Canadian Liberalism and the Politics of Border Control, 1867–1967*. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 96).

«Если предположить, что основной целью законодательства было предотвратить перерастание революционных догм в революционные факты, то данное конкретное обвинение само по себе было необычным, поскольку не было никаких доказательств того, что конкретные обвиняемые были в малейшей степени способны достичь заявленных целей своей партии; не было также доказательств того, что они когда-либо пытались это сделать. Обвиняемые, какими бы преступными ни были их ассоциации и риторика, к моменту судебного разбирательства нанесли английскому языку гораздо больше вреда, чем правительству»⁴⁶⁴.

Тем не менее, генеральный секретарь Тим Бак и его коллеги по Коммунистической партии Канады были признаны виновными и провели несколько лет в тюрьме.

Это лишь несколько примеров того, как формирование государства было основано на исключении возможности политических радикалов выражать свое мнение даже мирным способом. В первой половине XX в. Канадское государство вообще подавляло политическую активность огромным количеством методов. Например, в Торонто в 1929 году полицейская комиссия издала указ, запрещающий все политические собрания, проводимые на любом языке, кроме английского, и пообещала, что любые общественные места, используемые для "коммунистических или большевистских" собраний, лишатся лицензии. В указе говорилось, что "никакие беспорядочные или подстрекательские высказывания в адрес нашей формы правления, короля или любой установленной власти не допускаются"⁴⁶⁵. В течение следующих нескольких лет полиция Торонто преследовала и подвергала физическому насилию всех, кто нарушал эти указы. Например, когда Канадская лига защиты труда спонсировала театральную постановку, критикующую правительство за заключение в тюрьму лидера Коммунистической партии Канады, полиция Торонто закрыла ее⁴⁶⁶. Один из членов парламента, выступая в Палате общин, предложил объяснение подобной политики, которое перекликалось с оправданиями, которые использовали автократические британские губернаторы: "Подстрекательство должно быть искоренено. Говорить о свободе слова и собраний — это хорошо, но говорить о большевизме, беспорядках и свержении правительства — это совсем другое дело"⁴⁶⁷.

Тем не менее, со времен Джеймса Крейга и его террора многое изменилось. В парламенте оппозиция утверждала, что ст. 98 Уголовного

---

⁴⁶⁴ Mackenzie J. B. Section 98, Criminal Code, and Freedom of Expression in Canada. *Queen's Quarterly* 1, no. 1, 1971–1972. P. 478.

⁴⁶⁵ Petryshyn J. *Class Conflict and Civil Liberties: The Origins and Activities of the Canadian Labour Defense League, 1925–1940*. *Labour / Le Travail* 10, 1982. P. 43.

⁴⁶⁶ *Ibid.* P. 53.

⁴⁶⁷ Цит. по: Mathieu S. J. *North of the Color Line: Migration and Black Resistance in Canada, 1870–1955*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010. P. 122.

кодекса "противоречит британским обычаям, британским институтам и тому, что мы обычно называем британской свободой"⁴⁶⁸. Один из ведущих конституционных экспертов страны высказал мнение, что "постоянное ограничение права на ассоциацию, свободу собраний, свободу дискуссий, печатание и распространение литературы, а также страх перед суровостью наказания не имеют себе равных в истории Канады и, вероятно, любой британской страны за последние столетия"⁴⁶⁹.

Когда премьер-министр Уильям Лайон Маккензи Кинг выступил в Палате общин с осуждением ст. 98 Уголовного кодекса, он сформулировал свою критику закона как нарушение "британского принципа свободы слова и свободы собраний" и пообещал отменить раздел в случае своего избрания⁴⁷⁰. Это обещание он выполнил в 1936 году. По мере того, как подавлять политическое инакомыслие становилось все труднее, политический ландшафт Канады начал меняться. И именно социалистические политические партии, сыграли ключевую роль в формировании культуры прав канадцев. Федерация кооперативов содружества (далее - ФКС) выступила против ограничения свободы слова, объединений и собраний, а также против дискриминации меньшинств. С Реджинским манифестом, своим знаковым учредительным документом, ФКС стала первой крупной политической партией в Канаде, которая призвала к признанию прав расовых и религиозных меньшинств, а также к принятию билля о правах.

В результате в законодательстве начались едва заметные изменения. Правда, по состоянию на 1944 год Верховный суд Канады и Судебный комитет Тайного совета еще ни разу не признавали закон недействительным, на том основании, что он нарушал гражданские свободы. Тем не менее суды иногда проявляли самостоятельности в деле защиты прав человека. В 1937 году вновь избранное правительство партии Социального Кредита в Альберте приняло Закон об обеспечении публикации точных новостей и информации, который требовал от газет публиковать "исправления" от правительства на любые критические материалы, раскрывать источники и указывать авторов. Это была, несомненно, самая вопиющая попытка цензуры прессы в мирное время. Верховный суд Канады признал этот закон превышающим полномочия законодательной власти Альберты; иными словами, местный закон пытался регулировать деятельность, подпадающую под федеральную юрисдикцию. С тех пор это решение считается первым в истории Канады, в котором рассматривается вопрос о граждан-

---

⁴⁶⁸ Anderson C. Canadian Liberalism and the Politics of Border Control, 1867–1967. P. 100.

⁴⁶⁹ Clément D. Canada's Rights Revolution: Social Movements and Social Change, 1937–1982. Vancouver: UBC Press, 2008. P. 101.

⁴⁷⁰ Цит. по: Petryshyn J. Class Conflict and Civil Liberties: The Origins and Activities of the Canadian Labour Defense League, 1925–1940. P. 50.

Палата общин принимала законы об отмене ст. 98 Уголовного кодекса в 1927, 1928, 1929 и 1930 годах. В каждом случае законопроект отклонялся Сенатом (См.: Mackenzie J. B. Section 98, Criminal Code, and Freedom of Expression in Canada. Queen's Quarterly 1, no. 1, 1971–1972. P. 482).

ских свободах и законодательной власти. Судья Лоуренс Кэннон обвинил правительство провинции в навязывании доктрины, которая "должна стать для жителей Альберты своего рода религиозной догмой, свободное и неконтролируемое обсуждение которой недопустимо"⁴⁷¹. Судья Лайман Дафф утверждал, что "даже рамках закона оно [публичное обсуждение] подвержено злоупотреблениям и серьезным нарушениям, и такие злоупотребления постоянно демонстрируются на наших глазах; но аксиоматично, что практика этого права на свободное публичное обсуждение общественных дел, несмотря на его случайные недостатки, является дыханием жизни для парламентских институтов"⁴⁷². Верховный суд Канады, как мы увидим далее, в значительной степени опирался на этот прецедент в нескольких ключевых делах о гражданских свободах в 1950-х годах.

Делая промежуточные выводы, можно сказать, что формирование Канадского государства предполагало систематическое исключение целых категорий людей из полноценного и равноправного участия в общественной жизни. Это исключение могло принимать форму ограничения доступа к материальным благам, заключения в тюрьму предполагаемых диссидентов, лишения людей права голоса в правительстве или мирно собираться для обсуждения дел. В ответ на это люди использовали возможности британского правосудия, чтобы представить дискриминацию или посягательства на гражданские свободы как нарушение британских традиций и истории. Другими словами, права были тесно связаны с гражданством и национальной идентичностью. Неудивительно, что, учитывая характер формирования государства, культура прав в Канаде развивалась в основном в ответ на действия государства. Каждая маленькая победа создавала основу для выдвижения дополнительных требований о гарантиях прав. Период от восстаний до начала двадцатого века привел к более широкому признанию прав на свободу религии, собраний, ассоциаций, слова и печати, а также на надлежащую правовую процедуру. Таким образом, в основе Канадской культуры прав лежал конфликт. Этот конфликт вновь проявится после Первой мировой войны и станет еще одним критическим моментом в истории прав человека Канады.

4.2. Общая характеристика проблем гражданских свобод в Канаде и их влияние на свободу мирных собраний

Забегая немного вперед, отметим, что не смотря на сложившийся в России образ Канады как демократического и правового государства, в середине XX века было столько случаев нарушения прав человека, которые мы сегодня считаем преступлениями, что кажется банальным

---

⁴⁷¹ Alberta Press Bill, Supreme Court Reports 100, 1938.

⁴⁷² Ibid.

останавливаться на каком-то конкретном случае или человеке. Однако даже по меркам Канады середины XX века выделяется фигура Мориса Дюплесси. Его пребывание на посту премьер-министра Квебека (1936–1939, 1944–1959) называют *Le Grande Noirceur* ("Великая тьма"). Дюплесси родился в Труа-Ривьер в 1890 году, получил юридическое образование в Университете Лавалья в Квебеке и работал адвокатом в своем родном городе, пока не пришел в политику в 1927 году. Дюплесси использовал сочетание патронажа и репрессий, чтобы оставаться у власти в течение почти двух десятилетий. В 1936 году он ввел Закон о коммунистической пропаганде (Закон о замке), который запрещал печатать, публиковать и распространять любые документы (включая газеты и памфлеты), пропагандирующие коммунизм⁴⁷³. Генеральный прокурор, а Дюплесси был одновременно и премьер-министром, и генеральным прокурором, мог отдать приказ о закрытии любого помещения, подозреваемого в изготовлении опасной печатной продукции или используемого как место собрания коммунистов, причем обжалование в суде не предусматривалось. Поскольку в законе не было определения коммунизма, Дюплесси мог использовать его против любого, кто публично выступал с его критикой.

Дюплесси был ответственен за одни из самых печально известных в истории Канады актов нарушения государством гражданских свобод. Его действия вызвали резкую критику и способствовали созданию первых групп людей активно выступающих за защиту гражданских прав и свобод в стране. Послевоенный период, безусловно, стал важным моментом в истории канадских прав человека, но революция в области защиты прав произойдет позже. Напротив, именно в этот период мы видим первые попытки кодифицировать гарантии прав человека в канадском законодательстве. Гражданские свободы - понятие, исторически ассоциировавшееся со злоупотреблением правами со стороны государства, в этот период были постепенно переосмыслены и стало включать в себя принцип недискриминации в общественной и частной сферах.

Как мы уже видели, в Канаде существует долгая история использования властью чрезвычайных полномочий в ситуациях, которые она считает опасными⁴⁷⁴. В период с 1793 по 1812 год действие *Habeas Corpus* в Нижней Канаде приостанавливалось почти каждый год. В 1866–1867 гг. его действие было вновь приостановлено в ответ на набеги фенианцев из США (фенианцы были ирландскими националистами, которые пытались

---

⁴⁷³ Act Respecting Communistic Propaganda, S.Q. 1937, c.11.

⁴⁷⁴ Как утверждает Ф. Мюррей Гринвуд, законодатели Канады исторически "потворствовали принятию радикальных законов о безопасности во время кризисов, реальных или предполагаемых, без особой заботы о гражданских свободах и почти без критического анализа неизменно эластичных формулировок" (См.: Greenwood F. The Drafting and Passage of the War Measures Act in 1914 and 1927: Object Lessons in the Need for Vigilance. In Canadian Perspectives on Law and Society: Issues in Legal History, edited by W. Wesley Pue and Barry Wright. 291–327. Ottawa: Carleton University Press, 1988. P. 292).

применить насилие против Канады, чтобы заставить Британию освободить Ирландию).

То есть, тенденция к принятию неоднозначных законов, способных серьезно ограничить гражданские свободы во время чрезвычайных ситуаций, является частью канадской культуры прав. Одним из самых печально известных примеров чрезмерных действий государства в период чрезвычайного положения стал Закон о военных мерах, принятый в 1914 году в начале Первой мировой войны. Этот закон, состоящий всего из двух страниц, наделял федеральное правительство полномочиями приостанавливать действие всех прав⁴⁷⁵. То есть, он передал власть от парламента кабинету министров, который фактически управлял всей страной на основании указов в течение четырех лет. Диапазон распоряжений, вытекавших из этого закона, был ошеломляющим. Правительство приостановило действие habeas corpus, ввело повсеместную цензуру, объявило незаконными многочисленные ассоциации, запретило забастовки, несанкционированные собрания и запретило газетам сообщать о них, ограничило соблюдение процессуальных норм для облегчения судебного преследования, интернировало тысячи вражеских иностранцев и создало агентства по регулированию цен и контролю за производством и распределением товаров.

Любой человек, высказывающий "нежелательную речь", включая неблагоприятные комментарии о правительстве или войне, наказывался штрафом в размере 5 000 долларов и тюремным заключением на пять лет⁴⁷⁶. Правительство также получило право считать любую организацию незаконной, конфисковывать ее имущество, врываться в помещения и обыскивать их без ордера, а также преследовать любого члена или человека, связанного с этой организацией. Было запрещено проводить собрания, кроме религиозных служб и публиковать любые документы на всей территории страны на языках, ассоциирующихся с врагом, включая русский, финский или украинский. Это были жесткие ограничения свободы собраний и печати. Правительство подавило всю радикальную иностранную прессу в Канаде. Главный цензор прессы пользовался своей властью все чаще по мере затягивания войны. В 1914 году он запретил две публикации, в 1915 - шестнадцать, в 1916 - пятьдесят две, в 1917 - пятьдесят восемь, а в 1918 - пятьдесят

---

⁴⁷⁵ Более того, первоначальный законопроект содержал следующее положение, которое затем было исключено кабинетом министров до принятия закона: "Каждый приказ и ордер, изданный или выданный любым министром... является неоспоримым доказательством всех содержащихся в нем заявлений и вопросов, и ни один суд или судья не должен проводить расследование или выносить какое-либо постановление по этому поводу" (Цит. по: Smith D. Emergency Government in Canada. Canadian Historical Review 50, no. 4, 1969. P. 431).

⁴⁷⁶ Министр внутренних дел мог санкционировать установление контроля над любой телефонной или телеграфной компанией, чтобы проверять все передачи, а правительство получило право назначать главного цензора прессы и главного цензора почты. Все публикации, включая простую листовку, должны были содержать имя автора. Правила были обширны и включали в себя контроль за любыми связями с возможными вражескими агентами, или передачу информации о вооруженных силах или кабинете министров (О канадской цензуре во время войны см. Keshen J. Propoganda and Censorship during Canada's Great War. Edmonton: University of Alberta Press, 1996).

девять⁴⁷⁷. Люди, которые арендовали или предоставляли помещение незаконной организации, для собраний также были виновны. Отменялась презумпция невиновности, причем был введен в силу принцип обратной силы закона. Если человек каким-либо образом поддерживал организацию в начале войны, он был виновны, даже если в течение многих лет не было никаких доказательств его принадлежности к ней.

Это лишь самые вопиющие примеры ограничения гражданских свобод во время войны. Такая власть неизбежно приводила к злоупотреблениям, например, к абсурдным указам правительства, которые, например, криминализировали уклонение от работы, и запрещали выставки собак из-за опасений собраний множества людей в одном месте⁴⁷⁸. После бунта призывников в Квебеке в 1918 году правительство приняло указ, разрешающий военным трибуналам рассматривать общеуголовные преступления, - политика, которая тревожно напоминала принятый после восстания Закон о незаконной агрессии, рассмотренный нами выше.

Склонность правительства к чрезмерным мерам не закончилась с окончанием войны. Даже для нации, травмированной войной, решение федерального правительства расширить правила, регулирующие интернирование, спустя несколько месяцев после окончания войны, было явно необоснованным. Эта политика позволяла любому окружному или районному суду интернировать человека без какой-либо причины, кроме "чувства общественного опасения, испытываемого обществом"⁴⁷⁹. Зачастую такая мера как раз применялась к недовольным гражданам, пытавшимся устраивать протестные собрания. Обвиняемому не разрешалось пользоваться услугами адвоката, и для вынесения приговора ему даже не требовалось присутствовать на слушаниях. Например, по меньшей мере тридцать три человека были интернированы после всеобщей забастовки в Виннипеге в 1919 году, а сами лагеря для интернированных продолжали действовать до 1920 года.

Оказывается, использование чрезвычайных полномочий в период с 1914 по 1919 год было лишь генеральной репетицией. Истинная способность канадского государства к репрессиям в полной мере проявилась во время Второй мировой войны. В 1939 году федеральное правительство вновь ввело в действие Закон о военных мерах и в соответствии с ним приняло Положения об обороне Канады. Полномочия были предоставляемые этими нормативно-правовыми актами были быстро использованы на практике: подвергнуто цензуре 325 газет и периодических изданий (по сравнению со 184 во время Первой мировой войны), запрещено более тридцати религиозных,

---

⁴⁷⁷ Kealey G. State Repression of Labour and the Left in Canada, 1914–1920: The Impact of the First World War. P. 288.

⁴⁷⁸ Greenwood F. The Drafting and Passage of the War Measures Act in 1914 and 1927: Object Lessons in the Need for Vigilance. P. 292.

⁴⁷⁹ Цит. по: Kealey G. State Repression of Labour and the Left in Canada, 1914–1920: The Impact of the First World War. P. 293.

общественных, этнических и политических организаций, интернировано 2 423 канадца (по сравнению с 1 800 в Англии), арестовано и приговорено к суду сотни людей за мирные выступления против войны или распространение литературы от имени запрещенных организаций. Кроме этого, полиции было предоставлено право арестовывать и задерживать людей без предъявления обвинений и суда⁴⁸⁰. Хотя полиции не разрешалось арестовывать британских граждан, "способных" подстрекать к беспорядкам, кабинет министров принял приказ, разрешающий выдавать ордера на обыск незаконных организаций, подозреваемых в организации незаконных собраний⁴⁸¹. Это был поразительный отход от надлежащей правовой процедуры: офицеры полиции могли просто выписывать собственные ордера, не обращаясь за разрешением суда.

Кабинет министров неоднократно принимал постановления, запрещающие любые апелляции в суд. Запугивание со стороны полиции также было обычным делом: власти могли угрожать людям обыском без ордера или предъявлять им обвинения в соответствии с подзаконными актами. Было и несколько случаев тюремного заключения за публичные высказывания - например, один человек был приговорен к трем месяцам тюрьмы за высказывание, что Чемберлен так же плох, как Гитлер.

Такая политика правительства все же вызвала определенное противодействие со стороны общества. Например, Канадский еврейский конгресс и афроканадские группы в Торонто нашли общий язык в 1942 году и создали успешный альянс. Также несколько групп по защите гражданских свобод были созданы в конце 1930-х годов, в основном в ответ на реакционные действия премьер-министра Дюпlessi.

Два инцидента, - обращение с канадцами японского происхождения и "дело Гузенко", произошедшие в 1946 году, еще больше активизировали движение в защиту гражданских свобод, а также положили начало общенациональной дискуссии в Канаде, которая, в конечном итоге, привела к созданию полудюжины ассоциаций, выступающих в идеях обеспечения прав и свобод человека. Однако в ретроспективе гораздо более примечательно то, что федеральное правительство практически не потеряло поддержки избирателей, несмотря на столь масштабные атаки на гражданские свободы канадцев. Лишь незначительное меньшинство выступало против драконовских постановлений правительства во время войны. Авторитарные действия правительства остались практически незамеченными даже среди юристов. Как отмечает один ученый-правовед, "что примечательно в конституционной доктрине времен войны, так это явное отсутствие обсуждения проблем гражданских свобод"⁴⁸².

---

⁴⁸⁰ Whitaker R., Marcuse G. Cold War Canada: The Making of a National Insecurity State, 1945–1957. Toronto: University of Toronto Press, 1994. Pp. 7-8.

⁴⁸¹ Whitaker R., Kealey G., Parnaby A. Secret Service: Political Policing in Canada from the Fenians to Fortress America. Toronto: University of Toronto Press, 2012. P. 57.

⁴⁸² Adams E. The Idea of Constitutional Rights and the Transformation of Canadian Constitutional Law, 1930–1960. University of Toronto, 2009. P. 79.

Переломный момент настал только в 1947 г., когда в Саскачеване был принят провинциальный Билль о правах. Этот закон признавал ряд гражданских свобод, таких как свобода собраний, слова и вероисповедания, и в то же время запрещал дискриминацию в сфере занятости по признаку расы, этнической принадлежности или религии⁴⁸³. Однако ни тот, ни другой закон не предусматривал механизма обеспечения соблюдения данного закона или санкций за его нарушения. Можно сказать, что данный билль фактически не применялись, хотя и символизировал изменение представлений о правах.

Примерно в то же время федеральное правительство инициировало парламентские слушания о возможности разработки национального билля о правах. Слушания, комитеты по которым были назначены в 1947, 1948 и 1950 годах, дают некоторое представление о том, как канадцы понимали права в то время. Сопредседатели комитета 1947 года, например, проводили различие между правами и свободами: они определяли права как требующие действий государства (право на работу, собственность, образование и социальное обеспечение), а свободу - как отсутствие вмешательства государства (пресса, речь, религия, ассоциации и собрания)⁴⁸⁴. Во время слушаний 1950 года был достигнут негласный консенсус в пользу гражданских и политических прав. В то же время, например, Ирвинг Химел, лидер Ассоциации гражданских свобод, а также представители Министерства иностранных дел скептически относились к включению в конституцию экономических и социальных прав. Юджин Форси, выступая от имени 350 000 рабочих Канадского конгресса труда, считал, что билль о правах способен защитить только традиционные либеральные права. Права на труд и образование, настаивал Форси, требуют позитивных действий со стороны государства, которые лучше оставить правительствам, а не судам⁴⁸⁵. В отличие от них, Конгресс торговли и труда призывал закрепить в билле только экономические права, такие как право на труд⁴⁸⁶. Таким образом с самого начала, не было единства взглядов на то какие права должны быть закреплены в федеральном билле о правах и как должен выглядеть механизм их обеспечения.

Тем не менее, канадское законодательство становилось еще одной площадкой для обсуждения при формировании культуры прав в стране.

---

⁴⁸³ An Act to Protect Certain Civil Rights, S.S. 1947, c.35.

⁴⁸⁴ По словам Ф. П. Варко, будущего федерального министра юстиции: "Право подразумевает соответствующую обязанность другого лица или государства по отношению к лицу, обладающему правом; например, если человек имеет право на образование, то государство обязано его предоставить. Свобода, с другой стороны, — это выгода или преимущество, которое человек получает благодаря отсутствию наложенных на него юридических обязанностей" (См.: Canada. Special Joint Committee of the Senate and the House of Commons on Human Rights and Fundamental Freedoms. Ottawa: King's Printer, 1947. P. 132).

⁴⁸⁵ Canada. Special Committee on Human Rights and Fundamental Freedoms. Special Committee on Human Rights and Fundamental Freedoms. Ottawa: Queen's Printer, 1950. P. 89.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 174.

Как мы уже говорили, в канадской конституции не было билля о правах, и парламент обладал верховной властью. Судебная власть по конституции подчинялась законодательным органам и парламенту, хотя и отвечала за разрешение споров между федеральным правительством и провинциями по поводу надлежащего осуществления ими своих полномочий в соответствии с разграничением полномочий, закрепленным в конституции. В результате, когда судьи сталкивались с законодательством, ограничивающим гражданские свободы, единственным выходом для них было определить, был ли закон правильно применен/истолкован или подпадает ли он под соответствующую юрисдикцию. Например, если в провинции был принят закон, криминализирующий профсоюзы и мирные собрания их членов, ни один судья не мог отменить закон на том основании, что он нарушает свободу объединений или собраний. Но судья мог признать закон неправомерным, поскольку уголовное право относится к конституционной юрисдикции федерального правительства.

Тем не менее, суды не были абсолютно неэффективными. 1950-е годы были одним из тех моментов в истории Канады, когда гражданские свободы стали особенно часто выступать предметом рассмотрения Верховного суда Канады. В суд поступило несколько дел, которые поднимали вопросы о состоянии гражданских свобод в Канаде. Фрэнк Скотт, который выступал в Верховном суде как защитник по делу Ронкарелли, назвал 1950-е годы "преимущественно десятилетием прав человека"⁴⁸⁷.

Неудивительно, что четыре самых громких дела возникли в результате политики, проводимой при режиме Дюплесси и Верховный суд Канады встал на сторону обвиняемых в каждом случае. В деле *Boucher v the King* (1949) суд сузил определение подстрекательства к мятежу. Отменив обвинительный приговор, он пришел к выводу, что человек не может быть виновен в мятеже, если он просто разжигает недоброжелательность или враждебность. Обвиняемый также должен быть виновен в подстрекательстве к насилию против государства. Дело *Saumur v. City of Quebec and Attorney-General* (1953) представляло собой запутанную смесь противоречивых судебных решений: судьи разделились во мнениях о том, является ли дело нарушением свободы вероисповедания и каковы полномочия провинциального или федерального законодательства в области гражданских свобод (один судья решил, что постановление нарушает Закон о свободе вероисповедания). К счастью для Сомюра, в итоге было принято решение, что арест был незаконным. В деле *Switzman v. Elbling* (1957) суд признал уже упомянутый нами закон о замках превышающим полномочия властей провинции, поскольку он действовал как уголовный

---

⁴⁸⁷ Scott F. *Essays on the Constitution: Aspects of Canadian Law and Politics*. Toronto: University of Toronto Press, 1977. P. 353.

закон. А в деле *Roncarelli v. Duplessis* (1959) Дюплесси был оштрафован на 8 000 долларов за превышение своих полномочий⁴⁸⁸.

Хотя эти дела напрямую не касались вопросов свободы мирных собраний, они были маркерами, указывающими на постепенное понимание необходимости конституционного закрепления прав и свобод человека. Тем не менее, вряд ли это победы в суде можно считать преобразующими. Каждое дело было решено на основании формального подхода и принципа разделения властей, а не закрепления верховенства гражданских свобод прав и свобод⁴⁸⁹. Иван Рэнд, один из самых уважаемых судей Верховного суда Канады в 1950-х годах, использовал эти и ряд других дел, как аргументы в пользу обсуждаемого билля о правах в канадской конституции. Однако эта идея не получила широкой поддержки среди других членов суда. В этот период Верховный суд никогда не вступал в серьезную дискуссию о правах человека. Вместо этого он отдельные судьи, высказывали свои частные мнения о необходимости более широком закрепления гражданских свобод в канадском законодательстве.

Также стоит отметить, что в конце 1940-х - 1950-е гг. был принят и ряд антидискриминационных нормативно-правовых актов таких как Закон о справедливой практике трудоустройства 1951 г., Закон о справедливом вознаграждении женщин-работниц 1951 г., Закон о справедливой практике размещения, 1954 г. и т. д.⁴⁹⁰. Однако даже такое ограниченное законодательство встретило активное сопротивление, что еще больше тормозило процесс законодательного закрепления права на мирные собрания. Культура прав в Канаде по-прежнему была основана на традиционных британских свободах, и политическая оппозиция опиралась на эту традицию. Премьер-министр Альберты Эрнест Мэннинг отклонил требования о принятии ряда законов гарантирующих права и свободы граждан на том основании, что "правительство предпочитает полагаться на те индивидуальные права и привилегии, которые установлены общим правом Англии и Британского Содружества"⁴⁹¹. Упомянутый выше Дюплесси полностью отверг идею законодательства о правах; квебекцам, настаивал он, нужно лишь читать Библию. Другие просто считали, что эти законы гарантирующие права и свободы не нужны или окажутся неэффективными. В Британской Колумбии, например, во время дебатов вокруг Закона

---

⁴⁸⁸ См.: *Boucher v The King* (1949) 95 CCC 119; *Saumur v City of Quebec* (1953) SCR 265; *Switzman v Elbling and Attorney-General of Quebec* (1957) SCR 285 ; *Roncarelli v Duplessis* (1959) SCR 121.

⁴⁸⁹ Анализируя дело Ронкарелли, канадский правовед Адамс приходит к выводу, что "правовое государство по мнению судьи Верховного канадского суда Ивана Рэнда было основано на судебном обеспечении административной рациональности, а не на господстве прав человека" (См.: Adams E. Building a Law of Human Rights: *Roncarelli v Duplessis* in *Canadian Constitutional Culture*. McGill Law Journal 55, no. 3, 2010. P. 449).

⁴⁹⁰ См.: *The Fair Employment Practices Act*, S.O. 1951, c.24; *The Fair Accommodation Practice Act*, S.O. 1954, c.28; *The Female Employees Fair Remuneration Act*, S.O. 1951, c.26.

⁴⁹¹ Riddell M. *The Evolution of Human Rights Legislation in Alberta, 1945–1979*. Edmonton: Government of Alberta, 1978–79. P.6.

о справедливой практике трудоустройства 1956 года один из членов Законодательного собрания настаивал на том, что "дискриминация по любым признакам, предусмотренная этим законопроектом, практически не существует... Кроме того, вы просто не можете законодательно ввести людей в Царство Небесное"⁴⁹².

Следующим знаковым событием в области закрепления права на мирные собрания стал Федеральный билль о правах 1960 года. Изначально премьер-министр Джон Дифенбейкер планировал закрепить билль о правах в конституции, по опыту США. Однако его оппоненты, ссылаясь на принцип парламентского верховенства, пресекли любую попытку внести поправки в конституцию. Билль был принят просто как федеральный закон. Хотя данный Билль в пункте «е» ст. 1. закрепил право на мирные собрания, на практике он оказался неэффективным. Из тридцати пяти исков, поданных на основании этого закона в период с 1960 по 1982 год, только пять были удовлетворены, и только один привел к отмене закона, принятого властями провинции⁴⁹³.

Недействующий Билль о правах был лишь одним из показателей слабой культуры прав, которая еще не создала надежных гарантий против нарушений государством гражданских свобод. Забастовка Международной ассоциации деревообработчиков Америки в 1959 году, один из самых жестоких трудовых споров в истории Ньюфаундленда, в результате которого погиб один человек, стала еще одним ярким напоминанием об уязвимости гражданских свобод канадцев. Столкнувшись с разрушительной забастовкой в одной из ключевых отраслей промышленности, которая тем не менее носила мирный характер, правительство Ньюфаундленда пошло на экстраординарный шаг - приняло чрезвычайное законодательство, которое уполномочивало правительство распускать любой профсоюз, запрещать пикетирование и привлекать к ответственности любой профсоюз за действия его членов, включая их собрания. Данный закон был осужден Канадским конгрессом труда и Международной организацией труда.

Прогресс в области прав человека в этот период, возможно, был минимальным, но это были важные шаги⁴⁹⁴. В прошлом права на свободу слова, собраний и объединений трактовались как право выражать предвзятые идеи и отказывать в обслуживании определенным группам людей. В отличие от этого, новое законодательство представляло собой фундаментальный сдвиг,

---

⁴⁹² Fair Employment Practices Act, S.B.C. 1956, c.16.

⁴⁹³ Knopff R., Morton F. L. The Charter Revolution and the Court Party. Peterborough: Broadview Press, 2000. P. 14.

⁴⁹⁴ Стоит отметить, что в ряде исследований канадских ученых, посвященных истории прав человека, делается вывод о том, что до 1970-х годов тормозящее влияние на прогресс в области прав человека оказывала "холодная война" (См., например: Sellars K. The Rise and Rise of Human Rights. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2002 ; Mazower M. The Strange Triumph of Human Rights, 1933–1950. Historical Journal 47, no. 2, 2004. Pp. 379–98 ; Gordon N., Wood B. Canada and the Reshaping of the United Nations. International Journal 47, no. 3, 1991. Pp. 479–503).

разворот традиционного представления о правах граждан в сторону включения государства в качестве защитника прав человека на определенные свободы. По сути, это было революционное изменение в определении свободы личности.

Одной из областей, которая оставалась невосприимчивой к этим изменениям, была внешняя политика. В этот период права человека просто не были ее приоритетом. В первой половине двадцатого века Канада приняла на себя некоторые незначительные международные обязательства в области прав человека: Канадцы участвовали в Парижской мирной конференции в 1919 году, подписали Версальский договор и вступили в Лигу Наций. Но Канада вряд ли стремилась продвигать права человека за рубежом. Как отметил в 1948 году Джон Хамфри, канадец, помогавший в разработке проекта Всеобщей декларации прав человека: "Я знал, что международное продвижение прав человека не имеет приоритета в канадской внешней политике"⁴⁹⁵.

Историческая ирония заключается в том, что в тот же год, когда федеральное правительство отказывало в соблюдении процессуальных норм подозреваемым в шпионаже и лишало права голоса или собраний канадцев японского происхождения, оно получило из Сан-Франциско сообщение о том, что ООН разрабатывает проект Всеобщей декларации прав человека (далее - ВДПЧ). ВДПЧ вызвала серьезную озабоченность в Канаде, особенно среди Канадской ассоциации юристов и ведущих членов федерального кабинета министров⁴⁹⁶. Давление со стороны союзников заставило Канаду поддержать ВДПЧ при окончательном голосовании в 1948 году, однако Канада присоединилась к Южной Африке, Великобритании, Австралии и Соединенным Штатам, потребовав включить в документ пункт о внутренней юрисдикции, чтобы предотвратить вмешательство ООН в свои дела⁴⁹⁷. Официально федеральное правительство настаивало на том, что оно обеспокоено нарушением юрисдикции провинций. В частном порядке премьер-министр гораздо больше опасался, что декларация может быть использована "для провоцирования спорной, пусть даже несправедливой критики правительства"⁴⁹⁸. История подтвердила его правоту.

По состоянию на 1962 год федеральное правительство еще не приняло права человека, в том числе право на мирные собрания, в качестве приоритета внешней политики. Канада пошла настолько далеко, что

---

⁴⁹⁵ Шабас также заявляет: "В документе из 112 параграфов под названием "Мнения Канады по вопросам, рассматриваемым в Организации Объединенных Наций", подготовленном чиновниками из отдела внешних сношений для Ассамблеи ООН, Декларация прав человека даже не упоминалась" (Цит. по: Schabas W. Canada and the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights. McGill Law Journal 43, no. 2, 1998. P 424).

⁴⁹⁶ См., например: Hobbins A. J. Eleanor Roosevelt, John Humphrey, and Canadian Opposition to the Universal Declaration of Human Rights: Looking Back on the 50th Anniversary of the UDHR. International Journal 53, no. 2, 1998. Pp. 325–42.

⁴⁹⁷ Mazower M. The Strange Triumph of Human Rights, 1933–1950. P. 394–395.

⁴⁹⁸ Schabas W. Canada and the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights. P. 427.

сослалась на принцип государственного суверенитета, выступая против вмешательства в связи с грубыми нарушениями прав человека в Южной Африке в 1955 году (а затем в Нигерии в 1968 году)⁴⁹⁹. Термины "права человека" и "гражданские свободы" ни разу не встречаются в публикации "Документы внешних сношений" за период между 1946 и 1960 годами. "Раннее отношение Канады к деятельности ООН в области прав человека, - объясняет Кэтал Нолан, - было явно апатичным и даже несколько самодовольным. Оттава считала предложение США по правам человека в лучшем случае ошибочным, а в худшем - неправомерным вмешательством во внутренние дела государств"⁵⁰⁰. Канадская внешняя политика отдавала предпочтение вопросам государственного суверенитета в ущерб вмешательству в вопросы защиты прав человека⁵⁰¹. Поддержка прав человека, особенно в рамках ООН, первоначально основывалась на холодном расчете собственных интересов: "Оттава постепенно смирилась с международной защитой прав, потому что пришла к убеждению, что популярность этой идеи может помочь удержать на плаву ООН и тем самым обеспечение безопасности, которую, как считалось, многостороннее государственное устройство еще должно было держать в своих руках".

В послевоенном общественном дискурсе в Канаде наиболее примечательным является то, что термин "права человека" использовался редко. Наиболее распространенной темой было злоупотребление государством гражданскими свободами подозреваемых в совершении преступлений, внимание права на мирные собрания уделялось очень мало. Вообще, члены парламента и неправительственные организации формулировали свои проблемы, используя язык гражданских свобод - термин "права человека" почти никогда не появлялся ни в печатных СМИ, ни в парламенте. Господствующий дискурс по-прежнему основывался на ссылках на традиционные британские свободы.

Первые беспартийные ассоциации, занимавшиеся продвижением прав для всех граждан, а именно Канадский союз гражданских свобод и Ассоциация гражданских свобод, были явно ориентированы именно на гражданские свободы. Не было никаких самопровозглашенных "правозащитных" ассоциаций. В учредительных документах этих организаций

---

⁴⁹⁹ Nossal K. *Cabin'd, Cribb'd, Confin'd: Canada's Interests in Human Rights*. In *Human Rights in Canadian Foreign Policy*, edited by Robert O. Matthews and Cranford Pratt. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1988. P. 50.

⁵⁰⁰ Nolan C. *Reluctant Liberal: Canada, Human Rights, and the United Nations*. *Diplomacy and Statecraft* 2, no. 3, 1990. Pp. 287-288.

⁵⁰¹ «Однако в большинстве своем внешняя политика отражала приверженность государственному суверенитету и готовность принимать, а то и уважать различные ценности и традиции, а также различные государственные практики. Она также поддерживала мнение о том, что интервенции по любым причинам представляют собой нарушения международного порядка и не должны допускаться» (См.: Gecelovsky P., Keating T. *Liberal Internationalism for Conservatives: The Good Governance Initiative*. In *Diplomatic Departures: The Conservative Era in Canadian Foreign Policy, 1984-1993*, edited by Kim Richard Nossal and Nelson Michaud. 194-207. Vancouver: UBC Press, 2001. P. 42).

права определялись как гражданские свободы - в частности, как гражданские и политические права. Например, деятельность такой организации как Чрезвычайный комитет по защите гражданских свобод, была посвящена "основным правам и свободам британских граждан"⁵⁰². Организации по защите гражданских свобод выступали за свободу слова, ассоциаций, собраний, религии, прессы и соблюдения процессуальных норм.

Можно отметить и такой факт - если в Канаде не было большого интереса к продвижению идеи прав человека, то за рубежом такого интереса не было вообще. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция разделяли опасения Канады в отношении ВДПЧ⁵⁰³. Ни одна из крупных держав не рассматривала права человека в то время в качестве приоритета внешней политики⁵⁰⁴. Даже Международная организация труда никогда не использовала язык прав человека, в том числе право на собрания рабочих, в своих конвенциях⁵⁰⁵. В послевоенный период права человека просто не пользовались популярностью: юристы-международники в подавляющем большинстве случаев отвергали их как основу международного права; антиколониальные движения использовали права человека не для продвижения индивидуальной свободы, а для целей формирования государства; ООН мало занималась продвижением прав человека; а общественные движения еще не приняли права человека в своих концепциях социальных изменений⁵⁰⁶.

Холодная война еще больше затормозила прогресс в области прав человека. В 1946 году в ходе так называемого опроса Гэллапа канадцев спросили, имеют ли коммунисты право на свободу слова и собраний: большинство ответило "нет". Результат был неудивительным, учитывая опасения по поводу надвигающегося конфликта с Советским Союзом⁵⁰⁷. Холодная война доминировала в международной и внутренней политике в ущерб прогрессу в области прав человека. Правительства часто отвергали опасения по поводу нарушений прав человека, поощряли маккартизм и жестокие

---

⁵⁰² Lambertson R. *Repression and Resistance: Canadian Human Rights Activists, 1930–1960*. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 63.

⁵⁰³ Moyn S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Boston: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. P. 156.

⁵⁰⁴ Moravcsik A. *The Paradox of U.S. Human Rights Policy*. In *American Exceptionalism and Human Rights*, edited by Michael Ignatieff. 147–96. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 178.

⁵⁰⁵ Maul D. *The International Labour Organization and the Globalization of Rights, 1944–1970*. In *Human Rights in the Twentieth Century*, edited by Stefan-Ludwig Hoffman. 301–20. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 305.

⁵⁰⁶ Moyn S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. P. 225.

⁵⁰⁷ В ходе опроса, проведенного компанией Gallup в 1949 году, респондентов спрашивали, верят ли они в полную свободу слова и собраний и должны ли люди иметь право в любое время говорить что угодно о правительстве и стране. Из 2019 респондентов 36,2 % ответили "нет", а еще 15 % не высказали своего мнения или ответили с оговорками. Четыре года спустя новый опрос показал, что 62 % респондентов выступают за ограничение свободы слова и собраний для коммунистов и только 26 % считают эти права фундаментальными. В то время опросы общественного мнения были еще в зачаточном состоянии и являлись грубой оценкой общего мнения, однако они демонстрируют, по крайней мере, существование мнения, симпатизирующего навязываемым государством ограничениям индивидуальных прав (Canadian Institute of Public Opinion/Gallup (1949), Canadian Gallup Poll 191. Poll retrieved 1 November 2011 from Carleton Data Centre/Roper Center for Public Opinion Research.).

нападки на профсоюзных активистов, обвиняя критиков в мягкости по отношению к коммунизму⁵⁰⁸.

И здесь целесообразно вновь вернуться к акту о военных мерах, который применялся в мирное время лишь дважды. Первым было "дело Гузенко" в 1946 году. Это событие, как мы помним, повлекло за собой широкие дебаты о гражданских свободах в Канаде. Октябрьский кризис 1970 года стал вторым и последним случаем применения военных полномочий в мирное время. Как и многие другие события этого периода, он не стал решающей причиной для установления верховенства прав человека, однако ознаменовал начало очередной эры.

4.3. Зарождение современной концепции свободы мирных собраний

Одна из радикальных организаций - Фронт освобождения Квебека (далее - FLQ) провела большую часть 1960-х годов, реализуя свое видение независимой социалистической квебекской нации с помощью совершения различных террористических актов. Одна из ячеек FLQ решила еще больше «повысить ставки» и 5 октября 1970 года, похитив под дулом пистолета британского торгового консула Джеймса Кросса. Пять дней спустя несколько человек из второй ячейки FLQ, вооруженные автоматами, застали министра кабинета министров Квебека Пьера Лапорта, который вместе со своими детьми играл в футбол на лужайке перед домом. Они затащили его в машину и держали в плену в доме в пригороде Монреаля.

Реакция правительства была предсказуемой. Как мы уже видели, в Канаде существует долгая история использования государством чрезмерных полномочий во время кризиса. В соответствии с полномочиями, предоставленными федеральным кабинетом министров на основании Закона о военных мерах, полиция провела более 3 000 обысков и задержала не менее 497 человек без предъявления обвинений или судебного ордера. Задержанным было отказано в применении процедуры habeas corpus, а многие из них содержались под стражей без связи с внешним миром. Кроме того, в стране была введена цензура на освещение событий касающихся действий FLQ, а мирные собрания в поддержку данной организации безжалостно разгонялись.

Октябрьский кризис вызвал новые национальные дебаты о гражданских свободах. В условиях кризиса возникло еще несколько организаций, защищающих гражданские свободы. Что примечательно, для выражения

---

⁵⁰⁸ Clarke F. Debilitating Divisions: The Civil Liberties Movement in Early Cold War Canada, 1946–8. In *Whose National Security? Surveillance and the Creation of Enemies in Canada*, edited by Gary Kinsman. 171–87. Toronto: Between the Lines, 2000. P. 182.

своего мнения в защиту основных прав и свобод, граждане Канады начали массово использовать свое право на мирные собрания. В частности, студенты и профсоюзные организации, устраивали массовые демонстрации с требованиями прекратить незаконные обыски и аресты. Также по всей стране прошли митинги протеста проходили в университетах и библиотеках. Однако, как и в 1946 году, канадцы, похоже, в основном смирились с приостановкой гражданских свобод. Опрос телеканала СТВ, опубликованный 15 ноября 1970 года, показал, что 87% канадцев одобрили применение Закона о военных мерах (только 5% высказались против). Несколько других опросов общественного мнения, опубликованных в 1971 году, подтвердили поддержку тактики федерального правительства. Из 12 000 писем, полученных премьер-министром Трюдо от общественности в связи с кризисом, лишь 2 % содержали критику его действий. Клод Райан, влиятельный редактор газеты *Le Devoir*, был обескуражен поддержкой, которой пользовался Трюдо за пределами Квебека: "Создавалось впечатление, что, за исключением нескольких голосов, вопиющих в пустыне, все критические размышления в английской Канаде практически прекратились"⁵⁰⁹. Тем не менее, дебаты, вызванные кризисом, ясно показали, что Закон о военных мерах плохо подходит для решения чрезвычайных ситуаций в наступающую эпоху прав человека.

Как известно, движение в сторону закрепления прав человека в основных документах, началось за пределами Канады вскоре после Второй мировой войны. Учредительный устав ООН включал мандат на поощрение прав человека. В 1948 году Организация американских государств разработала Американскую декларацию прав человека, а Генеральная Ассамблея ООН утвердила Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Всеобщую декларацию прав человека. Но именно ВДПЧ стала мощным символом новой эпохи. Антиколониальные движения, особенно в Африке, опирались на язык ВДПЧ⁵¹⁰. Двенадцать новых африканских государств частично или полностью включили ВДПЧ в свои конституции. Европейская конвенция о правах человека (1950), вдохновленная отчасти ВДПЧ, создала первый региональный механизм обеспечения прав человека - Европейский суд по правам человека. Первые глобальные договоры по правам человека - Международный пакт о гражданских и политических правах (1967) и Международный пакт об экономических, социальных и политических правах (1967) - также являлись наследием ВДПЧ. Также формировались и глобальные движения за права человека. Существовали Международная организация труда (1919), Международная федерация по правам человека (1922), Freedom

⁵⁰⁹ Claude R. Les retombées de la crise d'octobre au Canada Anglais. *Le Devoir*, 1 February 1971.

⁵¹⁰ Lauren P. *The Evolution of International Human Rights: Visions Seen*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 56.

House (1941), Международная лига за права человека (1942) и т. д. Соответственно, следуя веяниям данной эпохи, в Канаде в 1960-е годы были основаны десятки правозащитных организаций.

Однако "холодная война" продолжала сдерживать прогресс в области прав человека. Договоры стали пропагандистским инструментом, с помощью которого страны обвиняли друг на друга. Например, Советский Союз неоднократно указывал на случаи жестокой расовой дискриминации в Соединенных Штатах; в то же время американцы нападали на Советы за нарушение гражданских свобод - например, за ограничение свободного передвижения. В самые тяжелые моменты холодной войны нарушения прав человека внутри страны и за рубежом оправдывались как необходимые для победы над коммунизмом. В конечном итоге права человека изменили международную политику, когда холодная война пошла на убыль⁵¹¹.

Самым очевидным признаком того, что в Канаде назревает революция в области прав человека, стала широкомасштабная правовая реформа. В период с 1968 по 1971 год правительства всех провинций Канады инициировали широкомасштабные правовые реформы. Два крупных расследования проведенных в 1968 году Королевской комиссией Онтарио по гражданским правам и Комиссия Квебека по отправлению правосудия по уголовным и уголовно-исполнительным делам, привели к масштабным законодательным реформам, направленным на защиту индивидуальных прав. В ходе этих расследований были рассмотрены вопросы, касающиеся омбудсменов, юридической помощи, судов по делам несовершеннолетних и семейным делам, дознания коронеров, освобождения под залог, компенсации жертвам преступлений и рассмотрения апелляций. В рамках реформы также было принято законодательство о защите частной жизни от ненужного прослушивания телефонных разговоров или разглашение страховыми компаниями информации о своих клиентах. В 1969 году был принят сводный законопроект со 120 поправками к федеральным законам, частично легализовавшими аборт, ограничившими сферу действия ордеров на дачу показаний и ужесточившими уголовное наказание за жестокое обращение с животными⁵¹². Но самые значительные события на рубеже десятилетий были связаны с появлением новых общественных движений и парламентского комитета.

За этот короткий период правительство инициировали масштабные правовые реформы, а тысячи канадцев вступали в различные общественные

---

⁵¹¹ К 1970-м годам худшие проявления внутренней политики времен холодной войны в западных странах сошли на нет. Антикоммунистические чистки в профсоюзах и на государственной службе исчерпали себя; некоторые из наиболее возмутительных законов, ограничивающих основные права, были отменены; политические дебаты больше не опирались на риторику времен холодной войны. Коммунистическое движение в Канаде было уже не тем, что было раньше, а правозащитные ассоциации больше не были раздираемы внутренними идеологическими конфликтами.

⁵¹² Criminal Law Amendment Act, S.C. 1968-69, с.38.

движения. Первыми из новых организаций стали Ассоциация гражданских свобод Британской Колумбии (1962), Лига прав человека (1963) и Канадская ассоциация гражданских свобод (1964). В 1968 году федеральное правительство выделило 1 миллион долларов на организацию местных общественных групп для празднования двадцатой годовщины ВДПЧ. В каждой провинции было создано несколько правозащитных ассоциаций. Ассоциация прав человека Ньюфаундленда и Ассоциация прав человека Альберты, среди прочих, стали постоянными, независимыми общественными движениями. Каждая из них процитировала ВДПЧ, в том числе и положения касающиеся права на мирные собрания, в своем учредительном уставе.

Еще одним признаком того, что революция прав не за горами, стало едва заметное изменение политического дискурса вокруг конституции. Противники билля о правах обычно отдавали дань уважения принципу верховенства парламента. Как мы уже видели первым прорывом в традиционных убеждениях стал Билль о правах 1960 года, который, хотя и был обычным статутом, продемонстрировал, что кодификация прав не противоречит парламентской системе правления⁵¹³. Однако это был расплывчатый и ограниченный закон, содержащий лишь самые элементарные гражданские и политические права. Канадский ученый-конституционалист Франк Скотт презрительно отозвался об этом законе: "Этот претенциозный законодательный акт оказался столь же неэффективным, как и предсказывали многие из нас"⁵¹⁴. Только поправки к конституции могла преодолеть слабость Билля о правах. Пытаясь договориться с провинциями о внесении в конституцию поправок, закрепляющей Билль о правах, федеральное правительство в 1970 году создало Объединенный комитет Сената и Палаты общин. Хотя эта инициатива в конечном итоге провалилась, примечательно, что был достигнут консенсус в отношении того, что верховенство парламента больше не является препятствием для принятия билля о правах: "Парламентский суверенитет - не более священный принцип, чем уважение к свободе человека, которое отражено в Билле о правах. Законодательный суверенитет уже ограничен с юридической точки зрения распределением полномочий в рамках федеральной системы и, как некоторые считают, естественным правом или Биллем о правах по общему праву"⁵¹⁵.

Однако комитет не подверг глубокому сомнению культуру прав в Канаде. Провинции рассматривали гражданские свободы (прессы, слова, ассоциаций, собраний и религии), надлежащую правовую процедуру и право голоса как единственные подходящие права человека для конституции.

---

⁵¹³ Более подробно о истории дебатов вокруг федерального Билля о правах см.: Clément D. Указ соч.

⁵¹⁴ Frank Scott to Gordon Dowding, 20 September 1964, LAC, Frank Scott Papers, MG 30, D211, vol. 47.

⁵¹⁵ Canada. Special Joint Committee of the Senate and House of Commons on the Constitution of Canada: Final Report. Ottawa: Queen's Printer, 1972. Pp. 18-19.

Тем не менее, революция в области прав оказалась в лучшем случае несбыточным обещанием и ярким индикатором этого стало обеспечение права на мирные собрания. Так, например, в 1969 году, в разгар протестов, городской совет Монреаля принял билль 3926, который позволял Исполнительному совету принимать специальные меры, если были "разумные основания полагать, что проведение собраний, парадов или митингов вызовет беспорядки, поставит под угрозу безопасность, мир или общественный порядок". Иронично, что данный документ был озаглавлен как "Подзаконный акт, касающийся исключительных мер по обеспечению свободы гражданских свобод, регулированию использования общественного достояния и предотвращению беспорядков и других нарушений порядка, мира и общественной безопасности". Билль запрещал собрания, угрожающие общественному порядку, требовал от участников демонстраций воздерживаться от создания помех другим, запрещал "толкать" других и запрещал любые собрания, угрожающие миру. Поскольку в подзаконном акте не было определения незаконного собрания, под действие закона подпадала любая группа из двух и более человек⁵¹⁶.

На основании этого билля Исполнительный совет немедленно запретил "проведение любых собраний, парадов или митингов в общественных местах города Монреаля в течение тридцати дней", что послужило поводом для судебного обжалования⁵¹⁷. В этом решении, которое было принято еще до принятия Канадской хартии прав и свобод, большинство членов суда колебались в вопросе предоставления конституционной защиты публичным демонстрациям. Ссылаясь на "невнятность" понятия демонстрация, судья Верховного Суда Джин Битц в своем решении, которое было поддержано большинством постановил, что демонстрации не могут стать "частью языка". Таким образом, демонстрации не подлежат защите как часть свободы слова. Кроме того, Битц подчеркнул, что "право на проведение публичных собраний на шоссе или в парке неизвестно английскому праву". В результате это решение фактически позволило полностью запретить демонстрации в Канаде, поскольку оно подтвердило конституционность тридцатидневного запрета на проведение любых собраний, парадов или митингов в Монреале. Подобная ситуация потом возникнет и в 1971 году. Тем не менее, неизбежность перемен была очевидна. Неумолимая эволюция прав человека вскоре приведет к моменту в истории, который произведет революцию в культуре прав в Канаде.

---

⁵¹⁶ Более подробно см.: Marx H. Notes and Comments: The Montreal Anti-Demonstration Bylaw – 'Bed Everywhere.' *Manitoba Law Journal* 4, no. 1, 1970–1971. Pp. 347–56.

⁵¹⁷ *Dupond v City of Montreal et al.* [1978] SCR 770.

4.4. Канадская революция прав и свобод человека

Она началась в 1974 году, когда одна из провинций Канады - Британская Колумбия приняла Кодекс прав человека Британской Колумбии. Это был, пожалуй, один из самых прогрессивных законов о правах человека в мире. Он содержал все сильные стороны модели Онтарио, включая эффективный механизм правоприменения, а также включал, например, раздел о "разумных причинах"⁵¹⁸. В то время как другие законы о правах человека в Канаде ограничивались конкретными признаками, такими как раса или религия, положение о разумной причине запрещало все формы дискриминации, если обвиняемый не мог доказать наличие разумной причины. Но правовая реформа была лишь одним из примеров того, как права человека меняли канадское общество.

Продолжал развиваться и активный сектор общественных движений, различные сторонники которых в значительной степени формулировали свои претензии на языке прав человека. И после нескольких неудачных попыток в конституцию был внесен билль о правах.

Вообще, социальные движения в Канаде олицетворяли собой революцию прав. К началу 1980-х годов только федеральный государственный секретарь предоставлял финансирование более чем 3 500 общественным движениям⁵¹⁹. Заметным явлением в канадском общественном движении стало появление и развитие местных организаций по защите гражданских прав и свобод человека, в том числе и права на мирные собрания, по крайней мере, по одной в каждой провинции. Это событие было тем более удивительным, что в Канаде не было сильных традиций такой защиты. Такие движения символизировали сильные изменения в культуре прав в Канаде.

Через поколение после того, как федеральное правительство практически отвергло ВДПЧ, оно приняло права человека в качестве одного из важных компонентов внешней политики. В 1975 году федеральное правительство учредило Постоянный федеральный / провинциальный территориальный комитет официальных лиц по правам человека для проведения консультаций по международным договорам⁵²⁰. Заручившись согласием своих провинций, Канада в 1976 году присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах, а также к Международному пакту о социальных, экономических и культурных правах. Также Канада начала демонстрировать свою приверженность продвижению прав человека

---

⁵¹⁸ Human Rights Code of British Columbia Act, S.B.C. 1973, c.119.

⁵¹⁹ Pal L. *Interests of State: The Politics of Language, Multiculturalism, and Feminism in Canada*. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1993. P. 14.

⁵²⁰ Nossal K., Stéphane R., Paquin S. *International Policy and Politics in Canada*. Toronto: Pearson Canada, 2011. P. 38.

за рубежом, выступая на сессиях Комиссии по правам человека и аналогичных международных форумах⁵²¹.

Канада участвовала в переговорах с Советским Союзом, которые привели к заключению Хельсинкских соглашений в 1975 году. Среди прочего, эти соглашения обязывали каждую страну придерживаться ряда принципов в области прав человека. Эти международные обязательства предоставили парламентариям уникальную возможность принять участие в решении иностранных дел. Депутаты также все чаще участвовали в международных конференциях по правам человека в составе канадских делегаций в ООН и в качестве членов различных мониторинговых групп за рубежом⁵²². Со временем многие члены парламента приобрели ценный опыт и знания по вопросам прав человека и принесли их в парламент, где они продолжали оказывать давление на федеральное правительство с целью включения прав человека во внешнюю политику.

Кроме того, было много случаев, когда международные события оказывали влияние на внутреннюю политику Канады. В частности, политики могли апеллировать к международному законодательству в области прав человека при принятии противоречивых внутренних законов. Международный год прав человека не только способствовал появлению многочисленных правозащитных организаций, но и послужил толчком для принятия законов о правах человека в Британской Колумбии, Альберте, Нью-Брансуике и Ньюфаундленде. Политические лидеры часто ссылались на международные договоры по правам человека, обосновывая принятие законов о правах человека, в том числе федеральный Билль о правах (1960), Кодекс прав человека Онтарио (1962), Хартию прав и свобод человека Квебека (1975) и Закон о правах человека Юкона (1987)⁵²³.

Разумеется, забота о правах человека никогда не превалировала над экономическими и геополитическими интересами. Основные политические речи, посвященные правам человека во внешней политике, были явно недостаточно содержательными и часто отражали нежелание вмешиваться во внутренние дела других стран, какими бы репрессивными они ни были⁵²⁴. Федеральное правительство энергично сопротивлялось внутреннему давлению с целью вмешательства во внутренние дела даже самых репрессивных режимов, в том числе, когда речь шла о правах человека в странах Латинской Америке⁵²⁵. Несмотря на это, первые попытки Канады

---

⁵²¹ Nolan C. Human Rights in Canadian Foreign Policy. In *Human Rights in Canadian Foreign Policy*, edited by Robert O. Matthews and Cranford Pratt. 101–14. Montreal and Kingston: McGill–Queen’s University Press, 1988. P. 109.

⁵²² Nolan C. Influence of Parliament on Human Rights in Canadian Foreign Policy. *Human Rights Quarterly* 7, no. 3, 1985. P. 380.

⁵²³ Clément D. Human Rights in Canadian Domestic and Foreign Politics: From ‘Niggardly Acceptance’ to Enthusiastic Embrace. *Human Rights Quarterly* 34, no. 3, 2012. P. 765.

⁵²⁴ Blanchette A. *Canadian Foreign Policy, 1945–2000: Major Documents and Speeches*. Kemptville: Golden Dog Press, 2000. P. 112.

⁵²⁵ Pries K. *Repression, Freedom, and Minimal Geography: Human Rights, Humanitarian Law, and Canadian Involvement in El Salvador, 1977–1984*. MA thesis, Queen’s University, 2007. P. 41.

увязать права человека с иностранной помощью стали поразительной переменной для страны, в которой еще недавно не было ни правозащитного движения, ни законов о правах человека, ни озабоченности нарушениями прав человека за рубежом, и которая выступала против ВДПЧ.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что в 1970-х годах начался период беспрецедентной правовой реформы. Ни в один другой период истории Канады политики не брали на себя столь серьезных обязательств по кодификации прав в законе. В 1971 году первым законопроектом, внесенным в Альберте после победы Прогрессивно-консервативной партии Питера Лугида над Партией социального кредита, которая находилась у власти тридцать шесть лет, стал Билль о правах. Четыре года спустя правительство Квебека приняло свой собственный закон о правах человека: Хартию прав человека и основных свобод. Каждый из этих законопроектов признавал право на свободу слова, объединений, собраний, религии, соблюдение процессуальных норм и право голоса. Правда, эти законопроекты носили скорее статутный, чем конституционный характер, и сомнительно, что провинции вообще обладают юрисдикцией для принятия законов о гражданских свободах. Тем не менее, это были значимые символы новой эпохи.

Федеральный закон о правах человека, принятый в 1977 г., завершил общенациональные усилия по закреплению прав человека в законодательстве⁵²⁶. Менее чем за поколение канадцы создали один из самых сложных правовых режимов прав человека в мире. По всей стране наблюдалось удивительное единообразие: федеральное и провинциальное законодательство, за несколькими примечательными исключениями, основывалось на первоначальной модели Онтарио

Канадская система защиты прав человека была одной из самых всеобъемлющих в мире. Особенно примечательно то, что никто не возражал против Закона о правах человека в принципе. Тридцатью годами ранее противники такого законодательства настаивали на том, что нарушения прав человека в Канаде не являются существенным и совершаются во имя благой цели борьбы с коммунизмом.

Аналогичный консенсус сложился вокруг Канадской Хартии прав и свобод (далее – Хартия). К 1980-м годам почти никто не оспаривал легитимность билля о правах на основе принципа парламентского верховенства⁵²⁷. Эволюция культуры прав в Канаде особенно поразительна, если

---

⁵²⁶ British Columbia Archives, G 85 168, box 4, f. case summaries, memorandum Hanne Jensen to Jack Heinrich, 17 March 1982.

⁵²⁷ Оглядываясь назад, поражаешься, насколько ограниченной оказалась поддержка парламентского верховенства, символа нашей былой связи с Британией, в ходе финальных дебатов, приведших к принятию Хартии... Оглядываясь назад, как показывает поддержка Хартии, теперь кажется, что поддержка парламентского верховенства проистекала из имперских связей и не имела крепких корней (См.: Cairns A. The Past and Future of the Canadian Administrative State. University of Toronto Law Journal 40, no. 1, 1990. P. 334).

рассмотреть, как парламентские слушания 1980 и 1981 годов отличались от слушаний 1940-1950-х годов по биллю о правах.

Федеральное правительство созвало Специальный объединенный комитет (из представителей Палаты общин и Сената) по Конституции, чтобы провести консультации по поводу предложенной Хартиид. Предполагалось, что заседания этого комитета продлятся несколько недель. В итоге на это ушел почти год: сотни людей прислали письма или приехали в Оттаву, чтобы представить свои доклады. Если в 1977 году только шесть организаций общественного движения выступили в парламенте с докладами по Закону о правах человека, то в 1980 году в Оттаву приехали представители девяноста организаций. В общей сложности 323 организации и 639 человек представили свои предложения. Ни разу в истории Канады государство не проводило столь широких консультаций с канадцами по вопросам прав человека, в том числе по вопросам, касающимся обеспечения права на мирные собрания.

4.5. Проблемы «независимости» права на мирные собрания на современном этапе

Принятие Хартии, которая является основным нормативно-правовым актом, защищающим права и свободы Канадцев на современном этапе, радикально изменило подход к защите права на мирные собрания. Подразделы 2(b) и 2(c) Хартии, закрепляющие основные свободы выражения мнений и мирных собраний - теперь рассматриваются как "необходимые для функционирования свободного и демократического общества"⁵²⁸. Все свободы, гарантированные Хартией (например, свобода религии, свобода выражения мнений, свобода мирных собраний, свобода ассоциаций и т. д.), защищают "права, основополагающие для либерального демократического общества Канады"⁵²⁹. Например, в 1999 году муниципальный суд Квебека постановил, что "право на мирный протест является важнейшим инструментом демократии для продвижения законных интересов, повышения осведомленности общественности и влияния на правительство"⁵³⁰. Не так давно высший суд Квебека также заявил, что доступ демонстрантов в общественные места (например, на дороги и в парки) с целью проведения демонстраций теперь защищен канадским, американским и международным правом⁵³¹. Однако даже несмотря на этот прогресс, как показывает анализ правоприменительной практики, место права на

⁵²⁸ Garbeau c Montréal (Ville de), 2015 QCCS 5246 at para 1. См. также: R v Singh, 2011 ONSC 717 at para 39.

⁵²⁹ Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General), 2015 SCC 1 at para 48.

⁵³⁰ R c Lebel, [1999] JQ No 4995 at para 83.

⁵³¹ Garbeau c Montréal (Ville de), 2015 QCCS 5246 at para 120-156.

мирные собрания в правовой системе до сих пор четко не определено. В частности, не решен вопрос о самостоятельности данной свободы в канадском законодательстве.

Вместо того чтобы проводить отдельный анализ свободы мирных собраний, канадские судьи, как правило, рассматривают соответствующие иски через призму свободы выражения мнения⁵³². Это привело к тому, что в современной судебной практике практически нет подробного анализа подраздела 2(с) Хартии. В частности, отсутствие внимания к мирным собраниям вызывает опасения относительно стагнации законодательства в данной области и эффективности мирных собраний как индивидуальной свободы для защиты демонстраций. В свете того, что в последнее время часто происходят "массовые аресты", даже если большинство участников не проявляли насилия, квебекский правовед Габриэль Бабино подчеркнул необходимость правовой защиты демонстрантов, которые остаются мирными⁵³³. Аналогичным образом бывшая судья Натали де Розье отметила, что: «В реальности протесты происходят по принципу непрерывной агрессии. ... Должна быть создана правовая база, которая отражает различные виды протеста и предлагает пропорциональный ответ. ... Именно тогда, когда протесты нарушают повседневную деятельность населения, необходима конституционная защита»⁵³⁴.

Соответственно, авторы ставят перед собой две цели: 1) подвергнуть критике анализ свободы выражения мнения, применяемый в настоящее время Канадскими судами при рассмотрении исков о мирных собраниях; 2) провести доктринальный анализ канадского законодательства и правоприменительной практики для лучшего понимания потенциальных достоинств и особенностей обеспечения права на свободу мирных собраний по Хартии на современном этапе.

Как отмечалось выше, в настоящее время суды подменяют анализ права на мирные собрания анализом свободы выражения мнения. Иными словами, суды склонны рассматривать оспариваемые законы и деятельность, которой они препятствуют, через призму выражения мнения, а не в рамках, характерных для мирных собраний. Это создает две проблемы для последовательного развития свободы мирных собраний.

---

⁵³² См., например: *Smiley v Ottawa (City)*, 2012 ONCJ 479 at para 41 ; *R v Behrens*, [2001] OJ No 245 (Ct J) at para 36.

В некоторых случаях суды сами отмечали, что вопросы мирных собраний "подменяются" анализом свободы выражения мнений, которым в конечном итоге и завершаются (См., например: *Figueras v Toronto Police Services Board*, 2015 ONCA 208 at para 78 ; *British Columbia Teachers' Federation v British Columbia Public School Employers' Assn*, 2009 BCCA 39 at para 39).

⁵³³ Бабино заявил, что мирный аспект собраний должен быть "тесно связан" с концепцией насилия (См.: *Babineau G. La manifestation: une forme d'expression collective. Les Cahiers de droit*, Volume 53, numéro 4, décembre 2012. P. 761).

⁵³⁴ *Rosiers N., Dushman A. (eds.). Putting the State on Trial: The Policing of Protest during the G20 Summit. Vancouver: UBC Press, 2015. P. 322-323.*

Во-первых, мирные собрания выглядят как производная от выражения мнения, а не как самостоятельная свобода, что обуславливается историческими британскими традициями, рассмотренными нами в главе посвященной праву на мирные собрания в Великобритании. Несмотря на очевидное совпадение со свободой выражения мнения, в Хартии мирные собрания перечислены отдельно, а не как часть защиты, включенной в раздел со свободой выражением мнения⁵³⁵. Примечательно, что свобода мирных собраний прямо не включена в "свободу мысли, убеждений, мнений и их выражения, включая свободу прессы и других средств коммуникации", перечисленную в подразделе 2(b). Такое различие должно быть обусловлено какой-то целью, тем более что существует презумпция против тавтологии⁵³⁶. Разделение в формулировке отражает, ту мысль, что мирные собрания — это уникальная коллективная и выразительная деятельность, которая имеет основания и вопросы, заслуживающие отличия от тех, которые включены в хартийную гарантию свободы на выражение мнения. Свобода мирных собраний, несомненно, заслуживает особого внимания, учитывая ее роль в канадском и других либерально-демократических обществах, как исторически, так и в последнее время. Соответственно, мирные собрания должны рассматриваться "как независимое право с независимым содержанием, необходимое для развития и поддержания энергичного гражданского общества, на котором зиждется наша демократия"⁵³⁷.

Во-вторых, трудно разработать необходимое содержание и проанализировать право на свободу мирных собраний в полном объеме, если канадские суды будут по-прежнему сосредоточены на применении устоявшегося законодательства о свободе выражения мнений⁵³⁸.

Учитывая, что в современном обществе демонстрации по-прежнему используются для выражения несогласия, свобода мирных собраний заслуживает отдельного самостоятельного закрепления и развития. Демонстрации являются важной частью и истории Канады. В качестве примера можно привести Всеобщую забастовку в Виннипеге и демонстрации во время Великой депрессии⁵³⁹. Примечательно, что не так давно, в Квебеке прошло сразу несколько судебных разбирательств, что отчасти стало результатом более активной демонстрационной деятельности студентов высших учебных заведений после того, как правительство провинции Квебек предложило значительно

---

⁵³⁵ Charter, 2(b)(c).

⁵³⁶ Sullivan R. Sullivan on the Construction of Statutes, 6th ed. Markham, ON: LexisNexis, 2014. At paras 8.23-8.27.

⁵³⁷ Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General), 2015 SCC 1. At para 49.

⁵³⁸ Примеры см. в деле Batty v Toronto (City), 2011 ONSC 6862, paras 76ff [Batty] ; Calgary (City) v Bullcock cob Occupy Calgary), 2011 ABQB 764, paras 31ff [Occupy Calgary].

⁵³⁹ Rosiers N., Dushman A. (eds.) Putting the State on Trial: The Policing of Protest during the G20 Summit. P. 5-9.

повысить плату за обучение в 2012 году⁵⁴⁰. Эти примеры отражают тот факт, что свобода мирных собраний является новым, постоянным и высокостатусным вопросом в конституционном праве Канады.

Чтобы понять, проблемы формирования независимой свободы мирных собраний в Канаде, полезно сначала рассмотреть некоторые вопросы, связанные с основными свободами, а также их применимость к мирным собраниям. Раздел 2 Хартии гарантирует четыре основные свободы: свободу вероисповедания (ст. 2(a)), свободу выражения мнения (ст. 2(b)), свободу мирных собраний (ст. 2(c)) и свободу ассоциации (ст. 2(d))⁵⁴¹.

Что касается общей роли этих четырех свобод в канадском обществе, то судья Диксон сделал несколько часто цитируемых комментариев в деле *R v Big M Drug Mart Ltd*, касающемся свободы религии. Например, он отметил, что "свободное общество" стремится к равному пользованию свободами и что вариативность, а не единообразие, является ключевым аспектом "действительно свободного общества"⁵⁴². Важно отметить, что он также заявил, что "свобода в первую очередь характеризуется отсутствием принуждения или ограничений", так что человек может "действовать по собственной воле"⁵⁴³.

Одной из основных целей Хартии является защита в пределах разумного от принуждения или ограничения. Принуждение включает в себя не только такие явные формы принуждения, как прямые приказы действовать или воздерживаться от действий под страхом наказания, но и косвенные формы контроля, которые определяют или ограничивают альтернативные варианты поведения, доступные другим. Свобода в широком смысле включает в себя как отсутствие принуждения и ограничений, так и право исповедовать свои убеждения и практику. Свобода означает, что, с учетом ограничений, необходимых для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или морали, а также основных прав и свобод других людей, никто не должен быть принужден действовать вопреки своим убеждениям или совести⁵⁴⁴.

Диксон подчеркнул, что свободы направлены на ограничение принуждения и запретов. Соответственно, неудивительно, что свободы, как правило, налагают на государственные органы негативные обязательства (т.е. не вмешиваться), а не позитивные (т.е. активно защищать, помогать или содействовать свободам), за исключением исключительных обстоятельств⁵⁴⁵. В целом, канадские суды, скорее всего, будут толковать

---

⁵⁴⁰ Более подробно, см.: *Villeneuve c Montréal (Ville de)*, 2016 QCCS 2888 at para 100; *Québec (Ville de) c Bérubé*, 2016 QCCM 122 at paras 62-88 and 122 [*Bérubé*], *aff'd* 2017 QCCS 5163.

⁵⁴¹ Суды часто используют выражения "свобода религии" и "свобода выражения мнения" как краткие формы для обозначения связанных с ними свобод (например, "свобода совести и религии" и "свобода мысли, убеждений, мнений и их выражения, включая свободу прессы и других средств коммуникации"). Аналогично, в данной работе для удобства используются эти же краткие формы.

⁵⁴² *R v Big M Drug Mart Ltd*, [1985] 1 SCR 295. P. 336.

⁵⁴³ *Ibid.*

⁵⁴⁴ *Ibid.* P. 336-37.

⁵⁴⁵ См.: *Delisle v Canada (Deputy Attorney General)*, [1999] 2 SCR 989 at paras 25-29 & 33 ; *Dunmore v Ontario (Attorney General)*, 2001 SCC 94 at paras 19-29.

отдельно взятую свободу мирных собраний и соответствующие обязательства государства аналогичным образом, делая акцент в основном на негативных обязательствах.

Хотя такой общий подход был бы уместен в отношении многих вопросов, связанных с мирными собраниями (например, о том, хотят ли люди собираться и как они собираются, а также о различных проблемах, которые могут возникнуть в результате собрания), особый характер свободы мирных собраний, требует более глубокого анализа с учетом соответствующих обязательств государства и общества. В частности, важно, чтобы обязательства государства были тщательно прописаны в контексте демонстраций. Собрания — это коллективные действия, для эффективного проведения которых необходимо физическое пространство; однако государство часто контролирует или регулирует такое пространство (например, места перед правительственными зданиями или рядом с ними, дороги и парки). Демонстрации также часто являются средством выражения несогласия с властью. Кроме того, суть демонстраций заключается в их разрушительности или способности привлечь внимание. Это неизбежно влечет за собой взаимодействие с правоохранительными органами, а также взаимодействие с правами, общественными нормами и ожиданиями других людей⁵⁴⁶. К государственным органам должны быть применимы особые соображения, касающиеся обязательств государства, для обеспечения возможности проведения мирных собраний и не препятствования им. Такой подход требует отдельного и более полного анализа со стороны судебных органов.

Более того, общее нежелание судов налагать на государство позитивные обязательства в контексте свобод предусмотренной Хартией не означает, что применение основных свобод характеризуется только негативно. Это особенно верно, когда проблема рассматривается с точки зрения потенциальных истцов. Например, свобода религии включает в себя "право верить... во что пожелает, открыто заявлять о своих убеждениях, ... исповедовать свою религию в соответствии с ее догматами [и] ... преподавать и распространять свои убеждения"⁵⁴⁷. Хотя судья Лебел посчитал эти элементы "положительными аспектами" свободы религии⁵⁴⁸, их можно рассматривать как положительные только с точки зрения заявителей. С другой стороны, свобода религии также включает в себя "право не быть принужденным к принадлежности к определенной религии или к действиям, противоречащим его религиозным убеждениям" - право, сформулированное

---

⁵⁴⁶ Rosiers N., Deshman A. (eds.). Putting the State on Trial: The Policing of Protest during the G20 Summit. P. 322-323.

⁵⁴⁷ Congrégation des témoins de Jéhovah de St-Jérôme-Lafontaine v Lafontaine (Village), 2004 SCC 48 at para 65.

⁵⁴⁸ Ibid. Para 65.

в негативном ключе⁵⁴⁹. И снова суды формулируют свободу религии негативно, но таким образом, что право на нее имеют заявители, а не правительство. Акцент здесь делается не на том, чтобы обязать государство воздерживаться от ограничений и принуждения; скорее, заявители имеют право вести свою деятельность и быть свободными от ограничений и принуждения со стороны государства.

Свобода ассоциации рассматривается судами аналогичным образом. Она включает в себя негативную прерогативу не объединяться (т. е. не быть частью союза или другой группы), а также различные позитивные элементы, такие как право объединяться с другими людьми в ассоциации, отстаивать конституционные права и "на равных встречаться с властью и силой других групп или организаций"⁵⁵⁰. Аналогичным образом, свобода выражения мнения подразумевает позитивное право выражать себя различными способами⁵⁵¹. Оно также интерпретируется как включающее негативное право - не быть принужденным к выражению чего-либо (например, "ничего не говорить или... не говорить определенных вещей")⁵⁵².

Эти примеры не являются исчерпывающими, но они показывают, как суды в Канаде могут и должны использовать точку зрения истца для толкования объема независимой свободы собраний. Примеры также иллюстрируют, как содержание каждой свободы становится более ясным и практически конкретным, если рассматривать ее преимущественно с точки зрения истца. Вполне вероятно, что суды будут анализировать, толковать и применять свободу мирных собраний так же, как и другие основные свободы, учитывая присущее им синтаксическое и семантическое сходство. Например, с точки зрения истца, существует право провести мирное собрание или присоединиться к нему, либо отказаться от этого. Мирное собрание должно быть способно привлечь внимание и интерес общества к проблемам, и, наконец, мирное собрание — это способ общения с властью имущими и оказания на них влияния, особенно когда возможности добиться перемен другими способами ограничены или отсутствуют. Как и в случае с другими основными свободами, свободная свобода мирных собраний также будет со временем практически развиваться.

Несмотря на новый подход к применению свободы мирных собраний, известно, что суды обязаны использовать расширенный и целенаправленный подход при толковании Хартии⁵⁵³. Они определяют сферу применения такой свободы, как мирные собрания, анализируя ее цель

---

⁵⁴⁹ Ibid.

⁵⁵⁰ Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General), 2015 SCC 1 at para 65-66.

⁵⁵¹ См. например: Halsbury's Laws of Canada, Constitutional Law: Charter of Rights, "Fundamental Freedoms: Freedom of Expression: Specific Types of Expression" (VI.2(2)) at HCHR-40.

⁵⁵² См. например: Slight Communications Inc v Davidson, [1989] 1 SCR 1038 at 1048 & 1080.

⁵⁵³ Hunter v Southam Inc, [1984] 2 SCR 145 at 155-56.

"в свете интересов, которые она призвана защищать"⁵⁵⁴. Суды проводят такой анализ со ссылкой на характер и широкие цели самой Хартии, на язык, выбранный для формулирования конкретного права или свободы, на исторические объекты закрепленных концепций и, где это применимо, на смысл и цель других конкретных прав и свобод, с которыми они связаны в тексте Хартии⁵⁵⁵.

Хартия должна быть "помещена в надлежащий лингвистический, философский и исторический контекст"⁵⁵⁶. При этом судам предписано применять "контекстуальный подход, основанный на деятельности", который рассматривает "рассматриваемую деятельность в ее полном контексте и истории" при рассмотрении основных свобод⁵⁵⁷.

Как будет показано далее, свободы в Канаде различаются по тому, как определяются их соответствующие сферы действия для целей определения нарушений конституции. Однако ни одна из свобод не является неограниченной с точки зрения того, что она включает. Соответственно ограничивающие факторы неизбежно влияют на решения судов о том, что включается или исключается из сферы действия каждой свободы. Например, хотя в подразделе 2(с) содержится единственная явно квалифицированная свобода (т. е. "мирные собрания"), все остальные свободы толкуются как исключающие насилие или нанесение вреда здоровью из сферы их действия. Религиозная практика не может причинять вред другим людям или их праву придерживаться собственных убеждений⁵⁵⁸. Защищаемые формы выражения мнения также не включают в себя те, которые являются насильственными⁵⁵⁹. Аналогичным образом не защищается ассоциативная деятельность, связанная с насилием⁵⁶⁰. В случае со свободой мирных собраний модификатор "мирные" в конечном итоге подтверждает подход, уже принятый в отношении других свобод Хартии. Следует также отметить, что международные обязательства Канады и соответствующие аналитические материалы могут дать определенное представление о том, как суды будут подходить и формировать гораздо менее обсуждаемую, по сравнению с другими, и все еще развивающуюся свободу мирных собраний, закрепленную в Хартии.

Ключевой вопрос толкования заключается в том, будут ли канадские суды при независимом анализе мирных собраний ориентироваться на индивидуальные или коллективные права. Хотя одной из функций Хартии является "неустанная защита индивидуальных прав и свобод"⁵⁶¹, это

---

⁵⁵⁴ R v Big M Drug Mart Ltd. P. 344.

⁵⁵⁵ Ibid.

⁵⁵⁶ Ibid.

⁵⁵⁷ Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General), 2015 SCC 1 at para 47-48.

⁵⁵⁸ R v Big M Drug Mart Ltd. P. 346.

⁵⁵⁹ Irwin Toy Ltd v Quebec (Attorney General), [1989] 1 SCR 927. P. 970.

⁵⁶⁰ Suresh v Canada (Minister of Citizenship and Immigration), 2002 SCC 1, at para 107.

⁵⁶¹ Hunter v Southam Inc at 155.

не означает, что права Хартии не имеют коллективного измерения. Так, в деле *Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General)*, Верховный суд Канады четко указал, что "Хартия не исключает коллективных прав" и что "ее гарантии по ст. 2 распространяются на группы людей"⁵⁶². В поддержку этой точки зрения суд отметил, что "мирные собрания — это ... групповая деятельность, неспособная к индивидуальному исполнению". Суд также привел дополнительные примеры в контексте выражения мнения, голосования и религии⁵⁶³, и в итоге постановил, что свобода объединения защищает три вида групповых действий⁵⁶⁴. Рассмотрение основных свобод Верховным судом Канады в этом и других делах показывает, что любой подход к мирным собраниям должен признавать, что "коллективные права дополняют, а не ущемляют индивидуальные права" и что "оба они необходимы для полной защиты прав в соответствии с Хартией"⁵⁶⁵.

До сих пор мы больше обращали внимание на анализ понимания того, как мирные собрания в Канаде, скорее всего, будут интерпретироваться в свете содержания и объема вопросов, общих для всех свобод. Однако нарушение основных свобод также неразрывно связано с обоснованием этого нарушения в соответствии с разделом 1 Хартии. Данный анализ является заключительным этапом большинства судебных решений, ссылающихся на Хартию. В дополнение к требованию, чтобы ограничение прав и свобод было предусмотрено законом, для определения того, что считается оправданным нарушением применяется хорошо известный тест, разработанный в деле *R v Oakes*⁵⁶⁶ (далее – тест Оакса).

Применение теста Оакса в прошлых делах, демонстрирует потенциальные проблемы и вопросы, которые могут возникнуть при рассмотрении проблем, связанных с обоснованностью нарушения права на мирные собрания. Например, механизм регулирования пользования дорогами в Квебеке и причины такого регулирования были признаны насущными и существенными целями для принятия закона, ограничивающего возможность демонстраций на дорогах⁵⁶⁷. Оправдание нарушения права на мирные собрания в Канаде часто зависит от минимального ущерба и соразмерности.

---

⁵⁶² *Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General)*, 2015 SCC 1 at para 64.

⁵⁶³ *Ibid.*

⁵⁶⁴ К ним относятся: "1) право объединяться с другими и создавать ассоциации; 2) право объединяться с другими для реализации других конституционных прав; и 3) право объединяться с другими для того, чтобы на более равных условиях противостоять власти и силе других групп или образований" (*Ibid* at para 66).

⁵⁶⁵ *Ibid.* at para 65.

⁵⁶⁶ [1986] 1 SCR 103 [Oakes].

Данный тест определяет существует ли "насущная и существенная цель" и "соразмерны ли выбранные средства этой цели". Последнее включает рациональную связь с целью, минимальное ущемление затронутого права и "соразмерность между пагубными и полезными последствиями" (См.: PW Hogg. *Constitutional Law of Canada*, 5th ed. Toronto: Carswell, 2007. Vol 2, ch 38).

⁵⁶⁷ "Безопасность, свободное передвижение людей и товаров по общественным дорогам и доступ к зданиям, которые их окружают" [перевод автора] (*Garbeau v Montréal (Ville de)*, 2015 QCCS 5246. Paras 210-14).

Поэтому неудивительно, что иски демонстрантов, возводящих постоянные сооружения или укрытия, не увенчались успехом при проведении теста Оакса⁵⁶⁸. Муниципальный и высший суд Квебека в деле *Bégubé v Villeneuve*⁵⁶⁹ также пришли к выводу, что раздел 1 Хартии оправдывает требование к демонстрантам предоставить органам исполнительной власти свой маршрут или информацию о местоположении для того, чтобы полиция могла оказать им помощь. Такое требование было признано минимально ущемляющим права человека, поскольку уведомление было единственным требованием; не требовалось никакого разрешения или санкции, а единственной меньшей альтернативой было бы отсутствие уведомления вообще⁵⁷⁰. Эти примеры иллюстрируют те вопросы, которые активно обсуждаются в канадской доктрине и правоприменительной практике, в рамках разработки теории касающейся свободы мирных собраний.

Важность складывания устойчивой судебной практики связана с необходимостью единообразия трактовки решений принимаемых при рассмотрении связанных нарушений связанных с основными права и свободами. Например, в контексте защиты права на свободу объединения было признано необоснованным исключение членов Королевской канадской конной полиции (далее - КККП) из числа участников коллективных переговоров⁵⁷¹. Это решение было оправданным, поскольку другие полицейские подразделения без проблем использовали право на свободу коллективных переговоров⁵⁷², а исключение имело своим следствием необоснованное препятствование членам КККП заниматься основными видами деятельности, связанными со свободой собраний и объединений. Полный запрет данных свобод не должен быть легко оправдываемым, учитывая последующие пагубные последствия⁵⁷³. Тот же принцип применим к основным аспектам свободы мирных собраний. Важно также понимать, что различные точки зрения на то, что может представлять собой потенциальное нарушение, могут совпадать или не совпадать с тем, что составляет основное конституционное содержание свободы мирных со-

---

⁵⁶⁸ См. *Batty v Toronto (City)* at paras 70-72; *Calgary (City) v Bullock* at para 12.

⁵⁶⁹ *Villeneuve c Montréal (Ville de)* at paras 386-90.

⁵⁷⁰ Причем Высший суд Квебека отметил, что уведомление может быть предоставлено в последнюю минуту перед собранием (*Ibid*, paras 140, 143-45, 460-62).

⁵⁷¹ *Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General)*, at paras 147, 151-53.

⁵⁷² *Ibid*.

⁵⁷³ Хотя большинство судей в деле *Mounted Police Association of Ontario v Canada* даже не стали проводить анализ соразмерности нарушенного права, суд сделал ряд выводов, которые иллюстрируют негативные последствия нарушения права на свободу объединения. Например, "процесс, который подрывает права работников на выбор того, что отвечает их интересам и как они должны отстаивать эти интересы, не выполняет функции коллективных переговоров". *Ibid*. para 85. Кроме того, "процесс, в котором доминирует руководство или который находится под его влиянием, не выполняет функции коллективных переговоров. Вот почему полноценный процесс коллективных переговоров защищает право работников создавать независимые от руководства ассоциации и вступать в них" (*Ibid*. para. 88). "Если работники не могут выбрать представителя, который будет выступать от их имени, этот представитель вряд ли будет отстаивать их интересы. Именно выбор работником представителя гарантирует представительный голос" (*Ibid*. para 101). Данное исключение из прав "скорее способствовало, чем сдерживало, недовольство и волнения в рядах КККП" (*Ibid*. para 147).

браний в самом в законе. Например, с точки зрения канадских демонстрантов, 24-часовой характер демонстраций движения "Оссуру", вероятно, был его определяющей чертой; любой участник демонстрации рассматривал бы ограничение времени как практический запрет. Однако законы, ограничивающие время и продолжительность демонстраций, рассматривались судами как оправданные с учетом других интересов и наличия других альтернатив⁵⁷⁴.

Вообще, в Канаде, при трактовке каждой из основных свобод в Хартии вообще и свободы мирных собраний в частности, используются различные подходы к определению конституционных рамок свободы в законе. Это вполне объяснимо, учитывая различные вопросы и разнообразие видов деятельности, защищаемых каждой свободой. По нашему мнению, необходимо определить сферу действия этих свобод, поскольку ни одно право Хартии не является абсолютным, и каждое из них неизбежно взаимодействует с другими правами - в том числе с правами, принадлежащими современному политическому государству⁵⁷⁵. Понимание того, как суды по-разному трактуют эти сферы, позволяет понять, какой подход к мирным собраниям наиболее выгоден в долгосрочной перспективе.

Например, в подходе к свободе религии основное внимание уделяется тому, что представляет собой посягательство на эту свободу. Тест состоит из двух частей: во-первых, "искренне ли истец верит в убеждения или практику, которые связаны с религией", и, во-вторых, является ли рассматриваемый закон или действие "более чем тривиальным или несущественным" вмешательством в способность истца действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями⁵⁷⁶. Большинство Верховного суда Канады постановило, что для определения наличия такого вмешательства необходимо рассматривать каждый конкретный случай⁵⁷⁷. Это соответствует разнообразию религиозных убеждений и практик, в отношении которых потенциально может быть заявлена конституционная защита. Кроме того, вмешательство должно быть таким, чтобы оно обоснованно или фактически угрожало религиозным убеждениям или практикам. Если оно не угрожает реальным убеждениям или поведению, то речь идет о "тривиальном или несущественном" вмешательстве⁵⁷⁸. Другими словами, для защиты свободы религии в соответствии с Хартией должно быть какое-то воздействие или проявление влияния оспариваемого закона⁵⁷⁹.

---

⁵⁷⁴ См.: *Batty v Toronto (City)*, at paras 106-11 ; *Calgary (City) v Bullock cob Occupy Calgary*), at paras 43-46.

⁵⁷⁵ См. напр.: *Operation Dismantle Inc v Canada*, [1985] 1 SCR 441 at 450 & 488-90.

⁵⁷⁶ *Alberta v Hutterian Brethren of Wilson Colony*, 2009 SCC 37 at para 32.

⁵⁷⁷ *Syndicat Northcrest v Amselem*, 2004 SCC 47, para 60.

⁵⁷⁸ *Alberta v Hutterian Brethren of Wilson Colony*, para 32.

⁵⁷⁹ Например: государственная школа запретила ношение кирпана, даже при определенных условиях (*Multani v Commission scolaire Marguerite-Bourgeoys*, 2006 SCC 6).

В отличие от свободы религии, к свободе выражения мнения применяется более широкий подход. Первым этапом является определение факта того, что деятельность "передает или пытается передать смысл, она имеет выразительное содержание и *prima facie* подпадает под сферу действия" этой свободы⁵⁸⁰. На следующем этапе выясняется, ограничивает ли цель или эффект оспариваемого действия правительства выражение мнения⁵⁸¹. Учитывая широкий характер первого этапа и тот факт, что судебные разбирательства по Хартии не будут иметь места, если не выявлено нарушение на втором этапе, судебная практика в области свободы выражения мнений в основном сосредоточена на том, можно ли признать целесообразным закон, нарушающий права и свободы граждан⁵⁸².

В соответствующих случаях Верховный суд Канады также проводит различие между формой и содержанием в рамках анализа свободы выражения мнения. Как правило, все содержание заслуживает защиты, но способ или место его выражения могут быть иными⁵⁸³. Например, сфера действия свободы выражения мнений ограничена решением Верховного суда Канады о том, что выражение мнения с применением насилия и выражение мнения на в помещении, являющемся частной собственностью, не защищаются Хартией⁵⁸⁴. Суд также разработал тест для определения того, распространяется ли свобода выражения мнений на конкретную собственность, принадлежащую государству (например, сравниваются общественные улицы с частными офисами)⁵⁸⁵. Однако данные ограничения, относительно невелики по сравнению с общим объемом свободы. Следует также отметить, что даже если способ или местоположение не исключают конкретное выражение мнения из сферы защиты, эти факторы все равно могут в конечном итоге повлиять на анализ раздела 1 Хартии⁵⁸⁶.

Учитывая расширительный характер этой методологии, неудивительно, что канадские суды проводят анализ мирных собраний через призму выражения мнения или просто импортируя соответствующие тесты, применяемые при анализе дел, связанных со свободой выражения мнения. Такой

---

⁵⁸⁰ *Irwin Toy Ltd v Quebec (Attorney General)* at paras 1005-1007.

⁵⁸¹ *Ibid* at 978-79.

⁵⁸² *Halsbury's Laws of Canada, Constitutional Law: Charter of Rights, "Fundamental Freedoms: Freedom of Expression: General Section 2(b) Doctrine"* (VI.2(1)) at HCHR-39.

⁵⁸³ *Montréal (City) v 2952-1366 Québec Inc*, 2005 SCC 62 at para 60.

⁵⁸⁴ *Ibid* at paras 60-61.

⁵⁸⁵ Ключевой вопрос заключается в том, противоречит ли выражение мнения в данном месте целям свободы (т. е. демократическому дискурсу, поиску истины и самореализации). Соответственно, необходимо учитывать два фактора: историческое или фактическое назначение места; и предполагают ли другие свойства места то, что выражение мнения в нем будет подрывать ценности свободы (*Ibid* at paras 73-80).

⁵⁸⁶ *R v Banks*, 2007 ONCA 19, at para. 133.

подход в целом объясним, поскольку мирные собрания по своей природе являются экспрессивной деятельностью⁵⁸⁷. Однако такой подход не позволяет признать уникальные реалии, мотивы и роли, связанные со свободой мирных собраний, например учесть их коллективный характер, который отличается от выражения мнения в целом.

Наконец, судебный подход к свободе на объединения фокусируется на "существенном вмешательстве", которое, хотя и кажется похожим на подход к свободе религии, использует несколько иные формулировки. Существуют различные виды деятельности, защищаемые свободой объединения⁵⁸⁸, и суды будут рассматривать вопрос о том, было ли существенное вмешательство в эту деятельность и соответствующие права. Существенное вмешательство имеет место, когда "намерение или эффект [закона или действия] ... серьезно нарушает или подрывает" ключевой вид деятельности⁵⁸⁹, например, в контексте коллективных переговоров. Решения судов в этом случае, зависят от контекста и конкретных фактов, а основное внимание уделяется тому, имело ли место или может ли иметь место значительное негативное воздействие⁵⁹⁰. Обычно в ходе расследования внимание уделяется важности затрагиваемого вопроса и степени воздействия на него предполагаемого нарушения⁵⁹¹. Соответственно, существенное вмешательство более вероятно предполагается в том случае, если затрагивается один из центральных вопросов⁵⁹². Например, в контексте коллективных переговоров право на забастовку имеет жизненно важное значение; или ограничение ассоциации таким образом, который существенно препятствует ведению коллективных переговоров, является, именно таким нарушением⁵⁹³. Однако для того, чтобы суды могли эффективно применять этот подход, необходимо понимать, какие основные виды деятельности и соответствующие права должны защищаться как часть свободы. Для разработки таких принципов, допустим, в контексте свободы объединений потребовалось несколько лет.

---

⁵⁸⁷ Например, руководящие принципы ОБСЕ говорят: "1.2 Определение собрания. ... [Это] намеренное и временное присутствие ряда лиц в общественном месте с *общей экспрессивной целью*" и "3.3 ... Собрания проводятся с общей экспрессивной целью и, таким образом, направлены на *передачу сообщения*" (См.: Organization for Security and Cooperation in Europe – Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE/ODIHR) & Venice Commission, Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly, 2nd ed. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2010. P. 15, 17).

⁵⁸⁸ Например, защищаемые виды деятельности включают право объединяться с другими людьми и создавать ассоциации, осуществлять другие конституционные права и "на равных встречаться с силой и мнением" других людей. Соответственно, свобода гарантирует "право работников на конструктивное сотрудничество в достижении коллективных целей на рабочем месте", что включает в себя право на ведение коллективных переговоров (См.: Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General) at paras 66-67).

⁵⁸⁹ Возможные примеры включают в себя: законы или действия, направленные на "разрушение профсоюза"; недобросовестные действия; отмена в одностороннем порядке условий переговоров без какого-либо значимого процесса обсуждения и консультаций (См.: Health Services and Support – Facilities Subsector Bargaining Assn v British Columbia, 2007 SCC 27 at para 92).

⁵⁹⁰ Ibid.

⁵⁹¹ Ibid. at параы 93-94.

⁵⁹² Meredith v Canada (Attorney General), 2015 SCC 2 at para 52.

⁵⁹³ Saskatchewan Federation of Labour v Saskatchewan, 2015 SCC 4 at paras 24-25.

Таким образом, чтобы лучше содействовать развитию мирных собраний именно как независимой свободы, канадским судам необходимо пересмотреть стандартный подход к их понятию. Необходимо учитывать, что анализ, используемый в отношении свободы религии и свободы объединения, совместим со свободой мирных собраний, учитывая общее сходство этих свобод. Свобода религии и свобода объединений в большей степени ориентированы на ответ на вопрос, - является ли вмешательство "более чем тривиальным или несущественным" или "существенным" соответственно. Неясно, являются ли эти два стандарта единственными, или существует возможность того, что нарушение может находиться между ними (например, оно выше, чем "более чем тривиальное или несущественное", но не настолько высоко, чтобы достичь "существенного"). Однако практическая разница между этими двумя стандартами может быть минимальной, если учесть, как на самом деле проводится анализ в соответствующем контексте. Кроме того, всегда существует определенный спектр нарушений: даже если степень нарушения играет ограниченную роль на этапе определения объема, она, скорее всего, все равно будет играть роль на этапе обоснования правонарушения в соответствии с первым разделом Хартии.

Такой подход позволяет проводить уникальный анализ и получать результаты, которые лучше учитывают уникальные особенности и характер свободы мирных собраний. Учитывая, что в данной монографии анализируются правовые принципы, лежащие в основе свободы мирных собраний в Канаде, сама их концепция указывает на то, какой подход является наиболее оптимальным. Соответственно, тест на существенное вмешательство предлагает больший потенциал для анализа объема и содержания данной свободы. Это особенно актуально, поскольку свобода мирных собраний больше похожа на свободу объединений, чем на свободу религии. Хотя обе свободы имеют коллективные аспекты, подход к религии имеет смысл в своем собственном контексте, поскольку существует значительное разнообразие видов деятельности - как внутри религии, так и между религиями, - которые судам, возможно, придется проанализировать, чтобы определить наличие необходимости конституционной защиты. Канадским судам, вообще сложно разработать практическое ядро подробных, универсальных видов деятельности, а также соответствующей практики, которые были бы применимы ко всем религиям. Необходима большая гибкость, и большинство возникающих ограничений происходит в рамках анализа первого раздела Хартии.

В отличие от свободы религии, в отношении свободы на объединения существует гораздо меньшее число видов деятельности, требующих конституционной защиты в данных рамках. Такой подход аналогичен

подходу к свободе мирных собраний, которые также ограничены по своей природе. Более узкий круг защищаемых видов деятельности позволяет более точно определить, какие виды деятельности и права являются центральными в отношении категории «свобода». В соответствии с предписанным судам целевым подходом "рассматривать наиболее конкретную цель или набор целей, которые лежат в основе рассматриваемого права или свободы, исходя из его истории и полного контекста"⁵⁹⁴, следует, что суды должны толковать отдельно стоящую свободу мирных собраний именно таким образом.

Поскольку сфера применения свободы помогает определить, что именно ей защищается, тест на существенное вмешательство также позволяет более четко сформулировать то неотъемлемое ядро, на которое распространяется конституционная защита. В свою очередь, это может дать больше практических рекомендаций относительно объема и содержания свободы, закрепленной в Хартии. Судебное рассмотрение свободы на объединение показывает, как цели защиты становятся более понятными и осуществимыми, когда они становятся более конкретными. Аналогичный подход был бы полезен для лучшего понимания свободы мирных собраний, например, вопросов где и как они должны проходить⁵⁹⁵.

Судебные рекомендации в этом контексте также могут быть особенно полезны для полиции и других государственных субъектов, которые взаимодействуют с демонстрантами, поскольку именно органы публичной власти обычно занимаются проблемами, связанными с демонстрациями, и обладают значительными полномочиями, которые могут быть использованы против собравшихся⁵⁹⁶.

Кроме того, порог "существенного вмешательства" по своей природе выше, чем тот, который обычно используется канадскими судами сейчас. В результате, если будет сделан вывод о существенном вмешательстве в свободу истца мирно собираться, повысится вероятность того, что защищаемая деятельность выдержит анализ обоснованности в соответствии с первым разделом Хартии. Это особенно важно, так как государство, вынуждено будет выдвигать более веские обоснования для подобных нарушений. Как уже отмечалось, демонстрации, потенциальное соответствующее государственное вмешательство и ответные меры сегодня распространены

---

⁵⁹⁴ Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General), at para 50.

⁵⁹⁵ Например, в Руководящих принципах ОБСЕ говорится, что "как правило, собрания должны проводиться в пределах "видимости и слышимости" целевой аудитории" (См.: Organization for Security and Cooperation in Europe – Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE/ODIHR) & Venice Commission, Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly. P. 17). Это контрастирует с опытом G-20 в Торонто, где встреча проходила в конференц-центре Metro Toronto, но официальная зона протеста находилась на некотором расстоянии от него, на северной стороне Квинс-парка.

⁵⁹⁶ Хотя это дело касалось свободы на выражение мнения, оно является примером того, как городские власти неправомерно квалифицировали обычное гражданское несогласие как насильственное, заходит и фактически воспрепятствовали выражению такого несогласия (См., например: Bracken v Fort Erie (Town), 2017 ONCA 668).

как никогда. Об этом свидетельствовали, в частности, саммит G20 в Торонто, демонстрации "Idle No More" (а также демонстрации, вдохновленные другими проблемами коренных народов), движение "Оссиру", студенческие протесты в Квебеке, и демонстрации ультраправых и т. д. Анализ канадской правоприменительной практики связанной с мирными собраниями, также подтверждает важность развития этой области: очевидно, что суды все охотнее вмешиваются в процесс защиты прав тех, чья свобода собираться мирно была нарушена или затруднена⁵⁹⁷.

Так же, по нашему мнению, следует отметить и две особенности, судебного анализа, применяемого в делах касающихся свободы граждан. Во-первых, тест на существенное вмешательство полезен только в сочетании с пониманием, содержания свободы в реализацию которой осуществляется вмешательство. Другими словами, тест на существенное вмешательство, как правило, опирается на формулировки основных видов деятельности при определении объема каждой свободы. В этом отношении практики по делам о свободе на ассоциации разрабатывались десятилетиями. В отличие от них, к настоящему времени существует относительная нехватка дел, касающихся свободы на мирные собрания. Хотя отсутствие в Канаде обширной судебной практики по свободе мирных собраний изначально кажется серьезной проблемой, существуют методы, позволяющие смягчить этот недостаток. Например, многие принципы судебной защиты, разработанные для других свобод, защищаемых Хартией (к ним прежде всего относится свобода объединений и выражения мнений), могут лежать в основе развития практики разбора дел касающихся свободы мирных собраний и применимы по аналогии⁵⁹⁸. Кроме того, прекрасную основу для определения объема и содержания свободы мирных собраний в Канаде представляют собой Руководящие принципы по свободе мирных собраний Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе - Бюро по демократическим институтам и правам человека и Венецианской комиссии⁵⁹⁹.

Во-вторых, вызывает некоторую обеспокоенность то, что порог "существенного вмешательства" перекладывает бремя ответственности доказывания с государства (в части обоснования) на истца (в части объема и содержания свободы). Однако, учитывая "свободу действий", предоставляемую в настоящее время в современной канадской юриспруденции для обоснования заявлений о нарушении свободы, а также характер судебных разбирательств по

---

⁵⁹⁷ См. например: *Good v Toronto (Police Services Board)*, 2016 ONCA 250, 2016 CanLII 76801 ; *Matton c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4297 ; *Charest-Bourdon c (Ville de)*, 2017 QCCS 4291 ; *Valade c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4299 ; *Dépelteau c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4298 ; *Beauchemin-Laporte c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4293 ; *Daigneault-Roy c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4292 ; and *Lebrun c Montréal (Ville de)*, 2017 QCCS 4288.

⁵⁹⁸ См. например: *Mounted Police Association of Ontario v Canada (Attorney General)*, at paras 48, 57-58, 62, 69-70, 80.

⁵⁹⁹ См.: Organization for Security and Cooperation in Europe – Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE/ODIHR) & Venice Commission, *Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly*.

Хартии в целом, неясно, имеет ли этот сдвиг какое-либо реальное значение на практике.

Как истец, так и государство должны представить свои аргументы и доказательства независимо от того, кто несет бремя или какой вопрос - сфера применения или обоснование - будет более весомым для суда в каждом случае. На практике реальных последствий может и не быть. И наконец, с точки зрения гражданского судопроизводства, истцам зачастую тактически выгоднее обосновать свое заявление первоначальной характеристикой проблемы, чем защищаться, отвечая на возражения правительства. Таким образом, точка зрения демонстрантов может лучше обоснована в самом начале судопроизводства начала, что благоприятно скажется на понимании и развитии содержания свободы на мирные собрания⁶⁰⁰.

Подводя итог развитию права на свободу мирных собраний в Канаде, можно сказать, что несмотря на относительную неразвитость защиты мирных собраний как самостоятельной свободы по Хартии, обеспечении ее дальнейшей независимости имеет значительный потенциал. В частности, канадским судам будет целесообразно рассматривать и развивать свободу на мирные собрания именно как независимую свободу, а не просто как форму права на выражение мнения. Общие черты основных свобод, закрепленных Хартией, дают некоторые первоначальные указания относительно того, как суды должны подходить к пониманию свободу на мирные собрания, а также интерпретировать и развивать ее. Вместо того чтобы трактовать ее в рамках свободы выражения мнений - что, похоже, является стандартом в настоящее время - для определения объема и анализа вопросов, связанных с мирными собраниями, суды должны использовать подход существенного вмешательства, характерный для свободы на объединения. Как уже отмечалось, ее природа во многом схожа со свободой мирных собраний. Такой подход также лучше подходит для содействия развитию содержания мирных собраний как отдельной независимой свободы.

Кроме того, в канадской правоприменительной практике остаются без ответа многие вопросы. Например: вопрос о возможных целях и задачах демонстраций и как они должны влиять на гарантированную Конституцией свободу мирных собраний; о существовании форм выражения общественного недовольства, которые подлежат особой защите; есть ли особая

---

⁶⁰⁰ Возможна и другая точка зрения. Сторонники уголовно-правового подхода могут утверждать, что лучше установить более низкий порог того, что считается вмешательством, и возложить бремя доказывания на государство. Однако в отличие от ситуаций с уголовным правом, где законом и судебной практикой закреплены важные отправные точки и гарантии (связанные прежде всего с Уголовным кодексом и прецедентным правом), свобода мирных собраний, как правило, такого не имеет. Кроме того, поскольку в таких ситуациях истцу обычно приходится доказывать свою правоту на основе "баланса вероятностей", а не по более низкому стандарту "разумного сомнения", как в случае с государством, с тактической точки зрения зачастую лучше сформулировать вопросы с самого начала, а не в ответ на характеристику противной стороны.

роль у длительных или, тем более, постоянных мирных собраний и т. д. Что особенно важно, Канаде необходимо прикладывать дальнейшие усилия для обеспечения свободы на мирные собрания, чтобы она могла защитить и принести пользу тем людям, которые в противном случае не смогут повлиять на олигархическое правительство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как итог нашей работы можно собрать ключевые выводы, полученные авторами в ходе исследования процесса возникновения и развития права на мирные собрания в странах с англо-саксонской правовой системой.

Прежде всего, вспомним основные тезисы английской философской, оказавшие ключевое воздействие на регулирование гражданских свобод (в том числе на свободу слова и свободу собрания) школы.

Фактически, одним из важнейших различий между континентальной (романо-германской) школой Аквината и основанных на догмах Оккама (англо-саксонских) идеях Гоббса лежат в толковании природы и сущности «общественного договора».

Для Гоббса, и в целом всей английской школы просвещения, «общественный договор» — это отношение между сувереном и подданным, при котором актором права (хоть и выступающим в интересах всего сообщества) является суверен, а подданный, стремящийся к сохранению всеобщего благополучия, фактически может реализовать свою свободу слова только посредством петиции к суверену. Все иные свободы будут вне закона.

Континентальная (романо-германская) школа просвещения исходит из постулата Фомы Аквинского, который утверждает, что естественное право следует понимать, как принципы права, которые заложены в каждой дееспособной личности. Каждый способен быть актором права, а право суверена должно быть преобразовано в суверенитет (государства или народа) посредством особых гарантий гражданских прав и свобод.

Каждый человеческий закон — это попытка достичь этой цели по существу (как бы сильно или слабо законодатели ни преследовали эту цель).

В природе человека стремление к анархии, чем больше личных интересов необходимо учитывать в общественном договоре, тем выше стремление нарушить догму сохранности, то есть стремление к «абсурду» по Гоббсу. Возжелавший постулировать свой личный интерес (свобода слова, свобода собраний) выше общей безопасности абсурден и опасен. Нетрудно понять, как суверен и подданный могут противоречить друг другу. Это и есть потенциальный (неизбежный) антагонизм между абсолютным сувереном с абсолютной властью и абсолютным подданным с неоспоримым правом.

Нет и не может быть идеальной формы власти. В главе 19 Гоббс утверждал, что извращенный тип правления - всегда вопрос мнения. Когда правительства обвиняют в «извращениях», это, прежде всего, говорит о том, что обвинителям просто не нравится это правительство. Наши взгляды будут меняться по мере того, как будет меняться наше понимание

наших интересов по отношению к политике правительства. Такие слова, как "тирания", являются провокационными и неопределенными по смыслу. Обвинение в тирании может быть брошено в любой момент, и оно не имеет под собой никакой объективной основы. Для большинства форма правления будет вторична по отношению к интерпретации политики и ее последствий для интересов; не существует формы правления, которая была бы защищена от обвинений, и изменения формы не могут изменить этот факт. Какой бы ни была форма правления, вопрос будет заключаться в том, воспринимают ли ее субъекты как произвольную или нет. Произвол неизбежно является вопросом восприятия, когда отсутствует общепринятый политический дискурс.

Следовательно, потенциал для недовольства есть всегда, а свобода слова не способна устранить или минимизировать социальное возмущение.

Вне идеального случая всегда существует зарождающийся конфликт между естественным мотивом самозащиты, включающим самоутверждение, и гражданским мотивом подчинения закону. Таким образом, ни один человек не может быть обязан убить себя или выдать себя. С другой стороны, когда суверен приказывает нам взять на себя опасные обязательства во имя содружества - цели, ради которой суверен был нами уполномочен, — мы не имеем права отказаться и не имеем права высказывать доводы против для третьих лиц.

Доктрина разделения властей приведет к хроническим кризисам политической власти, когда постоянные правила законодательной власти вступят в неизбежный конфликт с дискреционной прерогативой исполнительной. Так же опасение логично будет распространить и на свободу слов/собраний – их институализация, согласно логике Гоббса, порождает законную форму сопротивления власти суверена.

Ряд исследователей Гоббса считают, что он согласен с данным рассуждением Аквинского и в подтверждение приводят следующую цитату: «Свобода там, где молчит закон. Где молчит закон, я волен следовать своей воле».

Мы не разделяем позицию о сходстве рассуждений поскольку Гоббс и Аквинский вкладывают принципиально разное ценностное значение в свои суждения.

Для Гоббса это пространство «абсолютной свободы», войны всех против всех, всегда социальное зло, всегда угроза общественному договору. Следовательно, необходимо стремиться сократить такое пространство если не законами, то системой прецедентного судебного права.

Для Аквината это невмешательство публичной власти в сферы личных интересов, регулируемых исключительно естественным правом. Это главное условие общественного договора, так как в нем заложена максима высшую юридическую силу (и для власти, и для народа).

Трактуя свободу слова и собрания как производное право на петицию, английская правовая система лишила конституционных гарантий данные гражданские свободы и этим закрепила главное отличие англосаксонской и романо-германской правовой систем.

Переходя к Великобритании, стоит сказать, что право на публичные собрания трактовалось в начале как разновидность права на петицию, а затем, начиная с конца девятнадцатого века самостоятельным правом, наряду с правом на свободу слова.

Следует отметить и значительную роль профсоюзных движений в организации митингов, резолюций, а также в легитимизации широкого круга публичных собраний, включая съезд и демонстрацию.

Расширение избирательного права (к началу двадцатого века около 30% подданных получили активное избирательное право) поддерживало жизнеспособность публичных собраний и требований в их поддержку.

Хотя народные собрания часто проводились в рамках либерального дискурса, это не исключало факты демонстраций «революционных» плакатов и агитации, что приводило к постоянной дискуссии о допустимости прекращения митинга за эксцесс исполнителя.

В Лондоне было больше всего споров по поводу публичных собраний и мест, где они могут проводиться, которые обсуждались в парламенте, но подобные же споры проводились в каждом городе по всей стране и составляли важную часть провинциальной политической культуры, социальной иерархии и местного самоуправления.

Данный факт привел, к тому, что несмотря на принятие в 1998 закона «О митингах» его толкование в различных графствах существенно отличается.

Переход к административным запретам и использованию общего закона о препятствовании собраниям показал, что и местные власти, и полиция противопоставили требованиям на свободное проведение публичных собраний другие права: право на свободный проезд по шоссе, право на воздух и отдых на открытых местах.

Данное противоречие между различными правами используется полицией Англии на местах и в наше время, как повод действовать по своему усмотрению, часто становится предметом судебного разбирательства.

Также, право на частную собственность часто используется для ограничений права свободного прохода, поскольку в англосаксонской системе институт собственности имеет приоритет над иными частными правами.

В начале двадцатого века угрозы со стороны ряда политических групп, (националистических, коммунистических, экстремистских) потребовали принятия специального законодательства об общественном порядке. Хотя оно было направлено на защиту определенных видов публичных

собраний и маршей протеста, требования р соблюдении и охране общественного порядка привели к определенным дискриминационным мерам. Комиссары Министерства внутренних дел и полиция на местах сами решали, кто должен представлять «общественность» в публичном пространстве.

Право на публичные собрания в Великобритании оставалось незакрепленным в праве вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 года и по-прежнему вызывает серьезные споры по поводу его обеспечения.

Ряд историков связывают относительно резкий (по британским меркам) переход от института петиций к митингам, с предоставлением широких избирательных прав. Нам такая позиция представляется сомнительной, более логичной причиной может выступать резкий рост новостных печатных изданий, для которых освещение публичного протеста всегда отличный повод для публикации (в отличии от петиций).

Однако рост числа массовых публичных политических акций не привел к формированию универсального законодательства о митингах, законного права на публичные собрания в Англии и Уэльсе не существовало вплоть до принятия Закона о правах человека 1998 г., который вступил в силу в 2000 г. В отличии от свободы слова, которая еще в девятнадцатом веке была подтверждена рядом судебных прецедентов и актов парламента (прецеденты, подтверждающие право на публичные.

То, что в других странах англосаксонского права называют законом, регулирующим «свободу собраний», в английском контексте постулируется как «законодательство об обеспечении общественного порядка».

Формирование права на собрания в Британии развивалось, в отличии от континентальной Европы, по чисто экономическим (а не политическим законам). Официально учрежденные публичные собрания проводились целым рядом учреждений, включая приходскую ризницу, городской совет, лорда-лейтенанта, отдельными графствами и так далее. Также можно вспомнить собрания налогоплательщиков, корпоративных гильдий, а после узаконивания в середине XIX в. и городские собрания. Обычно они следовали официальной процедуре, установленной мэром или другим должностным лицом в ответ на запрос от (часто установленного минимума) «респектабельных» жителей, обычно для принятия резолюций, подписания петиции в парламент или ратификации обращения к монарху. Неофициальные публичные собрания, длительное время были дополнением к официальным (вопросами вне повестки) обычно начинались путем аплодисментов или объявлений и участие в них было столь же неоднозначным. Массовые публичные собрания, проводимые на городских площадях или рынках, или внутри общественных или коммерческих зданий, часто все еще сопровождалось ритуальными процессами официального собрания с докладчиками, комитетом, резолюциями, поправками и голосованием.

Переходя к США, стоит прежде всего отметить, что дошедший до нас текст Конституции передает широкое понятие права на мирные собрания двумя способами. Во-первых, он не ограничивает цели собраний общим благом, тем самым косвенно разрешая собрания для целей, которые могут быть противоположны этому благу (хотя и ограничивая собрания мирными средствами). Во-вторых, он не ограничивает собрание целями подачи петиций правительству, что означает, что конституционное выражение собрания может принимать различные формы для разных целей. Ни одно из этих расширенных толкований права на собрание не получило широкого признания в юридическом и политическом дискурсе США на момент принятия Конституции. Однако более широкое видение права на мирные собрания можно найти в практике людей, которые собирались на протяжении всей американской истории.

Тем не менее, первое же испытание права на мирные собрания на практике во время усиливающегося партийного раскола между федералистами и республиканцами и устойчивого политического несогласия, достигшего максимума к лету 1792 года, по поводу деятельности федералистской администрации и ее предполагаемой поддержки британцев в их конфликте с французами, показало ненадежность Билля о правах. Энергичное сопротивление требованиям собравшихся людей со стороны власти имущих и фактический запрет на протестные собрания, продемонстрировали шаткое положение инакомыслящих групп людей в США.

В первой половине XIX в. в Америке продолжались демонстрации движений, носивших политический характер, воплощавших и символизировавших масштабные социальные и культурные проблемы, прежде всего связанные с отменой рабства. Эти собрания столкнулись с клеветническим освещением в СМИ, вопиющими расовыми и сексуальными оскорблениями и даже откровенным насилием - наглядным напоминанием о важности защиты права на свободу собраний от тех, кто стремится ее отрицать.

Проанализировав труды американских правоведов, авторы приходят к выводу, что в американской доктрине часто упускается из вида незаурядная история развития права на мирные собрания, отчасти из-за неправильного толкования судами текста первой поправки к конституции США. Проблема толкования крылась прежде всего в решении 1876 года по делу *United States v. Cruikshank*. Ссылка судьи Уэйта на "право народа мирно собираться с целью подачи петиций Конгрессу для удовлетворения жалоб" в этом решении была близка к тексту Первой поправки. Однако прочитанное в отрыве от его уточняющей формулировки, мнение может быть ошибочно истолковано как ограничивающее право на мирное собрание целью подачи петиции в Конгресс для разрешения жалоб. Данная интерпретация, ограничивающая право на мирные собрания, хотя практически

и не встречалась в дальнейшей судебной практике, сохранилась в научных исследованиях на протяжении десятилетий.

Несмотря на неверное толкование судом понятия "собрание", американцы, отстаивающие право на мирные собрания, настаивали на том, что это право имеет более широкую цель и смысл. Это широкое понимание права на мирные собрания стало наиболее очевидно в прогрессивную эпоху в трех тенденциях: оживление женское движение, всплеск политической активности среди афроамериканцев и все более активизирующееся рабочее движение. В первые десятилетия двадцатого века эти группы обратились к праву на свободу собраний как к важной гарантии своей способности выражать несогласие и выступать за реформы. При этом они настаивали на том, что их публичные собрания были не менее политическими, чем институциональные структуры, которые они критиковали.

Растущий страх перед коммунизмом способствовал грубым посягательствам на свободу собраний для всех прогрессивных движений. В течение нескольких лет право на мирные собрания было ограничено такими недальновидными мероприятиями как принятие закона о шпионаже 1917 года (и поправок к нему 1918 года), закона об иммиграции 1918 года, а также печально известными рейдами Министерства юстиции Палмера в 1920 году, которые фактически торпедировали большинство представлений о свободе слова и свободе объединений, которые пережили войну, чтобы сделать мир безопасным для демократии.

Тем не менее, к середине 1930-х гг. риторика представителей различного политического спектра закрепила важность права на мирные собрания, прежде всего, в трудовом контексте. В речи, произнесенной в 1935 году в День Конституции США, бывший президент Геберт Гувер перечислил свободу собраний среди основных свобод, охраняющих общую свободу. В том же году министр внутренних дел Гарольд Икес, при президенте Рузвельте, назвал свободы слова, печати и собраний "тремя мушкетерами наших конституционных сил" во время выступления на ежегодном обеде Ассошиэйтед Пресс.

В 1937 году Верховный суд установил, что конституционная защита свободы собраний применима как к действиям штатов, так и к действиям федеральных органов власти в деле *De Jonge v. Oregon*. Председатель Верховного суда Хьюз утверждал, что право на мирные собрания "не может быть отклонено без нарушения тех фундаментальных принципов свободы и справедливости, которые лежат в основе всех гражданских и политических институтов, - принципов, которые Четырнадцатая поправка воплощает в общих терминах своего положения о надлежащей правовой процедуре".

В 1947 г. президент Трумэн учредил Программу лояльности федеральных служащих. Программа лояльности давала федеральному правительству право отказывать в приеме на работу "нелояльным" лицам. При определении лояльности правительство могло рассматривать "деятельность и ассоциации", которые включали "членство в любой иностранной или отечественной организации, ассоциации, движении, группе или сочетании лиц, обозначенных Генеральным прокурором как тоталитарные, фашистские, коммунистические или подрывные".

В конце 1960-х гг. право на мирные собрания в законодательстве и политике было практически полностью ограничено публичными собраниями, такими как акции протеста и демонстрации. Более ранние постановления, в которых давалось расширительное толкование данного права, были в значительной степени забыты. В 1983 году суд исключил остатки права свободы собраний из сферы действия закона о свободе слова в деле "Perry Education Ass'n v. Perry Local Educators' Ass'n". После данного решения, даже дела, связанные с протестами или демонстрациями, теперь можно было разрешать без ссылки на право на мирные собрания.

Как итог, мы можем заключить, что исчезновение права на свободу собраний из правового и политического дискурса в США, может вызвать удивление в стране, которая придает столь большое значение Биллю о правах в целом и Первой поправке в частности. Возможно, принципы, заложенные в конституционном праве и предусматривающие право на объединение, охватывают некую групповую автономию, которая расширяет свою концепцию и на право на мирные собрания. Но мы предполагаем обратное. Рассмотренные в нашей работе дела, превратили право на объединение в инструмент контроля, а не защиты людей. При этом они упустили из виду инакомыслящие, общественные и экспрессивные группы, которые когда-то искали убежища в рамках права на мирные собрания. Правительство США проигнорировало мудрые советы известного американского конституционалиста Эдвина Бейкера о том, что "вызов существующим ценностям и решение воплотить и выразить диссидентские ценности — это именно тот выбор и деятельность, которые не могут быть правильно оценены путем суммирования существующих предпочтений" и что "конституционное право на мирные собрания должно защищать деятельность, даже неразумную с точки зрения существующего порядка". Утратив связь с прошлым признанием права на свободу собраний и создание групп, которые ее воплощают, американцы рискуют слишком легко принять ослабленные рамки, которые уступают государственной власти право определять какие группы приемлемы на данный момент. Выбор в пользу стабильности может быть проще в краткосрочной перспективе, но, забывая о свободе собраний, американцы

забывают о той политике и истории, которые привела к закреплению в законе обширных прав и свобод.

Рассматривая историю возникновения и развития права на мирные собрания в Канаде, авторы прежде всего приходят к выводу, что взгляд, согласно которому, в отличие от американского или французского государства, Канада возникла в результате мирного компромисса, а не насилия, является распространенным заблуждением. На самом деле права, которыми канадцы пользовались в период Конфедерации, стали результатом того, что люди боролись и умирали за них.

Разговоры о правах в колониях касались сочетания основных свобод, которые включали в себя надлежащую правовую процедуру, религию, речь, собрания, ассоциации и свободную прессу. Эти права часто были уязвимы перед диктатом авторитарных генералов. Даже по стандартам того времени правительства Новой Франции и (позднее) Британской Северной Америки применяли излишне репрессивные методы.

После английского завоевания Канады, британские губернаторы регулярно попирали права жителей Канады. Они были особенно враждебны к выборным должностным лицам, мирным собраниям требованиям реформ и любому виду политического инакомыслия. Французская революция вызвала у властей страх, что недовольные франко-канадцев, соберутся, чтобы свергнуть правительство. В ответ правительство ограничило гражданские свободы, оправдывая эти меры необходимостью обеспечения безопасности Британской Северной Америки. В конце XVIII – начале XIX вв. был принят ряд законов, которые фактически упраздняли гарантии основных прав и свобод человека, в том числе и свободы на мирные собрания.

Создание Конфедерации в 1867 году стало поворотным моментом в истории формирования государства в Канаде, однако отсутствие билля о правах поставил на повестку дня вопрос о том, была ли защита индивидуальных прав частью первоначального договора, который привел к созданию канадского государства. Как показывает анализ канадского законодательства того времени, в конституции не было перечня прав, включающего в себя право на мирные собрания, аналогичного американскому Биллю о правах. Если американцы защищали права с помощью писаной конституции, то канадцы формулировали права, ссылаясь на британские свободы, которые защищались с помощью обычного права, исторических прецедентов и верховенства парламента.

Кроме этого, к двадцатому веку значимым в жизни в Канаде стала дискриминация. Множественные ограничения препятствовали организации мирных собраний дискриминируемых меньшинств даже под благовидным предлогом. Вообще, особенностью Канады было то, что не существовало

закона, ограничивающего полномочия правительства по ограничению гражданских свобод, в том числе и права на мирные собрания. В результате как в государственной политике, так и в социальной практике люди не обладали одинаковыми правами.

Вообще, в Канаде существует долгая история использования властью чрезвычайных полномочий в ситуациях, которые она считает опасными. В период с 1793 по 1812 год действие Habeas Corpus в Нижней Канаде приостанавливалось почти каждый год. В 1866–1867 годах его действие было вновь приостановлено в ответ на набеги фенианцев из США (фенианцы были ирландскими националистами, которые пытались применить насилие против Канады, чтобы заставить Британию освободить Ирландию).

То есть, тенденция к принятию неоднозначных законов, способных серьезно ограничить гражданские свободы во время чрезвычайных ситуаций, является частью канадской культуры прав. Одним из самых печально известных примеров чрезмерных действий государства в период чрезвычайного положения стал Закон о военных мерах, принятый в 1914 году в начале Первой мировой войны. Этот закон, состоящий всего из двух страниц, наделял федеральное правительство полномочиями приостанавливать действие всех прав. То есть, он передал власть от парламента кабинету министров, который фактически управлял всей страной на основании указов в течение четырех лет. Диапазон распоряжений, вытекавших из этого закона, был ошеломляющим. Правительство приостановило действие habeas corpus, ввело повсеместную цензуру, объявило незаконными многочисленные ассоциации, запретило забастовки, несанкционированные собрания и запретило газетам сообщать о них, ограничило соблюдение процессуальных норм для облегчения судебного преследования, интернировало тысячи вражеских иностранцев и создало агентства по регулированию цен и контролю за производством и распределением товаров.

В первой половине XX в. Канадское государство подавляло политическую активность огромным количеством методов. Например, в Торонто в 1929 году полицейская комиссия издала указ, запрещающий все политические собрания, проводимые на любом языке, кроме английского, и пообещала, что любые общественные места, используемые для "коммунистических или большевистских" собраний, лишатся лицензии.

Таким образом можно сказать, что формирование Канадского государства предполагало систематическое исключение целых категорий людей из полноценного и равноправного участия в общественной жизни. Это исключение могло принимать форму ограничения доступа к материальным благам, заключения в тюрьму предполагаемых диссидентов, лишения людей права голоса в правительстве или мирно собираться для обсуждения дел. В ответ на это люди использовали возможности британского

правосудия, чтобы представить дискриминацию или посягательства на гражданские свободы как нарушение британских традиций и истории. Другими словами, права были тесно связаны с гражданством и национальной идентичностью. Неудивительно, что, учитывая характер формирования государства, культура прав в Канаде развивалась в основном в ответ на действия государства. Каждая маленькая победа создавала основу для выдвижения дополнительных требований о гарантиях прав. Период от восстаний до начала двадцатого века привел к более широкому признанию прав на свободу религии, собраний, ассоциаций, слова и печати, а также на надлежащую правовую процедуру. Таким образом, в основе Канадской культуры прав лежал конфликт. Этот конфликт вновь проявится после Первой мировой войны и станет еще одним критическим моментом в истории прав человека Канады.

Не смотря на сложившийся в России образ Канады как демократического и правового государства, в середине XX века было столько случаев нарушения прав человека, которые мы сегодня считаем преступлениями, что кажется банальным останавливаться на каком-то конкретном случае или человеке. Однако даже по меркам Канады середины XX века выделяется фигура Мориса Дюплесси. Его пребывание на посту премьер-министра Квебека (1936–1939, 1944–1959) называют *Le Grande Noirceur* ("Великая тьма"). Именно на время его правления приходится пик нарушения права граждан на свободу собраний.

Несмотря на репрессивную политику Канадского правительства примечательно то, что оно практически не потеряло поддержки избирателей, несмотря на столь масштабные атаки на гражданские свободы канадцев.

В послевоенные годы начинаются первые робкие попытки конституционного закрепления прав и свобод человека. Так, например в 1947, 1948 и 1950 годах время федеральное правительство инициировало парламентские слушания о возможности разработки национального билля о правах, однако общую Канадскую Хартию прав и свобод удалось принять только в 1982 г. Причем до принятия данной Хартии Канадское правительство умудрялось применять военные законы даже во время мирного времени, как это было в 1970 г.

Принятие Хартии, которая является основным нормативно-правовым актом, защищающим права и свободы Канадцев на современном этапе, радикально изменило подход к защите права на мирные собрания. Подразделы 2(b) и 2(c) Хартии, закрепляющие основные свободы выражения мнений и мирных собраний - теперь рассматриваются как "необходимые для функционирования свободного и демократического общества".

Однако проследим развитие права на свободу мирных собраний в Канаде и его состояние на современном этапе, можно сказать, что несмотря

на относительную неразвитость защиты мирных собраний как самостоятельной свободы по Хартии, обеспечении ее дальнейшей независимости имеет значительный потенциал. В частности, канадским судам будет целесообразно рассматривать и развивать свободу на мирные собрания именно как независимую свободу, а не просто как форму права на выражение мнения. Общие черты основных свобод, закрепленных Хартией, дают некоторые первоначальные указания относительно того, как суды должны подходить к пониманию свободу на мирные собрания, а также интерпретировать и развивать ее. Вместо того чтобы трактовать ее в рамках свободы выражения мнений - что, похоже, является стандартом в настоящее время - для определения объема и анализа вопросов, связанных с мирными собраниями, суды должны использовать подход существенного вмешательства, характерный для свободы на объединения. Как уже отмечалось, ее природа во многом схожа со свободой мирных собраний. Такой подход также лучше подходит для содействия развитию содержания мирных собраний как отдельной независимой свободы.

Кроме того, в канадской правоприменительной практике остаются без ответа многие вопросы. Например: вопрос о возможных целях и задачах демонстраций и как они должны влиять на гарантированную Конституцией свободу мирных собраний; о существовании форм выражения общественного недовольства, которые подлежат особой защите; есть ли особая роль у длительных или, тем более, постоянных мирных собраний и т.д. Что особенно важно, Канаде необходимо прикладывать дальнейшие усилия для обеспечения свободы на мирные собрания, чтобы она могла защитить и принести пользу тем людям, которые в противном случае не смогут повлиять на олигархическое правительство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грищенко Т. А., Тарасов А. В. Проблемы реализации гражданами права на проведение митингов: монография; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2023. – 387 с.
2. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Реализация права на одиночный пикет в условиях ужесточения законодательства (проблемы практики) // Современное общество и право. – 2022. – № 4 (59). – С. 41–48.
3. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. О допущении введения бессрочных ограничений прав и свобод в международной и отечественной практике (сравнительно-правовой анализ) // Сборник научных трудов «Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе» V Национальной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 415–426
4. Грищенко Т. А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий: монография. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. – 160 с.
5. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Общественная безопасность и личные права — смена приоритетов в конституционном и международном праве в контексте пандемии // Современное общество и право. – 2021. – № 5. – С. 40–47.
6. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции ст. 79 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – № 4. – С. 21–27.
7. Колмаков С. Ю. Международные стандарты свободы собраний // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2017. – Т. 27, № 6. – С. 84–92.
8. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 2 (123). – С. 30–38.
9. Риэкиннен М. А. О понятии «мирный протест» в практике Европейского суда по правам человека // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 139–142.
10. Риэкиннен М. А. Право на мирные собрания: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Финляндии // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 12 (73). – С. 32–39.
11. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в России и Германии: сравнительный анализ процедуры уведомления // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. – 2018. – № 5. – С. 63–72.
12. Саленко А. В. Свобода мирных собраний и дети: законодательство и опыт России и Германии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 79–93.

13. Серебренникова А. В. Уголовно-правовая защита свободы собраний по законодательству Германии // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2 (31). – С. 178–183.
14. Симонова С. В. Риски в сфере принятия и реализации норм законодательства о публичных мероприятиях: проблемы выявления и оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57). – С. 41–46.
15. Гаглоев Д. В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 26 с.
16. Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 31 с.
17. Cromartie A. “The God of Thomas Hobbes // The Historical Journal. – 2008. – Vol. 51, no. 4. – Pp. 857–879.
18. B. Tierney. Dominion of self and natural rights before locke and after. In: MÄkinen, V., Korkman, P. (eds) Transformations in Medieval and Early-Modern Rights Discourse. The New Synthese Historical Library, vol 59. Springer, Dordrecht, 2006. Pp. 173-203.
19. Tierney B. Historical Roots of Modern Rights: Before Locke and After. Ave Maria Law Review, 3, 2005. Pp. 23-43.
20. Tierney B. Natural Law and Natural Rights Old Problems and Recent Approaches. The Review of Politics, vol. 64, no. 3, 2002. Pp. 389–406.
21. Hallenbrook C. Leviathan No More: The Right of Nature and the Limits of Sovereignty in Hobbes. The Review of Politics, vol. 78, no. 2, 2016. Pp. 177-200.
22. Patrides C. (ed.). The Cambridge Platonists. Cambridge, 1970.
23. Callus D. The Condemnation of St. Thomas at Oxford, Oxford 1946
24. Sharp D. The 1277 Condemnation of Kilwardby, "The New Scholasticism", VIII, 1934.
25. Undersrud D. On natural law and civil law in the political philosophy of Hobbes. History of political thought, vol. 35, no. 4, 2014. Pp. 683-716.
26. De obligatione conscientiae praelectiones decem Oxonii in schola theologica habitae Anno Domini M.DC.XLV by Sanderson, Robert. Cambridge, 1851.
27. Oakley F. Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity in the History of Ideas. New York: Continuum, 2005.
28. Fassó G. La legge della ragione. Bologna, 1964.
29. Cragg G. (ed.). The Cambridge Platonists, New York, 1968.
30. McAdoo H. The Structure of Caroline Moral Theology. London, 1949.
31. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? The Philosophical Review, 64, 1955. Pp. 175-191.
32. Branstetter J. The Leviathan’s Conscience: Hobbesian Human Nature and Moral Judgment. Political Research Quarterly, 70(4), 2017. Pp. 778-789.
33. Coleman J. Dominium in Thirteenth and Fourteenth-Century Political Thought and its Seventeenth-Century Heirs: John of Paris and Locke. Political Studies, 33(1), 1985. Pp. 73-100.

34. Finnis J. Aquinas on ius and Hart on Rights: A Response to Tierney. *The Review of Politics*, 64, 2002. Pp. 407–410
35. Finnis J. Theoretical Intentions of Blackstone. *Natural Law Forum*, XII, 1967. Pp. 163-183
26. Gough J. *Fundamental Law in English Constitutional History*, Oxford, 1955.
37. Parkin J. Hobbes and the Reception of ‘Leviathan. *Journal of the History of Ideas*, vol. 76, no. 2, 2015. Pp. 289-300.
38. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
39. Ryan J. *The Reputation of St. Thomas Aquinas Among English Protestant Thinkers of the Seventeenth Century*. Catholic University of America Press, 1948.
40. Spieker J. Foucault and Hobbes on Politics, Security, and War. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 36, no. 3, 2011. Pp. 187-199.
41. Hoekstra K. Leviathan and Its Intellectual Context. *Journal of the History of Ideas*, vol. 76, no. 2, 2015. Pp. 237-257.
42. Peacock M. Obligation and Advantage in Hobbes Leviathan. *Canadian Journal of Philosophy*, vol. 40, no. 3, 2010. Pp. 433-458.
43. Zuckert M. *Launching Liberalism: On Lockean Political Philosophy*. Lawrence: University Press of Kansas, 2002.
44. Zuckert M, *Natural Rights and the New Republicanism*. Princeton University Press, 1994.
45. Zuckert M. Response to Brian Tierney. *The Review of Politics*, 64, 2002. Pp. 414-415.
46. Vinogradoff P. Reason and Conscience in Sixteenth-Century Jurisprudence. *Law Quarterly Review*, XXIV, 1908. Pp. 373-384.
47. Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books, 1974
48. Sanderson R. *Casus Conscientiae (sive Quaestiones Practicae) Novem*. Cambridge, 1688.
49. R. Tuck. *Natural Rights Theories: Their Origin and Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
50. S. Christopher. War, Madness, and Death: The Paradox of Honor in Hobbes’s Leviathan. *The Journal of Politics*, vol. 76, no. 1, 2013. Pp. 114-125.
51. S. Swanson. The Medieval Foundations of John Locke's Theory of Natural Rights: Rights of Subsistence and the Principle of Extreme Necessity. *History of Political Thought*, vol. 18, Iss. 3, 2007. Pp. 399 – 459.
52. Aquionas T, *Summa contra Gentes*. Pp. 64-110 URL: <https://basilica.ca/documents/2016/10/St.%20Thomas%20Aquinas-The%20Summa%20Contra%20Gentes.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).
53. Aquionas T. *The Summa Theologia*. URL: https://www.documenta-catholicaomnia.eu/03d/1225-1274,_Thomas_Aquinas,_Summa_Theologiae_%5B1%5D,_EN.pdf (дата обращения: 16.01.2024).
54. Davitt T. *The Nature of Law*. St. Louis, 1951.
55. Wood T. *English Casuistical Divinity during the Seventeenth Century, with Special Reference to Jeremy Taylor*. London, 1952.
56. Bourke V. *Aquinas' Search for Wisdom*. Milwaukee, 1965.

57. Bourke V. *Foundations of Justice*, in *Ethics in Crisis*, New York, 1966.
58. Leyden W (ed.). *John Locke: Essays on the Law of Nature: The Latin Text with a Translation, Introduction and Notes, Together with Transcripts of Locke's Shorthand in His Journal for 1676*. Clarendon Press, 2002.
59. Гоббс Т. Левиафан: с комментариями и иллюстрациями : хрестоматия / Томас Гоббс ; перевод с латинского Александра Гутермана составление, предисловие и комментарии кандидата философских наук, доцента Натальи Николаевны Плужниковой. – Москва : АСТ, 2022.
60. Локк Д. Опыты о законе природы // Сочинения : в 3 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3.
61. Croll A. *Street Disorder, Surveillance and Shame: Regulating Behaviour in the Public Spaces of the Late Victorian British Town*. *Social History*, 24, 1999. P. 250–268.
62. Dicey A. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London: St. Martin's Press, 1962.
63. Dicey A. *On the Right of Public Meeting*. *Contemporary Review*, 55, 1889. P. 921-946.
64. Taylor A. *Commons Stealers, Land-Grabbers and Jerry Builders: Space, Popular Radicalism and the Politics of Public Access in London, 1848–1880*. *International Review of Social History*, 40, 1995. Pp. 383-407.
65. Bantman C. *Anarchists, Authorities and the Battle for Public Space, 1880–1914: Recasting Political Protest as Antisocial Behaviour in Anti-Social Behaviour: Victorian and Contemporary Perspectives*, ed. S. Pickard. Basingstoke, 2014. Pp. 65–76.
64. Hamlin C. *Nuisances and Community in Mid Victorian England: The Attractions of Inspection*. *Social History*, 38, 2013. Pp. 346-379.
65. Reilly C. *The Greening of the City: Urban Parks and Public Leisure 1840–1939*. Routledge, 2019.
66. Tilly C. *The Rise of the Public Meeting in Great Britain, 1758–1834*. *Social Science History*, 34, 2010. Pp. 291-299.
67. Churchill D. *Crime Control and Everyday Life in the Victorian City: The Police and the Public*. Oxford, 2017.
68. Mead D. *The New Law of Peaceful Protest: Rights and Regulation in the Human Rights Act Era*, 2010.
69. Royle E. *Radicals, Secularists and Republicans: Popular Freethought in Britain, 1866–1915*. Manchester, 1980.
70. Dickinson H. *The Politics of the People in Eighteenth Century Britain*. Houndmills, 1994.
71. Innes J. *The Local Acts of a National Parliament: Parliament's Role in Sanctioning Local Action in Eighteenth-Century Britain*. *Parliamentary History*, 17, 1998. Pp. 23–47.
72. Lawrence J. *Fascist Violence and the Politics of Public Order in Britain*. *Historical Research*, 76, 2003. Pp. 238–267.
73. Rudbeck J. *Popular Sovereignty and the Historical Origin of the Social Movement*. *Theory and Society*, 41, 2012. Pp. 581–601.

74. Vernon J. *Politics and the People: A Study in English Political Culture (1815–1867)*. Cambridge, 1993.
75. Awcock H. The Geographies of Protest and Public Space in Mid-Nineteenth-Century London: The Hyde Park Railings Affair. *Historical Geography*, 47, 2019. Pp. 194–217.
76. Miller H. The British Women’s Suffrage Movement and the Practice of Petitioning, 1890–1914. *Historical Journal*, 64, 2021. Pp. 332–356.
77. Channing I. *The Police and the Expansion of Public Order Law in Britain, 1829–2012*. Routledge, 2017
78. Keller L. *Triumph of Order: Democracy and Public Space in New York and London*. New York, 2010.
79. Mayall L. Defining Militancy: Radical Protest, the Constitutional Idiom, and Women’s Suffrage in Britain, 1908–1909. *Journal of British Studies*, 39, 2000. Pp. 340–371.
80. Gorman M. *Saving the People’s Forest: Open Spaces, Enclosure and Popular Protest in Mid-Victorian London*. Hatfield, 2020.
81. Knights M. The Lowest Degree of Freedom: The Right to Petition Parliament, 1640–1800. *Parliamentary History*, 37, 2018. Pp. 18–34.
82. Lobban M. From Seditious Libel to Unlawful Assembly: Peterloo and the Changing Face of Political Crime.1770–1820. *Oxford Journal of Legal Studies*, 10, 1990. Pp. 307-352.
83. MacMaster N. *The Battle for Mousehold Heath, 1857–1884: Popular Politics and the Victorian Public Park*. Past & Present, 1990.
84. Gurney P. The Politics of Public Space in Manchester, 1896–1919. *Manchester Region History Review*, 11, 1997. Pp. 12-23.
85. Joyce P. *The Rule of Freedom: Liberalism and the Modern City*. History, Political Science, 2011.
86. Card R., Ward R. Access to the Countryside: The Impact of the Criminal Justice and Public Order Act 1994. *Journal of Planning and Environmental Law*, 6, 1996. Pp. 447–462
87. Huzzey R., Miller D. *Petitions. Parliament and Political Culture: Petitioning the House of Commons, 1780–1918*. Past & Present, 2020.
88. Poole R. *Peterloo: An English Uprising*. Manchester, 2019; Malcolm Chase. *Chartism: A New History*. Manchester, 2007
89. Poole R. Petitioners and Rebels: Petitioning for Parliamentary Reform in Regency England. *Social Science History*, 43, 2019.. Pp. 553–579.
90. Vorspan R. Freedom of Assembly: The Right to Passage in Modern English Legal History. *San Diego Law Review*, 34, 1997. Pp. 927-1046.
91. Gunn S. *The Public Culture of the Victorian Middle Class: Ritual and Authority in the English Industrial City, 1840–1914*. Manchester, 2007.
92. Parssinen T. Association, Convention and Anti-Parliament in British Radical Politics, 1771–1848. *English Historical Review*, 88, 1973. Pp. 504–533.
93. The Contested Right of Public Meeting in England from the Bill of Rights to the Public Order Acts. *Transactions of the Royal Historical Society*, volume 32, december 2022. Pp. 199 – 221.

94. The History of two acts, entitled an act for the safety and preservation of His Majesty's person and government against treasonable and seditious practices and attempts, and an act for the more effectually preventing seditious meetings and assemblies; Including the proceedings of the British Parliament, and of the various popular meetings, societies, and clubs, throughout the kingdom: with an appendix and index, &c. To which are prefixed remarks on the state of parties, and of public opinion, during the reign of His Present Majesty (1796). – URL: <https://wellcomecollection.org/works/rg9vn6g3> (дата обращения: 12.01.2024).

95. Саламатова М. Р. Цензы в Российской и европейской избирательной практике первой четверти XX века : [арх. 17 августа 2021] // Избирательное право. – 2016. – № 2. – С. 25-28.

96. Amar A. The Bill of Rights. Creation and Reconstruction. Yale University Press, 2008.

97. Koppelman A., Wolff T., A Right to Discriminate? How the Case of Boy Scouts of America V. James Dale Warped the Law of Free Association. Yale University Press, 2009.

98. Soifer A. Law and the Company We Keep. Harvard University Press, 1995.

99. Annual Report of the Boston Female Anti-Slavery Society. Boston Female Anti-slavery Society, 1837.

100. Oliver B. The rights of an American citizen: with a commentary on state rights, and on the Constitution and policy of the United States, Boston: Marsh, Capen & Lyon, 1832.

101. Baker C. Human Liberty and Freedom of Speech. Oxford University Press, 1992.

102. Higham C. Orson Welles: The Rise and Fall of an American Genius. St Martins Pr, 1985.

103. Rice C. The Constitutional Right of Association. 16 Hastings L.J. 491, 1964-1965. Pp. 491-508.

104. Ripley C. P. The Black Abolitionist Papers. University of North Carolina Press, 2015.

105. Wyzanski C. The Open Window and the Open Door: An Inquiry into Freedom of Association. 35 CAL. L. REV, 1947. Pp. 336-351.

146. Rabban D. Free Speech in Its Forgotten Years, 1870-1920. Cambridge University Press, 1997.

147. Rabban D. The IWW Free Speech Fights and Popular Conceptions of Free Expression before World War I. Virginia Law Review, Vol. 80, No. 5, 1994. Pp. 1055-1081.

148. Douglass F., Blassingame J. The Frederick Douglass Papers: Speeches, debates and interviews. Yale University Press, 1979.

149. Easterbrook F. Implicit and Explicit Rights of Association. 10 Harvard Journal of Law and Public Policy, 1987. Pp. 91-100.

150. Lieber F. Manual of Political Ethics Designed Chiefly for the Use of Colleges and Students at Law. C. C. Little and J. Brown, 1838.

151. Schauer F. The Boundaries of the First Amendment: A Preliminary Exploration of Constitutional Salience. John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 2003.

152. Freedom of association / edited by Amy Gutmann. Princeton, N. J. Princeton University Press, 1998; John Rawls. A Theory of Justice. Harvard University Press, 2020.
153. Corwin E., Chase H., Ducat C. R., Edward S. Corwin's Constitution and What It Means Today. Princeton University Press, 2008.
154. Link E. Democratic-Republican Societies, 1790-1800. Octagon Books, 1965.
155. Jonas G. Freedom's Sword: The NAACP and the Struggle Against Racism in America, 1909-1969. Routledge, 2005.
156. Powell H. A Community Built on Words: The Constitution in History and Politics. University of Chicago Press, 2005.
157. Auerbach J. Labor and Liberty; the La Follette Committee and the New Deal. Bobbs-Merrill Company, 1956.
158. Borda J. The Woman Suffrage Parades of 1910-1913: Possibilities and Limitations of an Early Feminist Rhetorical Strategy. *Western Journal of Communication* 66, 2002. Pp. 25-52.
159. Guild J. Black Laws of Virginia A Summary of the Legislative Acts of Virginia Concerning Negroes from Earliest Times to the Present. Whittet & Shepperson, 1936.
160. Heaton J. Cobb of "The World" A Leader in Liberalism. E. P. Dutton & Co., Inc, 1924.
161. Jameson J. A Treatise on Constitutional Conventions Their History, Powers, and Modes of Proceeding. Callaghan and Company, 1887
162. Inazu J. The Forgotten Freedom of Assembly. University of North Carolina at Chapel Hill, 2007.
163. Inazu J. The Strange Origins of the Constitutional Right of Association. Duke Law School, 2010.
164. Mazzone J. Freedom's Associations. *Jason Mazzone, Freedom's Associations*, 77 *Wash. L. Rev.*, 2002. Pp. 639-767.
165. Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 2020.
166. Roche J. Civil Liberty in the Age of Enterprise. *University of Chicago Law Review: Vol. 31: Iss. 1, Article 4*, 1963. Pp. 103-135.
167. Smith J. The Autobiography of James L. Smith. Press of the Bulletin Company, 1881.
168. Thomas J. The Liberator, William Lloyd Garrison. Little, Brown, 1963.
169. Yellin J., Van Horne J. The Abolitionist Sisterhood. *Women's Political Culture in Antebellum America*. Cornell University Press, 2018.
170. Brant I. James Madison: Father of the Constitution, 1787-1800. Bobbs-Merrill, 1950.
171. Brant I. The Bill of Rights; Its Origin and Meaning. Bobbs-Merrill, 1965.
172. Marcus I. The Johnstown Steel Strike of 1919: The Struggle for Unionism and Civil Liberties. *Pennsylvania History* vol. 63, no. 1, January 1996. Pp. 96-118.
173. Hughes L. Fight for Freedom: The Story of the NAACP. Norton, 1962.
174. Lumsden L. Rampant Women. Suffragists and the Right of Assembly. University of Tennessee Press, 1997.

175. Letter from Abraham Lincoln to Alexander H. Stephens (Jan. 19, 1860). URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/letter-to-alexander-h-stephens/> (дата обращения 27.03.2023).
176. King M. L. Letter from Birmingham Jail. Harper Collins, 1994
177. Memorandum from J. Edgar Hoover, Director, Fed. Bureau of Investigation, to Matthew F. McGuire, Assistant to the Attorney Gen. (Apr. 24, 1941). URL: <https://ncisahistory.org/wp-content/uploads/2017/06/DOJ-Memo-for-J.-Edgar-Hoover-FBI-Director-re-Coast-Guard-Investigative-Authority-Sep-291941.pdf> (дата обращения 18.02.2024).
178. Abernathy M. The right of assembly and association. University of South Carolina Press, 1981.
179. Cogan N. The Complete Bill of Rights: The Drafts, Debates, Sources, and Origins. Oxford University Press, 2015.
180. Isenberg N. Sex and Citizenship in Antebellum America. University of North Carolina Press, 2000.
181. Rosenblum N. Membership and Morals: the Personal uses of pluralism in America. Princeton University Press, 2018.
182. Salvatore N., Schneirov R., Stromquist S. The Pullman Strike and the Crisis of the 1890s. University of Illinois Press, 1999.
183. De Marneffe P. Rights, Reasons, and Freedom of Association, in Freedom of Association. Princeton University Press, 2020.
184. Foner P. The Democratic-Republican Societies, 1790-1800: A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts. Greenwood Press, 1976.
185. Preamble to the Constitution of the Industrial Workers of the World. URL: <https://www.iww.org/preamble/> (дата обращения 02.04.2023).
186. President Franklin Delano Roosevelt, Annual Message to Congress, The "Four Freedoms" Speech (Jan. 6, 1941). URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-franklin-roosevelts-annual-message-to-congress> (дата обращения 16.02.2024).
187. Truman H. S. Address at the Dedication of a Square in Washington to the Memory of Samuel Gompers (Oct. 27, 1951). Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1951.
188. Chesney R. Democratic-Republican Societies, Subversion, and the Limits of Legitimate Political Dissent in the Early Republic. 82 N.C. L. REV. Pp. 1525-1580.
189. Cover R. The Left, the Right and the First Amendment: 1918-1928. Maryland Law Review. Volume № 40, 1981. Pp. 349-388.
190. Elkins S., McKittrick E. The Age of Federalism. Oxford University Press, USA, 1994
191. Fish S. There's no such thing as free speech, and it's a good thing, too. Oxford University Press, 1994.
192. Macedo S. Liberal Virtues: citizenship, virtue, and community in liberal constitutionalism. The Review of Politics, Vol. 50, No. 2, Spring, 1988. P. 215-240.
193. Newman S. Parades and the Politics of the Street Festive Culture in the Early American Republic. University of Pennsylvania Press, Incorporated, 1997.

194. Walker S. In Defense of American Liberties, Second Edition: A History of the ACLU. *Reviews in American History*. Vol. 18, No. 4, 1990. Pp. 3-453.
195. Emerson T. Freedom of Association and Freedom of Expression, *YALE L.J.* 1, 2, 1964. Pp. 1-35.
196. Emerson T., Helfeld D. Loyalty Among Government Employees, 58 *YALE L.J.* 1, 1948. Pp. 1-143.
197. Kornweibel T. *Seeing Red: Federal Campaigns Against Black Militancy, 1919-1925*. Indiana University Press, 1999.
198. Skocpol T. *From Membership to Management in American Civic Life*. University of Oklahoma Press, 2013.
199. Weld T. *The Power of Congress over Slavery in the District of Columbia*. New York, American Anti-slavery Society, 1838.
200. Zick T. *Speech Out of Doors: Preserving First Amendment Liberties in Public Places*. Cambridge University Press, 2009.
201. Tabatha Abu El-Haj. The Neglected Right of Assembly, 56 *UCLA L. REV.* 543, 2009. Pp. 543-589.
202. *The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745-1799*. John C. Fitzpatrick ed., Washington, U.S. Gov., 1940.
203. Blasi V. The First Amendment and the Ideal of Civic Courage: The Brandeis Opinion in *Whitney v. California*. *William & Mary Law Review*, Volume № 4 (29), 1987-1988. Pp. 653-697.
204. Garrison W. *Selections from the Writings and Speeches of William Lloyd Garrison*. R.F. Wallcut, 1852.
205. Galston W. *Liberal pluralism: the implications of value pluralism for political theory and practice*. Cambridge University Press, 2002.
206. Goodell W. *The American Slave Code in Theory and Practice Its Distinctive Features Shown by Its Statutes, Judicial Decisions, and Illustrative Facts*. American and Foreign Anti-Slavery Society, 1853.
207. Chafee (Jr.) Z. *Freedom of Speech*. Harcourt, Brace and Howe, 1920.
208. Hobbins A. J. Eleanor Roosevelt, John Humphrey, and Canadian Opposition to the Universal Declaration of Human Rights: Looking Back on the 50th Anniversary of the UDHR. *International Journal* 53, no. 2, 1998. Pp. 325-42.
209. Cairns A. The Past and Future of the Canadian Administrative State. *University of Toronto Law Journal* 40, no. 1, 1990. Pp. 319-63.
210. Blanchette A. *Canadian Foreign Policy, 1945-2000: Major Documents and Speeches*. Kemptville: Golden Dog Press, 2000.
211. Moravcsik A. The Paradox of U.S. Human Rights Policy. In *American Exceptionalism and Human Rights*, edited by Michael Ignatieff. 147-96. Princeton: Princeton University Press, 2005.
212. Pierre B. No Jews Need Apply. *Maclean's Magazine*, 1, November 1948. Pp. 25-33.
213. Wright B. The Kingston and London Courts Martial. In *Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837-1839*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
214. Anderson C. *Canadian Liberalism and the Politics of Border Control, 1867-1967*. Vancouver: UBC Press, 2013.

215. Nolan C. Human Rights in Canadian Foreign Policy. In *Human Rights in Canadian Foreign Policy*, edited by Robert O. Matthews and Cranford Pratt. 101–14. Montreal and Kingston: McGill–Queen’s University Press, 1988.
216. Nolan C. Influence of Parliament on Human Rights in Canadian Foreign Policy. *Human Rights Quarterly* 7, no. 3, 1985. Pp. 373–90.
217. Nolan C. Reluctant Liberal: Canada, Human Rights, and the United Nations. *Diplomacy and Statecraft* 2, no. 3, 1990. Pp. 101–14.
218. Canada. Special Joint Committee of the Senate and the House of Commons on Human Rights and Fundamental Freedoms. Ottawa: King’s Printer, 1947.
219. Canada. Special Committee on Human Rights and Fundamental Freedoms. Special Committee on Human Rights and Fundamental Freedoms. Ottawa: Queen’s Printer, 1950.
220. Clément D. Canada’s Rights Revolution: Social Movements and Social Change, 1937–1982. Vancouver: UBC Press, 2008.
221. Clément D. Human Rights in Canadian Domestic and Foreign Politics: From ‘Niggardly Acceptance’ to Enthusiastic Embrace. *Human Rights Quarterly* 34, no. 3, 2012. Pp. 751–78.
222. Maul D. The International Labour Organization and the Globalization of Rights, 1944–1970. In *Human Rights in the Twentieth Century*, edited by Stefan-Ludwig Hoffman. 301–20. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
223. Smith D. Emergency Government in Canada. *Canadian Historical Review* 50, no. 4, 1969. Pp. 429–49.
224. Adams E. Building a Law of Human Rights: *Roncarelli v Duplessis* in Canadian Constitutional Culture. *McGill Law Journal* 55, no. 3, 2010. Pp. 437–60.
225. Adams E. The Idea of Constitutional Rights and the Transformation of Canadian Constitutional Law, 1930–1960. University of Toronto, 2009.
226. Heaman E. Rights Talk and the Liberal Order Framework. In *Liberalism and Hegemony: Debating the Canadian Revolution*, edited by Jean-François Constant and Michel Ducharme. Toronto: University of Toronto Press, 2009.
227. Clarke F. Debilitating Divisions: The Civil Liberties Movement in Early Cold War Canada, 1946–8. In *Whose National Security? Surveillance and the Creation of Enemies in Canada*, edited by Gary Kinsman. 171–87. Toronto: Between the Lines, 2000.
228. Greenwood F. The Drafting and Passage of the War Measures Act in 1914 and 1927: Object Lessons in the Need for Vigilance. In *Canadian Perspectives on Law and Society: Issues in Legal History*, edited by W. Wesley Pue and Barry Wright. 291–327. Ottawa: Carleton University Press, 1988.
229. Greenwood F., Wright B. (eds.) *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837*. Vol. 1. Toronto: University of Toronto Press, 1996.
230. Greenwood F., Wright B. (eds.) *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837*. Vol. 2. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
231. Scott F. *Essays on the Constitution: Aspects of Canadian Law and Politics*. Toronto: University of Toronto Press, 1977.
232. Babineau G. La manifestation: une forme d’expression collective. *Les Cahiers de droit*, Volume 53, numéro 4, décembre 2012. Pp. 761–792.

233. Kealey G. State Repression of Labour and the Left in Canada, 1914–1920: The Impact of the First World War. *Canadian Historical Review* 73, no. 3, 1992. Pp. 281–315.
234. Tulchinsky G. *Branching Out: The Transformation of the Canadian Jewish Community*. Toronto: Stoddart, 1998.
235. Marx H. Notes and Comments: The Montreal Anti-Demonstration Bylaw—‘Bed Everywhere.’ *Manitoba Law Journal* 4, no. 1, 1970–1971. Pp. 347–56.
236. Ajzenstat J. *The Canadian Founding: John Locke and Parliament*. Montreal: McGill–Queen’s University Press, 2007.
237. Keshen J. *Propoganda and Censorship during Canada’s Great War*. Edmonton: University of Alberta Press, 1996.
238. Miller J. Human Rights for Some: First Nations Rights in Twentieth-Century Canada. In *Taking Liberties: A History of Human Rights in Canada*, edited by Stephen Heathorn and David Goutor. P. 233–60. Toronto: Oxford University Press, 2013.
239. Petryshyn J. Class Conflict and Civil Liberties: The Origins and Activities of the Canadian Labour Defense League, 1925–1940. *Labour/Le Travail* 10, 1982. Pp. 39–63.
240. Pitsula J. *Keeping Canada British: The Ku Klux Klan in 1920s Saskatchewan*. Vancouver: UBC Press, 2013.
241. Mackenzie J. B. Section 98, Criminal Code, and Freedom of Expression in Canada. *Queen’s Quarterly* 1, no. 1, 1971–1972. Pp. 469–485.
242. Nossal K. Cabin’d, Cribb’d, Confin’d: Canada’s Interests in Human Rights. In *Human Rights in Canadian Foreign Policy*, edited by Robert O. Matthews and Cranford Pratt. Montreal and Kingston: McGill–Queen’s University Press, 1988.
243. Nossal K., Stéphane R., Paquin S. *International Policy and Politics in Canada*. Toronto: Pearson Canada, 2011.
244. Pries K. *Repression, Freedom, and Minimal Geography: Human Rights, Humanitarian Law, and Canadian Involvement in El Salvador, 1977–1984*. MA thesis, Queen’s University, 2007
245. Sellars K. *The Rise and Rise of Human Rights*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2002.
246. Pal L. *Interests of State: The Politics of Language, Multiculturalism, and Feminism in Canada*. Montreal and Kingston: McGill–Queen’s University Press, 1993.
247. Papineau L. J. *Journal d’un fils de la liberté, réfugié aux États-Unis, par suite de l’insurrection canadienne, en 1837*. Montreal: Réédition-Québec, 1972.
248. Ducharme M. *Le Concept de liberté au Canada à l’époque des révolutions Atlantiques 1776–1838*. Montreal and Kingston: McGill–Queen’s University Press, 2010.
249. Mazower M. The Strange Triumph of Human Rights, 1933–1950. *Historical Journal* 47, no. 2, 2004. Pp. 379–98.
250. Riddell M. *The Evolution of Human Rights Legislation in Alberta, 1945–1979*. Edmonton: Government of Alberta, 1978–79.
251. Gordon N., Wood B. Canada and the Reshaping of the United Nations. *International Journal* 47, no. 3, 1991. Pp. 479–503.
252. Rosiers N., Dushman A. (eds.) *Putting the State on Trial: The Policing of Protest during the G20 Summit*. Vancouver: UBC Press, 2015.

253. Organization for Security and Cooperation in Europe – Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE/ODIHR) & Venice Commission, *Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly*, 2nd ed. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2010.
254. Gecelovsky P., Keating T. *Liberal Internationalism for Conservatives: The Good Governance Initiative*. In *Diplomatic Departures: The Conservative Era in Canadian Foreign Policy, 1984–1993*, edited by Kim Richard Nossal and Nelson Michaud. 194–207. Vancouver: UBC Press, 2001.
255. Lauren P. *The Evolution of International Human Rights: Visions Seen*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011.
256. Moogk P. *The Crime of Lèse-Majesté in New France: Defence of the Secular and Religious Order*. In *Canadian State Trials: Law, Politics, and Security Measures, 1608–1837*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. Toronto: University of Toronto Press, 1996.
257. Baehre R. *Trying the Rebels: Emergency Legislation and the Colonial Executive’s Overall Legal Strategy in the Upper Canadian Rebellion*. In *Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837–1839*, edited by F. Murray Greenwood and Barry Wright. P. 41–61. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
258. Knopff R., Morton F. L. *The Charter Revolution and the Court Party*. Peterborough: Broadview Press, 2000.
259. Lambertson R. *Repression and Resistance: Canadian Human Rights Activists, 1930–1960*. Toronto: University of Toronto Press, 2005.
260. Sullivan R. *Sullivan on the Construction of Statutes*, 6th ed. Markham, ON: LexisNexis, 2014.
261. Winks R. *Negro School Segregation in Ontario and Nova Scotia*. *Canadian Historical Review* 50, no. 2, 1969. Pp 164–92.
262. Whitaker R., Marcuse G. *Cold War Canada: The Making of a National Insecurity State, 1945–1957*. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
263. Whitaker R., Kealey G., Parnaby A. *Secret Service: Political Policing in Canada from the Fenians to Fortress America*. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
264. Mathieu S. J. *North of the Color Line: Migration and Black Resistance in Canada, 1870–1955*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010.
265. Stanley T. *Contesting White Supremacy: School Segregation, Anti-Racism, and the Making of Chinese Canadians*. Vancouver: UBC Press, 2011.
266. Moyn S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Boston: Belknap Press of Harvard University Press
267. Watt S. *State Trial by Legislature: The Special Council of Lower Canada, 1838–41*. In *Canadian State Trials: Rebellion and Invasion in the Canadas, 1837–1839*.
268. Greenwood F. M., Wright B. 248–78. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
269. Kaplan W. *Canadian Maverick: The Life and Times of Ivan C. Rand*. Toronto: University of Toronto Press, 2009.
270. Schabas W. *Canada and the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights*. *McGill Law Journal* 43, no. 2, 1998. Pp. 403–44.

Научное издание

Грищенко Тарас Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент
Ляшенко Тарас Тарасович

**ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ
В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Монография

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Артамонов Р. Е.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-911-0

EDN: PMIJJB

Подписано в печать 25.11.2024. Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать цифровая. Объем 12,25 п. л. Заказ № 97/24
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1